

Институт языкознания РАН
Институт перевода Библии

Родной язык

Лингвистический журнал

№ 1 (2)

Москва, 2014

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

*В.М. Алпатов, М. Беерле-Моор, А.В. Дыбо, М.И. Магомедов,
К.М. Мусаев, Д.М. Насилов, Г.Ц. Пюрбеев, М.З. Улаков,
Ф.Г. Хисамитдинова*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

*Т.Б. Агранат, К.Т. Гадилia (главный редактор), А.Н. Биткеева,
В.Ю. Войнов, Т.А. Майсак, О.А. Мудрак, Ю.В. Псянчин,
М.Ш. Халилов*

Редактор *Т.О. Майская*

Верстка *О.Г. Климова*

Адрес редакции: Москва, 119334, Андреевская наб. 2,

Институт перевода Библии

Тел.: (495) 956-64-46

Интернет-сайт журнала: <http://rodyaz.ru>

email: ibt_inform@ibt.org.ru, editor@rodyaz.ru

EDITORIAL COUNCIL

*V.M. Alpatov, M. Beerle-Moor, A.V. Dybo,
F.G. Khasamitdinova, M.I Magomedov, K.M. Musaev, D.M. Nasilov,
T.Ts. Pyurbееv, M.Z. Ulakov*

EDITORIAL BOARD

*T.B. Agranat, K.T. Gadilia (editor-in-chief), A.N. Bitkeeva,
T.A. Maysak, O.A. Mudrak, Yu.V. Psysanchin,
M.Sh. Khalilov, V.Yu. Voinov*

Editor *T.O. Mayskaya*

Typesetting *O.G. Klimova*

Address: Institute for Bible Translation, Andreevskaya nab. 2,

Moscow 119334

Tel.: (495) 956-64-46

Internet: <http://rodyaz.ru>

email: ibt_inform@ibt.org.ru, editor@rodyaz.ru

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции. Михаил Егорович Алексеев	7
<i>Агранат Т.Б., Гадилля К.Т., Майсак Т.А., Насилов Д.М.</i>	
Вспоминаем журнал «Родной язык» 1994 года.....	11

Наследие

<i>Алексеев М.Е.</i> Именные словосочетания в шугнанском языке	35
<i>Эдельман Д.И.</i> Фрагменты исторического синтаксиса шугнанского языка (комментарии к статье М.Е. Алексеева «Именные словосочетания в шугнанском языке»).....	46
<i>Додыхудоева Л.Р.</i> Об одном случае сложения термина в шугнанском языке: игра на дафе	58

Языковые контакты

<i>Мудрак О.А.</i> Кавказизмы в осетинском языке (фонетическая адаптация, разбор семантического поля).....	76
---	----

Лингвистические аспекты перевода Библии

<i>Десницкий А.С.</i> Примеры синтаксического переструктурирования в библейском переводе.....	130
--	-----

Портрет языка

<i>Кузнецова А.И.</i> Коми язык и его диалекты сегодня.....	146
---	-----

Рецензии

<i>Ростовцев-Попель А.А.</i> Рецензия на мегрельско-русско- грузинский словарь <i>Климова Г.А.</i> и <i>Каджаиа О.М.</i>	161
---	-----

Хроника

<i>Андреева И.В., Агранат Т.Б.</i> Всероссийский мастер-класс учителей родных, включая русский, языков.....	167
<i>Саламанова А., Семиогина Е., Шейко Д.</i> Международная конференция «Лингвистическая экология: проблематика исчезающих языков и культур в истории и современности»	171

<i>Майсак Т.А.</i> Открытое заседание отдела кавказских языков Института языкознания РАН, посвященное теме «М.Е. Алексеев и перспективы дагестанского языкознания»	174
---	-----

*Михаил Егорович Алексеев
1949–2014*

Михаил Егорович Алексеев

23 мая 2014 г. в Уфе на 65-м году жизни ушел из жизни основатель журнала «Родной язык», выдающийся российский лингвист, кавказовед, специалист по типологии и сравнительно-исторической грамматике восточнокавказских языков Михаил Егорович Алексеев.

М.Е. Алексеев родился в г. Мытищи Московской области 24 октября 1949 г. В 1972 г. окончил Отделение структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ. Будучи студентом он принял участие в лингвистических экспедициях ОСиПЛа, побывал на Памире, в Азербайджане и в горном Дагестане, где под руководством основателя московской школы полевой лингвистики А.Е. Кибрика начал свой путь в науке. Защитив диплом на тему «Значения основных падежей в арчинском и аварском языках», он поступил в аспирантуру Института языкознания АН СССР, где под руководством ведущего советского кавказоведа Г.А. Климова в 1975 г. защитил кандидатскую диссертацию «Проблема аффективной конструкции предложения», выполненную на материале нахско-дагестанских языков.

С Институтом языкознания РАН была связана вся его дальнейшая научная деятельность. В 1988 г. М.Е. Алексеев защитил в Институте докторскую диссертацию «Сравнительно-историческая грамматика лезгинских языков». В 2001 г. он был избран заместителем директора по научной работе, с 2003 г. заведовал также отделом кавказских языков.

Первой фундаментальной публикацией М.Е. Алексеева был написанный им раздел о типологии нахско-дагестанских языков в совместной с Г.А. Климовым монографии «Типология кавказских языков» (1980), донные сохранивший свое научное значение, несмотря на весь объем новых фактов, полученных в дагестановедении с тех пор.

Выдающимся вкладом М.Е. Алексеева в кавказоведение был цикл его работ по сравнительно-исторической грамматике дагестанских языков. Ему удалось использовать новые перспективы в реконструкции грамматического строя восточно-кавказских языков, открывшиеся в результате работ его друзей и коллег С.А. Старостина и С.Л. Николаева в области сравнительно-исторической фонетики и этимологии. Строго разграничивая хронологические уровни, он предложил глубоко аргументированные и подробно разработанные версии пралезгинской, прааваро-андийской, працезской и, в значительной мере, — правосточнокавказской грамматических реконструкций. Большое значение для развития кавказской компаративистики имела его статья 1986 г. «О методике сравнительно-исторических исследований (на материале дагестанских языков)», в которой были сформулированы методологические основы сравнительно-исторических исследований. Классикой кавказской лингвистики стали его труды «Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис» (1985), «Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков» (1988), «Сравнительно-историческая морфология нахско-дагестанских языков. Категории имени» (2003). К сожалению, «Этимологический словарь лезгинских языков», созданный им в соавторстве с С.А. Старостиным, до сих пор не опубликован.

М.Е. Алексеев внимательно относился к судьбам малых языков не только в теоретическом, но и в практическом плане. В 1990-е гг. он сотрудничал с существовавшими тогда Институтом национальных проблем образования Министерства образования РФ и Институтом языков народов России Миннаца РФ, где, в частности, занимался проблемами создания букварей на родных языках. Им был разработан экспериментальный букварь для ранее бесписьменного цезского языка, изданный в 1993 г. и используемый цезами до сих пор. Кроме того, его перу принадлежат грамматические очерки ряда языков Дагестана, в том числе малочисленных и малоизученных.

Весь этот материал в основном собирался М.Е. Алексеевым «в поле», куда он не переставал ездить со студенческих лет. Неудивительно, что он стал одним из организаторов международных симпозиумов по полевой лингвистике, которые Институт языкознания проводит с 2003 г. Эмблему симпозиума Михаил Егорович нарисовал собственноручно, взяв за основу герб лингвистических экспедиций ОСиПЛа (примус, магнитофонная бобина, цветок как символ «поля» и знак транскрипции).

Немало сил и времени М.Е. Алексеев отдавал редакторской, издательской и просветительской деятельности. Он был редактором тома «Кавказские языки» в рамках энциклопедического издания «Языки мира», с середины 1990-х гг. издавал «Дагестанский лингвистический сборник» (впоследствии «Кавказский лингвистический сборник»), составил библиографический словарь-справочник «Кто есть кто в кавказоведении?» и обширную библиографию по кавказскому языкознанию (в соавторстве с В.И. Кикилашвили), входил в редколлегию «Лингвистического атласа Европы» и ряда других журналов. В качестве ответственного редактора М.Е. Алексеев опубликовал десятки кавказоведческих работ современных учёных, труды классиков кавказоведения.

С начала 1990-х гг. М.Е. Алексеев активно участвовал в работе Института перевода Библии в качестве редактора перевода библейских книг на языки народов Дагестана (в лезгинском, табасаранском, рутульском и др. проектах) и одного из организаторов серии конференций по переводу Библии, проводимых ИПБ совместно с Институтом языкознания. Издание журнала «Родной язык» под эгидой двух Институтов — одна из его последних инициатив.

Неоценимый вклад внес Михаил Егорович и в организацию научного процесса и подготовку новых кавказоведческих кадров. Он был председателем диссертационного совета при Институте языкознания и членом диссертационного совета

при РГГУ, под его руководством защищены более 20 кандидатских и докторских диссертаций.

За заслуги перед дагестанским языкознанием профессор М.Е. Алексеев был удостоен звания «Заслуженный деятель науки Республики Дагестан».

Выдающийся представитель российской кавказоведческой науки, прекрасный руководитель, добрый, открытый, дружелюбный и отзывчивый человек — таким навсегда останется в нашей памяти Михаил Егорович Алексеев.

Вспоминаем журнал «Родной язык» 1994 года

Агранат Т.Б., Гадилия К.Т., Майсак Т.А., Насилов Д.М.

Краткий очерк о журнале «Родной язык» 1994 года выпуска имеет двоякую цель. С одной стороны, сам по себе «Родной язык» 90-х — важная страница в истории отечественной лингвистики, которая, как нам показалось, остается малоизвестной, и данный обзор может восполнить этот пробел. Кроме того, в 2014 г. у этого журнала юбилей — 20 лет с момента выхода. С другой стороны, настоящий выпуск посвящается памяти Михаила Егоровича Алексеева, вдохновителя нового издания журнала «Родной язык» и главного редактора первого номера. М.Е. Алексеев страстно хотел увидеть в этом новом варианте развитие одноименного журнала, три номера которого вышли в 1994 г.

Создание и недолгое существование журнала «Родной язык» в 1990-е гг. было напрямую связано с деятельностью (к сожалению, также оказавшейся недолгой) Института языков народов России.

25 октября 1991 г. Верховный Совет РСФСР принял Закон «О языках народов РСФСР»¹. В Постановлении «О порядке введения в действие Закона РСФСР “О языках народов РСФСР”», в тот же день подписанном Председателем Верховного Совета РСФСР Р.И. Хасбулатовым, в частности, говорилось о том, что в трехмесячный срок после принятия Закона надлежит «создать Институт языков народов РСФСР для научного обеспечения разработки и реализации Государственной программы РСФСР по сохранению и развитию языков народов РСФСР», а с 1992 г. необходимо «предусмотреть в республиканском бюджете РСФСР выделение средств на разработку и реализацию

¹ Позже его название было изменено; в настоящее время это Закон «О языках народов Российской Федерации».

Государственной программы РСФСР по сохранению и развитию языков народов РСФСР, создание Института языков народов РСФСР и Российской государственной службы языковых переводов».

Прошел чуть больший срок, однако 30 июня 1992 г. председателем теперь уже Правительства Российской Федерации Е.Т. Гайдаром было подписано Постановление № 454 «О создании Института языков народов России», которое гласило:

Во исполнение Постановления Верховного Совета РСФСР от 25 октября 1991 г. «О порядке введения в действие Закона РСФСР “О языках народов РСФСР”» Правительство Российской Федерации постановляет:

1. Создать при Государственном комитете Российской Федерации по национальной политике Институт языков народов России.

2. Назначить Нерознака Владимира Петровича директором Института языков народов России.

3. Государственному комитету Российской Федерации по национальной политике по согласованию с Министерством науки, высшей школы и технической политики Российской Федерации, Министерством образования Российской Федерации, Министерством культуры и туризма Российской Федерации и Российской академией наук утвердить устав Института языков народов России.

4. Государственному комитету Российской Федерации по управлению государственным имуществом рассмотреть вопрос о выделении Институту языков народов России необходимых помещений.

5. Министерству торговли и материальных ресурсов Российской Федерации оказать содействие в материально-техническом обеспечении Института языков народов России.

Е. ГАЙДАР

Основание Института стало уникальным событием для истории российской науки и российского общества в целом — впервые было создано учреждение, на которое была возложена «задача большой социальной, политической и культурной значимости: научное обеспечение разработки и реализации Государственной программы РФ по сохранению и развитию всех языков нашей многонациональной страны» (Родной язык. 1994, №1. С. 62)². Институт начал функционировать с 18 января 1993 г. и был организован по модели научно-исследовательского аналитического центра с небольшим числом сотрудников (50 чел.). Он включал четыре отдела: национально-языковой политики (в который входил также сектор русского языка как государственного и языка межнационального общения), этнолингвистики, региональных языков и языков меньшинств, словарей и учебной литературы. Директором Института согласно Постановления Правительства был назначен д.ф.н., проф. В.П. Нерознак, заместителем директора стал д.ф.н., проф. Д.М. Насилов, ученым секретарем — к.ф.н. М.В. Орешкина. В Институте работали такие известные лингвисты, как члены-корреспонденты РАН Э.Р. Тенишев и Ю.Н. Караулов, д-ра ф.н., проф-ра М.И. Исаев, Е.А. Хелимский, И.С. Улуханов, А.Н. Тихонов, д.ф.н. М.Е. Алексеев и др.

У Института были большие планы, и уже в первые годы работы ему удалось немало сделать. Были подготовлены к печати справочники «Красная книга языков народов России» и «Государственные языки в Российской Федерации» [Нерознак 1994; 1995], основана серия «Языки народов России»³

² Здесь и далее мы частично опираемся на заметку «Институт языков народов России: первая годовщина», посвященную деятельности Института и опубликованную в «Родном языке» №1 за 1994 г.

³ Первой монографией в этой серии стал очерк лезгинского языка [Алексеев, Шейхов 1997].

и непериодическое издание «Дагестанский лингвистический сборник»⁴, проведены несколько конференций. В частности, в мае 1993 г. в Элисте проходила всероссийская конференция «Языки народов России: проблемы сохранения и развития», собравшая большое число участников. На этой конференции был поднят вопрос о создании печатного органа, который отражал бы текущие процессы функционирования языков страны (создание такого органа было предусмотрено и Уставом Института).

4 июня 1993 г. на заседании Ученого совета Института было утверждено положение о журнале «Родной язык», определен состав его редколлегии и редакционного совета, состоялось обсуждение основных направлений деятельности журнала. Главным редактором нового журнала стал М.И. Исаев, который представил разработанную им концепцию издания. В редколлегию вошли М.Е. Алексеев, Ю.А. Бельчиков, Е.А. Быстрова, М.В. Дьячков, М.А. Злобина (зам. главного редактора), Э.С. Куницкая (отв. секретарь), В.Ю. Михальченко, Д.М. Насилов, Р.Б. Сабаткоев, А.Н. Тихонов, А.М. Шахнарович. Членами редакционного совета были Р.Г. Абдулатипов, С.Б. Бережан, Г.Г. Гамзатов, Г.Б. Джаукян, А.И. Домашнев, М.З. Закиев, Ю.Н. Караулов, В.Г. Костомаров, А.А. Леонтьев, А.М. Маниязов, В.П. Нерознак, И.Ф. Протченко, В.М. Русановский, В.М. Солнцев, Э.Р. Тенишев, Н.И. Толстой, И.И. Халеева, К.Х. Ханазаров, Е.А. Хелимский.

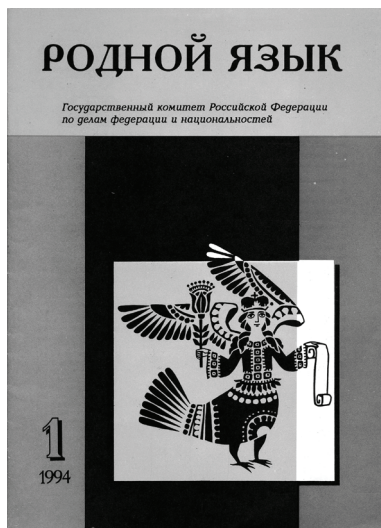
Первый номер журнала был сдан в набор 12 декабря 1993 г., подписан к печати 24 января 1994 г. На титульном листе выпуска значилось: «Теоретический и научно-методический журнал. Выходит 6 раз в год». Издан он был под двумя грифами — Государственного комитета Российской Федерации по делам

⁴ Под редакцией М.Е. Алексеева в 1995 г. вышел первый выпуск «Дагестанского лингвистического сборника», в 1996 г. — второй и третий (в дальнейшем сборник выходил уже под грифом Института языкознания РАН).

федерации и национальностей⁵ и Российской академии естественных наук (секция «Энциклопедика»). Эмблемой журнала, изображенной на обложке, стала райская птица Алконост с цветком и развернутым свитком в руках (см. илл.).

Во вводной статье выпуска, которая так и называлась «Родной язык», главный редактор М.И. Исаев [1994: 5] отметил преимущество нового журнала по отношению к ранее выходившему изданию, посвященному аспектам бытования русского языка в СССР⁶, однако указал и на важные отличия от предшественника:

Журнал «Родной язык» по существу является продолжением журнала «Русский язык в национальной школе», который начал выходить с января 1957 г. (в 1991 г. он назывался «Русский язык в СССР», а в 1992 г. — «Русский язык в СНГ»). В современном своем варианте журнал зарегистрирован Государственным комитетом Российской Федерации по делам федерации и национальностей и несколько видоизменяет свое направление.

⁵ Так со 2 марта 1993 г. стал называться Государственный комитет РФ по национальной политике, при котором был создан Институт языков народов России. К моменту выхода журнала, однако, этот комитет уже перестал существовать: 10 января 1994 г. вместе с Государственным комитетом РФ по социально-экономическому развитию Севера он вошел в Министерство РФ по делам национальностей и региональной политике.

⁶ Заметим, что пост главного редактора журнала «Русский язык в национальной школе» в 1990–1992 гг. занимал сам М.И. Исаев.

Основной целью журнала является содействие разработке проблем национально-языковой политики в многонациональном государстве, решению теоретических вопросов возрождения и развития родных языков, изучению особенностей функционирования государственных языков на территории Российской Федерации, а также СНГ. Большое место займет в журнале анализ двуязычия и многоязычия, а также проблема языка межнационального общения. Особое внимание будет уделено проблемам функционирования языков малочисленных народов с учетом необходимости их максимального использования в развитии этнических культур.

Важной задачей остается для журнала решение многочисленных вопросов преподавания родных языков и литератур в школе и вузе. Наконец, на его страницах будут разрабатываться вопросы культуры литературных языков, расширения их использования во всех сферах жизни народов, включая государственную деятельность, в соответствии с Законом РСФСР «О языках народов РСФСР».

18 ноября 1994 г., также на заседании Ученого совета Института, была заслушана сообщение М.И. Исаева о подготовке второго выпуска журнала. Он был сдан в набор 6 декабря и 26 декабря подписан в печать, на этот раз уже под грифом Министерства РФ по делам национальностей и региональной политики. Почти сразу был подготовлен и третий номер журнала, однако неизвестно, был ли полностью отпечатан его тираж или же только сигнальный экземпляр (на имеющемся в нашем распоряжении экземпляре тираж не указан)⁷. Он был сдан в набор 6 февраля и подписан в печать 28 февраля

⁷ О существовании третьего номера журнала стало известно уже при подготовке настоящего материала; он был случайно обнаружен среди бумаг в кабинете М.Е. Алексева.

1995 г.; при этом на титульном листе указано, что это выпуск №3 за май-июнь 1994 г.

Прекращение издания журнала было связано с тем, что перестал существовать сам Институт языков народов России. Еще 24 мая 1994 г. Постановлением Правительства РФ «Вопросы Института языков народов России» №551 было решено передать его в ведение Государственного комитета РФ по высшему образованию. 20 апреля 1995 г. в новом Постановлении «Вопросы Института народов России» №372, подписанном В.С. Черномырдиным, говорилось уже о передаче Института вновь в ведение Министерства РФ по делам национальностей и региональной политике с переименованием в Институт народов России и с расширением проблематики исследований, куда предполагалось включить «вопросы разработки и научного обеспечения концепции и программы государственной политики в сфере национальных отношений». Фактически, однако, коллектив Института языков народов России, как он сложился изначально, к 1996 г. оказался расформирован.

«Родной язык» 1994 года — библиографическая редкость: даже в фондах Российской государственной библиотеки в Москве и Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге представлен только первый номер журнала. В связи с этим, мы сочли необходимым дополнить очерк истории журнала кратким содержанием трех его выпусков.

В первом номере «Родного языка» опубликованы четырнадцать статей в двенадцати рубриках. Они отражают широкий спектр таких актуальных вопросов, как языковая ситуация, двуязычие, терминологические и лексикографические проблемы функционирования родного языка, взаимосвязь практики и теории, литературы и языка.

Статья главного редактора М.И. Исаева, достаточно эмоциональная, описывает этапы языковой политики СССР в 20-ые, 30-ые и 60-ые гг., кратко и точно характеризуя каждый период, а в финальной части статьи автор формулирует задачи журнала (см. выше).

В рубрике «Языковая ситуация» представлены две статьи. В статье А.Н. Баскакова (Москва) «Социально-демографические и социолингвистические факторы языковых ситуаций в национальных регионах России» на основе статистических данных 1989 г. автор анализирует языковую ситуацию в России: из более ста национальностей около сорока имеют свои автономии; этнодемографической структуре РФ и ее автономиям свойственен дисперсный характер расселения национальностей; в большинстве автономий титульная нация составляет менее 50 %; соотношение городского и сельского типа расселения (60–80 % сельского) в автономиях коррелирует с низким владением литературными формами родного (а также русского) языка, что определяет употребление просторечных и диалектных форм языка; литературные языки автохтонных национальностей в автономиях используется в ограниченных сферах, возрастает языковой нигилизм (50 % карелов, 30 % башкир, коми, мордвы и удмуртов, 20–25 % марийцев и чувашей родным считают русский).

По мнению автора, основным принципом языковой политики должен стать принцип «языкового суверенитета» в соответствии с языковым законодательством РФ (ст. 1, гл. 1 Закона РСФСР о языках народов РСФСР от 1991 г.), а в национальной необходимо ввести раннее билингвистическое обучение. А.Н. Баскаков считает, что в РФ наиболее целесообразно усматривать двуязычие с первым родным и вторым добровольно избираемым одним государственным языком.

Статья Ю.А. Шмелева (Москва) «Содержание термина “языковая ситуация” и связанных с ним социолингвистических понятий» посвящена ключевому социолингвистическому термину «языковая ситуация», который в 60-ые гг. заменил ранее принятый термин «языковое состояние». Автор рассматривает наиболее важные мнения о термине «языковая ситуация», высказанные такими лингвистами, как Г.М. Габучан, Ю.Д. Дешериев, В.А. Аврорин, А.Е. Михневич, и приходит к выводу, что термин широко распространен, хотя в его толковании есть

неопределенность и неоднозначность и, главное, интерпретация «языковой ситуации» как социолингвистического понятия приводит к заметному отклонению от сути термина. Поэтому Ю.А. Шмелев предлагает свое определение термина: «Языковая ситуация — сложившаяся на данный (исследуемый) момент под воздействием экстралингвистических факторов и интралингвистических процессов система функционирования, взаимодействия и взаимовлияния языков и (или) их разновидностей. Понятие ЯС неразрывно связано с такими понятиями, как “языковая среда”, “ситуация речи”, “сферы общения”» (с. 11). Далее автор рассматривает термин «языковая среда» («исторически сложившиеся языковые условия»), вводит термины «макро- и микроситуация». Центральным компонентом языковой ситуации Ю.А. Шмелев считает сферу общения, которая формирует микроситуацию внутри, и заключает, что «для изучения ЯС в целом необходимо погружение в микроситуации, отражающие коммуникативные процессы в различных сферах человеческой деятельности» (с. 12). Путь изучения языковой ситуации проходит через совершенствование терминологического аппарата и независимость науки от политических и идеологических наслений. Так завершает свою статью Ю.А. Шмелев.

Статья А.М. Шахнаровича (Москва) «Родной язык и двуязычие» опубликована в рубрике «Двуязычие и современность». Она посвящена вопросам раннего детского двуязычия. Только на основе относительно развитой речевой деятельности на родном языке появляется и развивается речевая деятельность с использованием средств неродного (второго) языка, формируется двуязычие. Изучение процессов двуязычия в детских садах Таджикистана (многонациональный контингент, русский язык обучения) показало, что в средней группе 33,4 % детей несовершенно владеют русским языком, в старшей группе — 41,6 %, в подготовительной к школе группе — 46,6 %. Эти данные опровергают распространенное мнение о том, что в детстве ребенок легко и быстро может овладеть несколькими языками и что прочность языковых

навыков зависит от условий коммуникации. Поэтому при обучении второму языку следует специальным образом организовать ситуации общения. Для дошкольников рекомендуется организовать игровую ситуацию общения, в которой через компоненты игровой ситуации будут созданы условия для моделирования типа и структуры высказываний, а также мотивированного выбора лексем. В заключение А.М. Шахнарович утверждает, что обучение второму языку должно приходиться на время сравнительно полного развития речевой деятельности на родном языке.

В этой же рубрике опубликована статья «О речевом поведении билингвов» М.А. Хегай (Ташкент). Автор рассматривает три правила речевого поведения билингвов: коммуникативное, этическое и прагматическое. Коммуникативное правило направлено на правильный выбор языка для создания оптимального условия коммуникации. Этическое правило основывается на речевом этикете, который должен подсказать билингву, на каком языке корректнее говорить в данной речевой ситуации. И, наконец, прагматическое правило представляет собой личные потребности пассивного билингва, заинтересованность говорить на втором языке. М.А. Хегай более подробно останавливается на третьем, прагматическом, правиле, как на крайне важном для преподавания неродного языка в школах, в ВУЗах и средних специальных заведениях.

В рубрике «Функционирование родного языка» представлены две статьи. В статье «Роль национальной школы в сохранении и развитии родных языков» Р.Б. Сабаткоев (Москва) отмечает, что после успешной языковой политики в 20-ые и 30-ые гг. ситуация резко ухудшилась в сторону т. н. «языкового нигилизма», но новый закон «О языках народов РСФСР» позволяет улучшить положение. При реализации стратегических задач, вытекающих из этого закона, возрастает необходимость подготовки качественных учебников родного языка. Автор с сожалением отмечает, что в учебных книгах нередко встречаются неточности и ошибки лингвистического характера, так как

в большинстве случаев составлением учебников занимаются методисты и учителя. Уровень учебных пособий зависит от лингвистической разработанности языков. Только в тесном союзе с лингвистами можно создать учебники, способные обеспечить интеллектуальное и речевое развитие обучаемых.

Авторы статьи «О социолингвистическом состоянии, перспективах развития и ходе изучения абазинского языка» С.Х. ИONOVA и А.К. Шагиров (Черкесск) после обширного обзора (с. 24–25) поднимают заявленный в заглавии статьи вопрос. В частности, они пишут: «Историческая судьба абазин обусловила знание ими кроме родного других языков: кабардино-черкесского, карачаевского, ногайского, русского» (с. 26). В дореволюционный период преобладало абазино-кабардино-черкесское двуязычие, чему способствовала общность этногенеза, близость материальной и духовной культуры. В советское время позиция кабардино-черкесского языка ослабла. Одна из причин — установление современных административных границ. Двуязычие сохранилось у сельских детей, матери которых черкешенки или кабардинки. В советский период на первый план вышло абазино-русское двуязычие. Абазино-карачевское и абазино-ногайское двуязычие имеет ограниченное распространение. В заключении С.Х. ИONOVA и А.К. Шагиров отмечают, что абазино-кабардино-черкесское двуязычие в прошлом приводило к полной ассимиляции с адыгским этносом. В условиях абазино-русского двуязычия русский язык стал для абазин языком общения с адыгами, что, по всей вероятности, исключает перспективу ассимиляции.

Рубрика «Терминология» ограничивается одной, но весьма интересной статьей «Проблема зависимости языка исследования от языка-объекта и естественного языка исследователя». Автор статьи Х.Ф. Исакова (Москва) рассматривает особенности метаязыка исследователя на материале терминологии, принятой в русистике и в тюркологии (в основном, терминологическая система татарского языка, реже хакасского и чувашского): 1) один и тот же термин в описаниях разных

языков может иметь не одно и то же значение, 2) метаязык находится во взаимозависимости с естественным языком исследователя и 3) применяется разный подход к одному и тому же понятию. Заинтересованный читатель в статье найдет богатый терминологический материал.

В статье А.Н. Тихонова (Москва) «Комплексный учебный словарь русского языка» (рубрика «Лексикография») представлен словарь нового типа. Далее становится понятно, что «Толковый комплексный словарь русского языка — новый тип словаря, в котором традиционная для толковых словарей информация дается в нетрадиционной манере: ... 12 тысяч словарных статей семантизируют 40 тысяч слов современного русского языка» (с. 36)⁸.

В этой же рубрике в статье «Иноязычная лексика в русской газете» Е.В. Россоловская (Москва) прослеживает отдельные этапы заимствования некоторых сравнительно новых слов, анализируя заметку в «Московском комсомольце» «Будем дружить фирмами» (03.03.1993). Слово *рэкет* встречается уже в газете «Правда» (19.07.1972), но *рэкетир/рекетёр* от англ. *racketeer* появилось недавно. Схожие, с первого взгляда, *инвестировать*, *инвестиция* и *инвестор* имеют разное происхождение: установить язык-посредник интернационализма *инвестировать* сложно; *инвестиция* происходит от немецкого *Investition*, а *инвестор* заимствован из английского. Отмечается, что среди недавних заимствований изобилуют слова с окончанием деятеля *-or/-er*, а также заимствования по способу сложения типа *прайс-лист*, *шоп-тур*, *бизнес-класс*. Автор считает, что необходимо более жестко регулировать количество заимствований и характер их употребления.

Рубрики «Слово и жизнь», «Практика на основе теории», «Литература и язык» объединяет общая тема — все они посвящены преподаванию. Таким образом демонстрируется

⁸ По-видимому, речь идет о «Новом учебном словаре русского языка. Семь словарей в одном томе» А.Н. Тихонова в соавторстве с Е.Н. Тиновой и М.Ю. Казаком (Москва, 2003).

связь с журналом «Русский язык в национальной школе», который упоминает в своей вступительной статье М.И. Исаев.

В.М. Лейчик (Москва) в статье «Путешествие слов» пишет: «В процессе преподавания языка необходимо показывать ученикам, как вместе с элементами культуры и быта переходят из языка в язык слова и выражения» (с. 48). Сам автор описывает процесс заимствования из французского языка в форме популярного рассказа. В статье приводятся общеизвестные особенности:

а) передача франкизмов так же, как писались эти слова в среднефранцузском: *Дидрот, балет, акорд, гугенот*.

б) латинизация: *l'abonnement* (франц. *абонман*) соответствует русскому *абонемент*.

в) описаны франкизмы, заимствованные опосредовано через польский и немецкий языки.

В заключении автор предлагает список рекомендуемой научной литературы.

В статье «Методика учебной работы по социолингвистике» Л.В. Вознюк (Тернополь) делится опытом работы с учениками над темами: а) высказывания о языке и б) документальная информация, содержащая историко-культурные сведения.

Л.Ф. Зиятулина (с. Уразовка Нижегородской области) описывает двухчасовой урок в VI классе после изучения темы «Устное народное творчество» («Урок-посиделки в многонациональной школе»).

М. Мифталиев (Москва) в статье «Горизонталы и вертикали литературных взаимосвязей» обращает внимание на важность преподавания национальных литератур и задает вопрос, как помочь тем национальным литературам, которые еще не развились. Решение он видит во взаимном обогащении и использовании достижений других литератур.

Автором статьи «Прием “коварного слова” в сказовой манере Н.С. Лескова» является Г.В. Сепик (Уссурийск). Он анализирует метод и стиль Н.С. Лескова («Леший»), ссылаясь на мнение В.В. Виноградова о сказе как «своеобразной комбинированной

форме художественной речи»⁹ и характеризует лесковский сказ как «результат «комбинирования» разнообразных образований и форм: от лексических элементов речи (стилистический уровень) до обширных монологических образований (композиционный уровень)» (с. 54). «Коварное слово» по определению автора представляет собой «тонкую игру смыслами, контекстами и формами», когда поверхностное впечатление обманчиво, лицо — маска, серьезный и сухой тон — издевка, а внешне высокое и недоступное — фикция (с. 54).

В «Хронике» А.П. Грачев (Москва) представляет материал по круглому столу «Языки народов России. Реальность и политика. Круглый стол в Федерации мира и согласия». В этой же рубрике помещен отчет Института языков народов России в связи с первой годовщиной его деятельности. Рубрика завершается крайне интересным сообщением об обсуждении в Институте языкознания РАН проекта письменности для уйльтинского языка (тунгусо-манчжурская группа). Проект письменности разработал японский ученый Дзиро Икегами, почетный профессор Хоккайдского университета (Саппоро). Уйльты (другие названия — ульты, ороки, орочёны) — малочисленный народ Сахалина. Участники обсуждения высказали мнения по следующим вопросам: об учете особенностей северного и южного диалектов, о применении кириллической или латинской графики, о способах обозначения отдельных фонем. З.Г. Исаева настаивала на предпочтительности использования в качестве основы уйльтинского алфавита русской графики: другие тунгусо-манчжурские языки (эвенкийский, эвенский, нанайский) имеют письменность на кириллической основе, введение латинской основы вызвало бы технические сложности. Дз. Икегами согласился с этой позицией. Проект был одобрен, предпочтение отдано варианту уйльтинского алфавита на основе русской графики.

В рубрике «Критика и библиография» содержится краткая рецензия Л.Ю. Ледняк (Славянск) на книгу З.У. Блягоза

⁹ Проблема сказа в стилистике // О языке художественной прозы: Избранные труды. Москва, 1980. С. 45.

«Жемчужины народной мудрости. Адыгейские пословицы и поговорки на адыгейском и русском языках» (Майкоп, 1992).

В оригинальной рубрике «Слово народа» опубликована долганская сказка «Земная дужка» на русском языке в пересказе Н. Гессе и З. Задунайской для детей. Назначение этой рубрики редколлегия поясняет следующим образом: «Учителю-словеснику сказки дают увлекательный материал для занятий по развитию речи, этических бесед, сопоставлений с произведениями родного фольклора» (с. 64).

В конце некоторых рубрик и статей публикуются данные о новых книгах с краткими аннотациями.

Второй номер открывается статьей Е.А. Гаер и М.И. Исаева (Москва) «Вопросы существования языков народов Севера (к десятилетию “коренных народов планеты”»)». В ней сделан обзор истории изучения языков народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока с XVII в. и создания письменностей для этих языков. Описываются этапы внедрения языков народов Севера в школьное образование. С сожалением отмечается, что языки народов Севера, несмотря на усилия лингвистов, не получили хоть сколько-нибудь большого развития, указываются как объективные, так и субъективные причины этого. Среди объективных причин называется малочисленность каждой народности, а среди субъективных — перевод письменности с латиницы на кириллицу, что во многих случаях привело и вовсе к утрате письменности. Называется также социально-экономическая причина: принудительное изменение среды обитания и привычного образа жизни и хозяйствования. Ставится вопрос о необходимости принятия срочных мер по возрождению национальных языков и культур.

Во втором номере сохранились рубрики: «Языковая ситуация», «Двуязычие и современность», «Практика на основе теории», «Литература и язык», «Слово народа».

Рубрика «Языковая ситуация» представлена одной статьей — «Роль образования в возрождении, сохранении и развитии языков народов России», автор — М.В. Дьячков (Москва).

По мнению автора, в наше время образование является одним из основных, если не самым основным, фактором сохранения, возрождения и развития языков. М.В. Дьячков призывает как можно скорее устранить унаследованную от советской системы образования «языкобоязнь». Он указывает, что наибольшая эффективность и целесообразность дошкольного и начального школьного обучения детей на их первом функциональном языке является сейчас общепризнанным фактом.

В рубрике «Двуязычие и современность» также одна статья — «Проблемы двуязычия и пути решения». Ее автор, А.Ш. Асадуллин (Казань), пишет о необходимости способствовать овладению детьми в одинаковой степени своим этническим и русским языком. Он ищет пути совершенствования методик преподавания языков, в частности предлагает психолингвистическое обследование каждого ребенка в качестве необходимой меры.

Статья «Суггестно-семантический метод в преподавании русского языка студентам-иностранцам на начальном этапе» — единственная в рубрике «Практика на основе теории». А. Садецкий (Канада), автор нескольких пособий по данному методу, делится успешным опытом, позволяющим во франкоязычных учебных заведениях Квебека за короткий срок научить студентов читать, писать и объясняться по-русски. Данный метод позволяет не только глубже понять язык, но и усвоить большее количество языковой информации, чем традиционный метод. Учащиеся стимулируются не только через успехи, которые весьма значительны, но и через отсутствие механических трудностей (зубрежка и т. п.).

В статье «Симметричный параллелизм в повести Стругацких “Понедельник начинается в субботу”» в рубрике «Литература и язык» исследователь из Денверского университета Ю. Козловски изучает особенности стиля этого произведения.

«Слово народа» в этом номере посвящено осетинскому сказанию «Как Сослан спас Шатану».

Рубрика «Терминология» расширилась и стала называться «Терминология и этнолингвистика», в номере она представлена тремя статьями. Автор одной из них — «Процессы интернационализации терминосистем в балтийских языках» — В.Ю. Михальченко (Москва) прослеживает развитие терминологий в латышском и литовском языках с момента обретения письменности этими языками. Она находит общие черты, а также различия в терминообразовании этих языков, несмотря на их близкое родство и развитие в едином культурном пространстве.

Авторы следующей статьи — «О магических числах в таджикском языке (из очерков по таджикской этнолингвистике)» — рассматривают метафорическое употребление чисел. Некоторые употребления носят скорее ареальный, чем этнический характер. А.А. Керимова и Е.К. Молчанова (Москва) представили довольно обширный материал, тем не менее они заключают, что данная тема нуждается в дальнейших лингвистических и культурологических изысканиях.

Третья статья называется «Проблематика междуязычных аналогизмов (на материале лексических единиц английского происхождения в немецком и русском языках)». Ее автор Р. Гарш (Германия) рассматривает возможные семантические переносы английских заимствований в русском и немецком языках, подробно разбирает культурологические причины расхождения значений одних и тех же заимствованных слов в этих двух языках.

«Критика и библиография» утратила часть названия и была переименована в «Библиографию». В эту рубрику вошла полезная для аспирантов и соискателей статья «Теория и практика оформления результатов диссертационных исследований по методике преподавания русского языка». Н.И. Загузов (Москва) анализирует трудности, с которыми сталкиваются авторы квалификационных сочинений при их оформлении и предостерегает от возможных ошибок.

Появились рубрики «Обучение родным языкам» и «Социолингвистика». Первая представлена статьей Н.М. Хасанова (Москва) «Актуальные проблемы изучения родных языков в национальных школах РФ». Автор пишет о недостатках сложившейся методики преподавания родных языков, приводит примеры того, как при создании учебных пособий по различным языкам с грамматическим строем, отличным от русского, калькировалась русская грамматика. Кроме того, он поднимает вопрос о разграничении языка и диалекта в связи с выбором идиома преподавания.

В рубрике «Социолингвистика» обе статьи посвящены русскому языку. Н.Ю. Авина и Л.М. Буренина (Вильнюс) провели опрос информантов и изложили результаты исследования в статье «Социолингвистический анализ устной русской речи жителей г. Вильнюса (просторечие)». Специфику русского просторечия г. Вильнюса составляет значительный пласт заимствованной лексики. Целый ряд заимствований является приметой местного говора белорусского языка, литовские заимствования не столь значительны, это в основном названия реалий, для которых в русском языке нет соответствий. Русское просторечие Вильнюса представляет собой сложное и неоднородное явление, обусловленное факторами социолингвистического характера.

О.Д. Насырова (Каракалпакстан) в статье «Русский язык в Каракалпакстане» пишет, что каракалпакско-русское двуязычие охватывает абсолютное большинство сфер языкового функционирования: народное образование, массовую коммуникацию, делопроизводство, художественную и научно-популярную литературу, бытовое общение. Узбекско-русское, казахско-русское и туркменско-русское двуязычие функционирует в сфере народного образования и массовой коммуникации; остальные виды национально-русского двуязычия ограничиваются сферой бытового общения. В 1989 г. был принят закон, по которому каракалпакский язык объявлен государственным,

а русскому языку придан статус языка межнационального общения. Младописьменный язык в настоящее время не в состоянии обеспечить все сферы функционирования. Социолингвистический анализ языковой ситуации говорит о перспективности развития русского языка как в Каракалпакстане, так и во всем регионе Средней Азии.

Третий выпуск открывается статьей главного редактора «Языковое законодательство в национально-языковой политике государства». М.И. Исаев подчеркивает, что в последние годы наблюдается «недооценка или огульное охаивание всего того, что было сделано в области национально-языковой политики и языкового строительства за десятилетия советской власти» (с. 3), что затрудняет объективную оценку исторического опыта. Он также предлагает новую версию периодизации истории национально-языковой политики в СССР. Первый этап ограничивался совершенствованием старых письменностей (например, арабской графики у народов мусульманского мира), которые уже не отвечали требованиям оживившегося в 1920-е гг. культурного строительства. Вторым этапом связан с латинизацией многочисленных письменностей народов Средней Азии, Поволжья, Сибири и Кавказа, происходившей в 20-е гг. – первой половине 30-х гг. В качестве самостоятельного третьего этапа можно рассматривать деятельность ученых по созданию новых письменностей: в результате этого уникального, во всемирном масштабе, эксперимента на базе новых алфавитов стали функционировать около 50 литературных языков. Наиболее противоречив четвертый этап, основное содержание которого составляет перевод большинства письменностей народов СССР с латиницы на кириллицу. Далее, в 40-е–50-е гг. была сделана попытка расширения социальных функций молодых литературных языков (в частности, внедрялось преподавание ряда школьных дисциплин на родных языках). Однако на следующем, шестом, этапе это направление в языковом строительстве было свернуто: в 60-е–70-е гг. по автономным республикам России прошла

волна перехода не только преподавания ряда предметов, но и всего обучения на русский язык. Седьмой этап пришелся на «перестроечный» период (1989–1991 гг.), для него характерны бурные процессы языковой реформы, происходящей на фоне процесса суверенизации бывших союзных республик СССР: в частности, государственными языками стали провозглашаться языки «титовых народов», что приводило к неравноправию граждан других национальностей.

Е.А. Быстрова (Москва) в статье «Культуроведческий аспект в преподавании русского языка» (новая рубрика «Язык в условиях диаспоры») пишет о важности «соизучения языка и национальной культуры в преподавании иностранных языков, русского языка как неродного» (с. 7) в новой геополитической ситуации. После распада СССР и образования независимых государств более 25 миллионов людей, родным языком которых является русский, оказались оторванными от своей исторической Родины и ее культуры. Школа должна «восполнить тот дефицит национально-культурного фона, который неизбежен в жизни человека, оторванного от родной культуры, быта, природы» (с. 8), в связи с чем возрастает и роль культуроведческого аспекта в преподавании русского языка. По мнению автора, культуроведческий аспект реализуется в преподавании как предмета «Русский язык» (прежде всего, раздела «Развитие речи»), так и национально-ориентированных спецкурсов, формирующих культуроведческую компетенцию («Ты и твое имя», «Русский речевой этикет», «Русская фразеология в зеркале истории» и др.). Содержание культуроведческого аспекта включает усвоение стереотипов речевого поведения (включая речевой этикет), русских слов-реалий, национально-культурного компонента языковых единиц.

В новую рубрику «Лексикология» вошли три работы. С.И. Камелова (Гурьев) в статье «О механизме формирования переносных значений» рассматривает многозначность русских слов, называющих деятеля, с точки зрения метафорического переноса — от собственно безоценочного обозначения имени

деятеля к характеристике человека (обсуждаются такие лексические единицы, как *запевала, коновал, инквизитор, лицедей, тактик, ремесленник, лапотник, маляр, мясник* и др.). З.М. Малина (Москва) в статье «О соотношении термина и слова» суммирует различия между общей и специальной лексикой, с одной стороны, и терминами и другими группами специальных слов, с другой. Статья М.У. Картоева (Владикавказ) «О лексических заимствованиях» посвящена новому пласту иноязычных слов в русском языке — либо недавно появившимся, либо получившим более широкое хождение. К таковым автор относит несколько десятков слов, представляющих общественно-политическую лексику (*консенсус, консолидация, суверенитет* и пр.), финансово-экономическую терминологию (*бизнес, консорциум, менеджер* и пр.), социальную сферу (*рэкет, хоспис, меценат* и пр.) и целый ряд разнородных лексем, не отраженных ни в каких словарях (ср. *картофель-фри, эксклюзивный, фазенда* и пр.). Отмечая негативное отношение к заимствованной лексике, автор призывает «не драматизировать ситуацию, не усматривать в появлении нескольких десятков действительно нецелесообразных, на наш взгляд, иноязычных слов чуть ли не угрозу национальной самобытности русского языка» (с. 26).

В рубрике «Двуязычие и современность» представлены две работы. С.Д. Ашурова (Москва) в статье «Обучение стилистике в условиях взаимодействия языков» обращает внимание на преподавание стилистики в школе и сопоставляет с этой точки зрения учебные программы по русскому языку и по родным языкам для V–VI классов (для тюркских школ, финно-угорских школ и национальных школ). В целом в эти программы, как показывает анализ, включены одни и те же понятия, необходимые для усвоения стилистических систем изучаемых языков, однако этапы ввода отдельных понятий и стилистических категорий не совпадают. Автор также останавливается на стилистических особенностях татарского языка (тюркской семьи) и татского языка (иранской

семьи). В статье М.А. Гавриловой (Рига) «О факте двойной интерференции в русской речи латышских студентов» рассмотрены результаты исследования ошибок в речи студентов-латышей педагогического факультета Латвийского университета. По мнению автора, результатом многих ошибок в построении глагольно-именных словосочетаний является двойная интерференция (межъязыковая и внутриязыковая), т. е. одновременное влияние различий русского и латышского языков и сложность системы самого русского глагольного управления. Так, ошибочное употребление предлога *над* в сочетаниях с глаголами «руководства» (ср. *руководить над заводом, командовать над полком, заведовать над магазином* и пр.) частично вызвано «семантическим выравниванием» управления по аналогии с такими русскими глаголами, как *господствовать, возвышаться*, но также и наличием в латышском конструкции с предлогом *pār* 'над' при глаголе *valdīt* 'господствовать, царствовать'.

Рубрику «Обучение родным языкам» представляет статья А.Е. Смиренниковой (Москва) «Синтаксическая стилистика на уроках родного языка (в школах народов финно-угорской группы)», посвященная проблеме синтаксической синонимии, т. е. близким по значению конструкциям. В качестве одной из главных причин богатства синтаксической синонимии автор называет влияние синтаксиса русского языка, в т. ч. наличие множества заимствованных союзов. Так, разные оттенки сравнения выражают такие союзы, как *кода* 'как', *што* 'что', *бта* 'будто', *кода бта* 'как будто'; помимо этого, сравнение может выражаться исконной конструкцией с превратительным падежом и другими средствами. Статья также содержит рекомендации автора по проведению занятий по культуре речи и стилистике в школе.

В статье «Уроки русской словесности» в рубрике «Литература и язык» М.В. Черкезова (Москва), исходя из принципа обучения русскому языку на высокохудожественных образцах литературной классики, предлагает возможный

вариант лексической и грамматической работы по теме «Золотая осень» в начальной школе (используются произведения И.А. Бунина, А.Н. Плещеева, А.Н. Майкова, М.М. Пришвина и И.С. Соколова-Микитова).

Особая рубрика третьего номера — «Писатели, павшие в бою за Родину», посвященная памяти дагестанского журналиста, писателя и переводчика Эффенди Капиева (1909–1944) и татарского поэта Мусы Джалиля (1906–1944). В рубрике представлены воспоминания М.М. Мифталиева (Москва) об Э. Капиеве и очерк Р.З. Хайруллина (Москва) о жизни и творчестве М. Джалиля.

Название статьи А.Н. Тихонова (Москва) «Рождественский подарок русистам (вместо рецензии)» в рубрике «Критика и библиография» говорит само за себя: рецензент высоко оценивает вышедшую в начале 1995 г. книгу южнокорейского русиста Им Хынг Су «Становление терминологической лексики русского языка», характеризуя ее как «плод вдумчивого, объективного и компетентного анализа всех основных проблем темы, обозначенной в названии книги» (с. 60).

В «Хронику» вошли заметка Н.С. Русиной (Москва) к столетию со дня рождения одного из основоположников методики преподавания русской литературы в национальной школе, заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора педагогических наук, профессора А.А. Липаева, а также эмоциональный отклик К.М. Цаголова (Москва) «И словом убивают...» на смерть писателя и основателя творческого объединения «Отечество» Станислава Гагарина (1935–1993).

Завершается выпуск марийской народной сказкой «Смоляной бычок» в традиционной рубрике «Слово народа».

Журнал — своеобразное сочетание высокого академизма с поэтическим настроем и, в некоторой степени, пропитан романтизмом творческой интеллигенции ранних 90-х прошлого века. Иллюстративный материал — мифическая райская птица Алконост в качестве эмблемы журнала, ученый кот

из поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» для рубрики «Слово народа» — безусловно, носит символический характер.

Интересной особенностью журнала было размещение в начале и в конце выпусков (на оборотах лицевой и задней сторон обложки) стихотворений поэтов, писавших на языках России. В №1 опубликованы стихи «Родной язык» Расула Гамзатова и «Родной язык» Валерия Брюсова, в №2 — «Родной язык» Кайсына Кулиева и «Моя поэзия» Кызыл-Эника Кудажи, в №3 — «Мои песни» Мусы Джалиля и «Дым очага» Танзили Зумакуловой.

Литература

Алексеев М.Е., Шейхов Э.М. Лезгинский язык. Москва, 1997.

Исаев М.И. Родной язык // Родной язык. 1994, № 1. С. 3–5.

Нерознак В.П. (ред.) Красная книга языков народов: Энциклопедический словарь-справочник. Москва, 1994.

Нерознак В.П. (ред.) Государственные языки в Российской Федерации: Энциклопедический словарь-справочник. Москва, 1995.

**Именные словосочетания
в шугнанском языке***

М. Е. Алексеев

1. Сочетания с именем существительным в главной роли образуют в шугнанском языке довольно однородный класс сочетаний, что позволяет нам выделить для них следующую общую схему:

где *ГС* — группа существительного (имя существительное с зависимыми от него словами); *УМ* — указательное и *ЛМ* — личное местоимение; *И* — инфинитив; *П* — прилагательное; *Ч* — числительное; *С* — существительное.

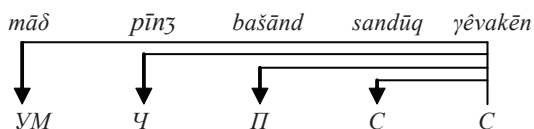
1.1. Данная схема показывает, во-первых, все потенциально зависимые от имени существительного слова, во-вторых, их взаимное расположение в линейной последовательности. Например, зависимое прилагательное или числительное стоят ближе к управляющему имени существительному, чем зависимое существительное: *stōl savz pōdak* 'зеленая ножка стола' (букв. «стола зеленая ножка»); *diraxt darōz xēḥḥak* 'длинная ветка дерева' (букв. «дерева длинная ветка»); *stol pīnz pōdak*

* Основным материалом для работы послужили записки, сделанные во время экспедиции кафедры структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ в Горно-Бадахшанскую автономную область летом 1969 г. В статье принята транскрипция И. И. Зарубина (см. *И. И. Зарубин*, Шугнанские тексты и словарь, М.—Л., 1960).

Статья напечатана в журнале «Народы Азии и Африки» (1973, №6, с. 131–136) и приводится с сохранением оформления.

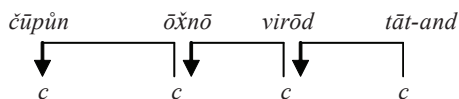
‘пять ножек стола’ (букв. «стола пять ножек»); *diraxt cavōr xēḫčak* ‘четыре ветки дерева’ (букв. «дерева четыре ветки»). Такой порядок слов обуславливается наличием в шугнанском языке следующего правила: имя числительное или имя прилагательное зависят от ближайшего справа существительного. Сочетание *savz stōl pōdak* следует переводить как «зеленого стола ножка».

Это правило может и не выполняться по двум причинам: 1) два существительных образуют тесное смысловое единство; 2) между прилагательным и следующим существительным имеется некоторая пауза, что опять-таки подчеркивает более тесную связь двух существительных. Например, фраза

переводится на русский язык ‘эти пять хороших крышек сундука’, так как между *bašānd* ‘хороший’ и *sandūq* ‘сундук’ имеется пауза.

1.2. Зависимое имя существительное и инфинитив могут иметь зависимые слова. Например:

‘у отца брата друга чабана’ (букв. ‘чабана друга брата отца у’). Однако примеры, подобные вышеприведенному, почти не встречаются в речи шугнанцев. Довольно часты лишь сочетания типа ЛМ+С+С: *tu bōb čīd* ‘моего деда дом’ и т. п.

2.1. Словосочетания «С+С». Сочетания этого типа можно разделить на следующие подтипы: 1) словосочетания без служебных элементов; 2) словосочетания с предлогами и послелогами; 3) изафетные конструкции.

2.1.1. К словосочетаниям без служебных элементов относятся сочетания двух соположенных существительных

(в рамках вышеприведенной схемы — см. 1), где зависимое существительное употребляется без предлога или послелога. Иначе говоря, в словосочетаниях данного типа средством выражения синтаксической связи является позиционное примыкание. Такие словосочетания могут выражать следующие отношения:

1) отношение принадлежности: *mu virōd kitōb* 'моего брата книга'; *pōlxō ŷin* 'падишаха жена'; *mu tāt nān* 'моего отца мать';

2) отношение «часть—целое»: *wam sandūq ŷēv* 'этого сундука крышка'; *kitōb waraq* 'листок книги';

3) отношение «субъект—объект»: *navisanda kitōb* 'книга писателя'; *rašōm sūrat* 'картина художника'; *tu nān xāt* 'твоей матери письмо';

4) отношение «субъект—действие» (условная «авторская» принадлежность): *gulēn būy* 'цветов запах'; *ħac avōz* 'воды шум'; *cirōw rux* 'лампы свет';

5) содержание (речи и т. п.): *sūr naqli* 'о свадьбе рассказ'; *ŷidā sūrat* 'портрет мальчика'.

В таджикском языке аналогом данного типа сочетаний являются изафетные сочетания. Они используются, например, для выражения отношения принадлежности: *китоби шогирд* 'книга ученика'; *хонаи Сангин* 'дом Сангина'; отношения «субъект—действие»: *париши ситораҳо* 'падение звезд' и т. д.¹

Категория числа не принимает участия в образовании синтаксической связи в данных словосочетаниях (т. е. не имеет места ни управление, ни согласование по числу). Возможны следующие сочетания: *virōd kitōb* 'книга брата'; *virōdēn kitōb* 'книга братьев'; *virōd kitōbēn* 'книги брата'; *virōdēn kitōbēn* 'книги братьев'.

К типу сочетаний без служебных элементов относится группа словосочетаний, обозначающих отношение меры,

¹ Все примеры из таджикского языка приводятся по кн.: Д. Т. Таджиев, Способы связи определения с определяемым в современном таджикском языке, [Душанбе], 1955, стр. 50–53, 65.

количества: *yi dūnā sīr* 'головка чеснока'; *yi cīni cōu* 'одна чашка чая' и т. д. Эта группа сочетаний имеет две особенности. Во-первых (это вытекает из того отношения, которое ими обозначается), они не употребляются без числительных. Можно даже говорить о наличии в таких сочетаниях нумеративов. Здесь имеется полное совпадение в структуре таких сочетаний шугнанского и таджикского языков. Ср., например, следующие примеры из таджикского языка: *чор ароба намак* 'четыре арбы соли'; *як барг харбуза* 'один ломтик дыни'. Во-вторых, совпадающий с русским порядок слов безусловно отличает эти словосочетания от других сочетаний рассматриваемого типа.

Вторая особенность наталкивает нас на вопрос: что является главным элементом в словосочетании — слово, обозначающее измеряемый предмет, или «нумератив». В соответствии с тем или иным ответом на этот вопрос словосочетания такого рода могут быть объяснены двумя способами:

1-й способ. В словосочетаниях, выражающих отношение меры, количества, изменяется порядок слов, т. е. главное слово предшествует зависимому в отличие от остальных сочетаний данного типа.

2-й способ. Словосочетания, выражающие отношение количества, меры, сохраняют порядок слов «зависимое слово+главное слово», и в отличие от русского языка главным признается слово, обозначающее измеряемый предмет.

Рассмотрим подробнее, какие критерии могут использоваться при нахождении главного и зависимого членов словосочетания. По мнению А. Е. Кибрика, «к ним относятся, во-первых, формальная зависимость подчиненного слова от главного (т. е. управление или согласование); во-вторых, постановка вопроса от главного слова к зависимому; в-третьих, свертываемость, т. е. последовательное выбрасывание зависимых элементов с сохранением грамматической правильности; в-четвертых, соображения практического удобства (сюда же, по-видимому, можно отнести и критерий наиболее

удобного вхождения в систему описания), а также следующий критерий: зависимым в синтагме считается такой элемент, который максимально независим от того, в какой конструкции употреблена данная синтагма в предложении, в отличие от хозяина, который, будучи зависимым от некоторого третьего слова, может формально им управляться (или им управлять в случае „обратного“ управления)»².

Последнее утверждение совпадает со следующим высказыванием Е. Куриловича: «Синтаксическая функция словосочетания восполняется его определяемым (конституирующим) членом независимо от того, каким членом — определяющим или определяемым — является это словосочетание внутри большего словосочетания»³.

Применяя этот критерий, мы достигнем наиболее эффективных результатов. Действительно, в шугнанском языке существует управление по роду между существительным и прилагательным или глаголом (подобно тому как управляют глаголы падежами существительных, существительные управляют родом прилагательных и глаголов). На основании этого строим следующий эксперимент:

1) Выбираем слова: *A* — измеряемый предмет, *B* — мера, количество. *A* и *B* управляют разными родами, т. е., если *A* — ж. р., то *B* — м. р. и, наоборот, если *A* — м. р., то *B* — ж. р.

2) Строим предложение вида «количество предмета было в некотором месте».

3) Если сочетание *BA* требует от глагола «быть» словоформы *vud* ('был' — м. р.), то главным признается слово, управляющее мужским родом. Если *BA* требует от глагола «быть» словоформы *vad* ('была' — ж. р.), то главным признается слово, управляющее женским родом.

² А. Е. Кибрик, Критерии определения направления синтаксической связи в синтагме, — «Структурно-математические методы моделирования языка. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции», ч. 1, Киев, 1970, стр. 104.

³ Е. Курилович, Очерки по лингвистике, М., 1962, стр. 51.

В результате мы получаем:

а) *buḷḷin* 'мешок' (ж. р.); *uḃuḷ* 'мука' (м. р.); контрольная фраза: *yi buḷḷin uḃuḷ kunḷ-and vud* 'Один мешок муки в углу был';

б) *kuščak* 'кувшин' (м. р.); *ḥac* 'вода' (ж. р.); контрольная фраза: *yi kuščak ḥac divi zibondi vad* 'Один кувшин воды за дверью был'.

Следовательно, второй способ решения оказывается более удачным. Кроме того, этот способ лучше «укладывается в систему», т. е. он удовлетворяет общей схеме группы существительного.

Сформулируем в заключение некоторые свойства сочетаний двух существительных без служебных слов: 1) Нетрудно заметить, что разделение сочетаний данного типа на группы по отношениям, выражаемым ими, проведено у нас интуитивно, т. е. могли бы быть как более подробные, так и более общие классификации. Однако строгость здесь оказывается излишней: отношение между элементами определяется уже семантикой элементов. В случаях неоднозначного вывода отношения между элементами, способ соединения без служебных элементов не поможет нам избежать омонимии. Например, фраза *rašōm sūrat* 'картина художника' может пониматься трояко: «картина, которую написал художник», «картина, изображающая художника» и «картина, принадлежащая художнику». Чтобы избежать омонимии, используются другие типы сочетаний (см. ниже). 2) Порядок слов в сочетаниях данного типа является значимым, т. е. зависимое слово всегда стоит перед главным. Это подтверждает следующий пример: *virōd ḷin* 'жена брата', но *ḷin virōd* 'брат жены'. 3) О месте зависимого существительного среди других компонентов группы существительного было сказано выше (см. схему).

2.1.2. Способ сочетания слов при помощи предлогов или послелогов употребляется в случае неоднозначного вывода отношения между членами словосочетания из семантики самих членов словосочетания. Иногда он используется и при возможности однозначного вывода. В таких случаях возникают

синонимичные пары: *kuščak ħac qati* — *kuščak ħac* ‘кувшин с водой’; *čōy qand qati* — *qand čōy* ‘чай с сахаром’; *xēħčak as diraxt* — *diraxt xēħčak* ‘ветка с дерева’ и т. д.⁴

Омонимия может возникнуть, когда в словосочетание входят два слова, из которых одно означает действие, а другое может обозначать и объект и субъект. В таких случаях обязательно используется послелог или предлог. Например: *xalq-ard bōwar* ‘вера в людей’ (при отсутствии послелога *-ard* возникает омонимия с сочетанием *xalq bōwar* ‘вера людей’); *virōd-ard xat* ‘брату письмо’ (опущение послелога *-ard* ведет к омонимии с фразой *virōd xāt* ‘письмо брата’) и т. д.

Порядок слов в словосочетаниях с предлогами и послелогами становится нерелевантным. Поэтому можно сказать и *kuščak ħac qati*, и *ħac qati kuščak* ‘кувшин с водой’.

Следует подчеркнуть, что если порядок слов, а также соположение в словосочетаниях без служебных элементов только указывают на связь элементов и на направление связи (где главное, а где зависимое слово), то предлог или послелог показывает еще и смысл отношения между элементами словосочетания.

2.1.3. Изафетная конструкция как таковая не характерна для шугнанского языка и является заимствованной из таджикского. В целом, изафетная конструкция обслуживает круг отношений, которые могли бы быть выражены посредством сочетаний без служебных элементов. Словосочетания этих двух типов представляется удобным подразделить следующим образом:

1) Словосочетания «шугнанского» типа, не переводимые в изафетные (в шугнанском языке). Таких сочетаний большинство.

⁴ Аналогичные явления мы находим в таджикском языке, когда изафетная конструкция является синонимом предложной и послеложной конструкции: *қасди ту* — *қасд ба ту* ‘намерение по отношению к тебе’, *баъди вафот* — *баъд аз вафот* ‘после смерти’ и т. п. (А. Халилов, Баъзе қайдҳо оид ба изофат, — «Известия АН ТаджССР», Отд. обществ. наук, 1961, № 4).

2) Изафетные конструкции, легко переводимые в сочетания «шугнанского» типа. Очевидно, это окказиональные сочетания, возникшие под влиянием двуязычия. Например: *rais-i ħar* — *ħar rais* ‘правитель города’; *maktab-i aštola* — *aštola maktab* ‘восьмилетняя школа’. Нельзя считать, что в данном случае заимствуется сочетание целиком как фразеологическая единица: заимствуется и синтаксическая конструкция (ибо в примере *rais-i ħar* последнее слово — шугнанское, ему в таджикском языке соответствует *шахр*).

Устойчивые изафетные конструкции, не переводимые в словосочетания «шугнанского» типа. Их можно рассматривать как фразеологизмы в том смысле, что они оказываются равными слову в функциональном смысле. Например, *ĵōi kōr* ‘место работы’.

2.2. Словосочетания «П+С». Из схемы (см. 1) вытекает, что прилагательное наиболее контактно присоединяется к существительному, причем порядок следования компонентов сочетания «П+С» ограничен (т. е. прилагательное предшествует существительному: *žurn bīc* ‘круглое лицо’), хотя более свободный порядок слов не несет никакой двусмысленности. Например, *ħūvdin butal* — *butal ħūvdin* ‘бутылка из-под молока’.

В основном шугнанский язык располагает лишь качественными прилагательными. Функции, выполняемые обычно относительными прилагательными, приходится здесь на долю существительных, как мы уже показали выше (см. 2.1.1). Однако имеется группа прилагательных, заслуживающих название относительных и в шугнанском языке. Они образуются от соответствующих существительных с помощью суффикса *-in* и служат для выражения отношения «предмет—материал». Это можно проиллюстрировать следующими примерами: *đōrgin mōv* ‘деревянная палка’; *žirin ċīd* ‘каменный дом’.

Ряд прилагательных изменяется по родам: имеются две формы — мужского рода и женского рода. К числу таких прилагательных относятся: *rūšt, rōšt* ‘красный, ~ -ая’; *zulik, zalik* ‘маленький, ~ -ая’; *žurn, žarn* ‘круглый, ~ -ая’ и др.

Кроме управления по роду между существительным и прилагательным имеется согласование по числу. Во множественном числе форма прилагательного мужского и женского рода совпадает с формой единственного числа женского рода. Поэтому встречаются как сочетания *zulik pacēn* ‘маленькие сыновья’ (управление по роду), так и *rōšt lanjēn* ‘красные щеки’ (согласование по числу).

По-видимому, выбор формы прилагательного при существительном мужского рода в единственном числе зависит от логического ударения, т. е. от того, что хотел подчеркнуть говорящий — множественность или род. Возможно также, что мы имеем в данном случае дело со свободными вариантами.

2.3. Словосочетания «М+С». Эти словосочетания естественно распадаются на два класса: а) сочетания с указательными местоимениями; б) сочетания с личными местоимениями.

2.3.1. Словосочетания существительного с указательным местоимением интересны тем, что местоимения различают два падежа: прямой и косвенный. Существительное же по падежам не изменяется. Таким образом, мы можем встретить сочетание *yam čōrik* ‘этот человек’ и сочетание *mi čōrik* ‘этого человека’. Поскольку существительное по падежам не изменяется, мы не вправе говорить о согласовании по падежу между существительным и прилагательным. Очевидно, определять здесь словосочетание как бинарную структуру недостаточно, ибо на форму местоимения влияет не форма существительного, а способ управления глагола. Такое опосредованное управление (глагол+существительное+местоимение) можно назвать транслативным управлением.

Может показаться непоследовательным применение критерия, которым мы воспользовались в **2.1.1.** Однако здесь принципиально иное явление. Если выше (см. **2.1.1.**) члены словосочетания обладали разными граммемами (женский род и мужской род), то в данном случае мы встречаемся лишь с синкретизмом двух граммем (прямого и косвенного падежей) в существительном.

Имеет место управление по роду между существительным и указательным местоимением, причем местоимения *yid* и *yam* 'этот, эта, это' не различают рода в общем падеже. Например: *yam (yid) čōrik* 'этот мужчина' и *yam (yid) ŷinik* 'эта женщина', но в косвенном падеже *mi (di) čōrik* 'этого мужчину' и *mat (dam) ŷinik* 'эту женщину'.

2.3.2. Личные местоимения в сочетаниях с главным существительным выступают в форме косвенного падежа. Например: *wuz* 'я' (прямой падеж), но *tu virōd* 'мой брат' (косвенный падеж).

Отношения, выражаемые данным видом сочетаний, совпадают с типами отношений в сочетаниях двух существительных (см. 2.1.1.). В основном это отношение принадлежности. Например: *tu pūstak* 'твой коврик'. Часто употребляются повторы: *tu-nd tu pūstak* 'у тебя твой коврик' (*tu-nd* — местоимение 2 л., ед. ч. с послелогом *-(a)nd*, выражающим иногда принадлежность).

2.3.3. Обычно предлог или послелог не вклинивается между словом, к которому он относится, и зависимым к этому слову. Однако в ряде сочетаний это правило нарушается. Например: *tu ba yōd* 'в моей памяти' (букв. «моей в памяти»); *xu pi ŷév* 'себе в рот'; *wi pi tanā* 'у него на теле'.

Такое нарушение происходит главным образом в сочетаниях с существительными, обозначающими части тела. Подобное явление наблюдается не только в шугнанском языке: «В ряде языков, не образующих, правда, отдельного ареала, предлоги и послелог ставятся непосредственно при имени, разбивая словосочетания. Так, в диалекте йидга мунджанского языка, сарыкольском и реже бартангском диалектах шугнано-рушанской группы, ормури, пушту и некоторых дардских языках предлоги и послелог могут ставиться после определения перед определяемым, разбивая определительные сочетания, например, пушту *zma pə nazar* 'с моей точки зрения', *sta lə kabāla rāyləm* 'пришел из-за тебя'; ормури *xwār di-wa* 'от его сестры'; йидга *mən tra zil astet* 'это

в моем сердце»; вайгали *ĩ a-kār gōi* 'это слово вошло в мое ухо', *xūdai pa tarafe* 'со стороны бога'⁵.

2.4. Словосочетания «И+С». Инфинитив в шугнанском языке проявляет себя двояко: по отношению к зависимым словам он проявляет глагольные свойства; будучи зависимым, он выступает как существительное. Поэтому в сочетаниях данного типа мы можем найти сходство с сочетаниями двух существительных *xēydōw plan* 'учебный план' (сочетание без служебных элементов); *dar bōrayi mīdōw xabar* 'о смерти известие' (предложное сочетание); *rang čidōw-ard fand* 'способ окрашивания' послеложное сочетание).

2.5. Касательно сочетаний существительного с зависимым числительным следует отметить два момента:

1) Существительное, к которому присоединяется числительное, стоит в единственном числе;

2) если числительное присоединяется к подлежащему, сказуемое имеет форму множественного числа (безусловно, это верно для случаев, когда числительное не выражает единичности).

Исходя из этих двух утверждений, можно сделать вывод, что функционально числительное можно приравнять аффиксу множественного числа.

Примеры словосочетаний типа «Ч+С»: *pīnz gardā* 'пять лепешек', *cavōr sōl* 'четыре года'.

3. Итак из типов выражения синтаксической связи элементов словосочетания в шугнанском языке чаще всего используется примыкание. Согласование и управление употребляются реже. В силу сказанного большое значение в шугнанском языке приобретает порядок слов.

⁵ Д. И. Эдельман, Основные вопросы лингвистической географии, М., 1968, стр. 97.

**Фрагменты исторического синтаксиса
шугнанского языка
(комментарии к статье М.Е. Алексеева
«Именные словосочетания
в шугнанском языке»)**

Эдельман Д.И.

В статье рассматриваются некоторые словосочетания с существительными в шугнанском языке, представляющие интерес с точки зрения исторического синтаксиса иранских языков.

Ключевые слова: именное словосочетание, история языка, синтаксис, шугнанский язык, язык бурушаски, иранские языки

This article focuses on certain types of noun phrases (syntagms) in the Shughni language that provide information on the history of syntax in the Iranian languages.

Keywords: noun phrase structure, language history, syntax, Shughni language, Burushaski language, Iranian languages

Как известно, в современных иранских языках предложение членится на определенные синтаксические блоки, называемые в некоторых трудах синтагмами. Состав этих блоков и способы их организации по языкам неодинаковы, как неодинакова и аранжировка составляющих их компонентов в потоке речи и степень их спаянности.

Это касается, прежде всего, распределения значимых слов в блоке, например, порядка следования разных определений к одному и тому же определяемому имени или последовательности разных дополнений при глаголе. Кроме

того, служебные слова и частицы (в широком смысле этого термина), а также некоторые иные неударные или неполноударные элементы, входящие в блоки, тоже распределяются в определенном порядке по отношению к центральному слову или основе блока, соблюдая собственную аранжировку, индивидуальную для каждого языка. К таким элементам относятся энклитические местоимения (и ударные местоимения при вторичной энклизе), многие грамматические частицы, глагольная связка, компоненты сложногоименных глаголов (то есть сочетаний имени и глагола) и сложноевербальных (под последними имеются в виду парные глаголы или сочетания неличной формы одного глагола с личной формой другого, выражающие единое понятие), энклитические или во всяком случае неполноударные союзы, аффиксальные и полуаффиксальные морфемы, предлоги и послелого.

В каждом иранском языке определенный синтаксический порядок всех этих компонентов и их смысловая аранжировка, обеспечивающая этот порядок, несут большую синтаксическую информационную нагрузку, цементируя сам блок, маркируя его границы и высвечивая его функции в высказывании в целом. Эти же данные предоставляют богатый материал для исторического синтаксиса конкретного языка, свидетельствуя об относительной хронологии некоторых трансформаций, а также для сравнительно-исторического синтаксиса иранской языковой семьи.

В настоящей статье хотелось бы вернуться к рассмотрению фрагмента синтаксиса живого бесписьменного шугнанского языка, а именно к построению в нем именных словосочетаний, о которых в 1973 г. писал М.Е. Алексеев [1973]¹, и добавить

¹ Следует отметить, что эта статья, базирующаяся на материалах, собранных самим М.Е. Алексеевым — тогдашним студентом 3-го курса — в Памирской экспедиции кафедры структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ в 1969 г., написана была им совершенно самостоятельно. При этом уже тогда статья не носила характера ученической работы.

исторические комментарии к тем сочетаниям, которые кажутся наиболее интересными для изучения диахронических процессов в синтаксисе иранских языков.

Приведенная М.Е. Алексеевым в самом начале статьи общая схема именных словосочетаний «...показывает, во-первых, все потенциально зависимые от имени существительного слова, во-вторых, их взаимное расположение в линейной последовательности» [Алексеев 1973: 131 (35)]. Далее (стр. 131–136 (35–45)) им рассмотрены действительно все случаи именных сочетаний, как относительно простых, так и усложненных, с соответствующими иллюстративными примерами.

Для нас наибольший интерес представляют три типа сочетаний из рассмотренных М.Е. Алексеевым: 1) существительное + числительное (в разных вариантах); 2) существительное, обозначающее меру, количество + существительное со значением измеряемого; 3) существительное со значением части тела + местоимение.

1. Существительное + числительное

В шугнанском языке, как и в других языках Памира, равно как и в таджикском, персидском и многих других иранских языках, в сочетаниях существительного с числительным существительное следует за числительным и выступает в форме единственного числа, например, шугн. *pīnz gardā* ‘пять лепешек’, *cavōr sōl* ‘четыре года’ [Алексеев 1973: 136 (45)]. Такая форма существительного — явление относительно позднее и связано с развитием в этих языках категории единичного/общего. С полной или частичной утратой этими языками древней флективной именной парадигмы и тем самым большинства флективных падежных показателей

К сожалению, статья прошла не замеченной даже большинством специалистов по памирским языкам, поэтому представляем ее в настоящем издании как образец синтаксического анализа бесписьменного языка.

множественного числа форма единственного числа существительных в разных контекстах обозначает 1) «единичное» — единичный, отдельный предмет; 2) «общее» — видовое или родовое понятие данного предмета, совокупность, категорию соответствующих предметов [Расторгуева 1954: 537]. Одним из проявлений категории единичного/общего является способ оформления существительного в сочетаниях типа «числительное + существительное».

Как правило, эти сочетания в иранских языках продолжают древнюю последовательность «числительное + существительное», однако отношения между компонентами сочетания по языкам различны. В древнеиранских языках, при относительно свободном порядке членов предложения, в этих сочетаниях числительные обычно предшествовали существительным, причем последние выступали во множественном числе.

Позднее с закреплением порядка не только главных членов предложения, но и второстепенных при главных, т. е. с фиксацией позиций всех членов синтаксических блоков, связан и ряд процессов в синтаксисе и затем в морфологии иранских языков.

Так, большую роль сыграло закрепление позиции определения при определяемом и, в частности, фиксированная позиция определения относительно определяемого. В языках восточной группы и части северо-западной закрепились препозиция определения, что продолжило древнюю тенденцию к препозиции согласованного (качественного, адъективного) и генитивного (принадлежностного) определений, притом, что часть языков западной группы, наоборот, развила древние относительные обороты типа «дом, который отца», «дом, который большой», превратив их в изафетные конструкции типа «дом-Izaf отца», «дом-Izaf большой». Однако сочетания существительных с числительными сохранили прежний порядок компонентов с препозицией числительного существительному.

При этом в сочетании с числительными от двух и выше существительные в разных языках выступают в различных формах. В некоторых языках они могут выступать во множественном числе (в пашто, мунджанском, определенная группа существительных в согдийском языке и др.), в других — в единственном числе (существительные со значениями единиц времени и меры в согдийском языке, практически любые существительные в персидском, таджикском, дари, осетинском, памирских, ягнобском и других языках). В большинстве языков существительные выступают в прямом падеже или без дополнительного предложно-послеложного оформления (в пашто, персидском, дари, таджикском, мунджанском, памирских и др.), в отдельных языках — в косвенном падеже или с дополнительным оформлением (в осетинском, ягнобском, в ряде случаев в пашто и др.). Разные способы оформления имен в сочетаниях с числительными от «двух» и более в некоторых живых иранских языках разных ареалов могут быть обозначены в виде таблицы (в скобках указаны особые случаи оформления, оговариваемые в грамматиках). См. таблицу 1.

Таблица 1

	Множ.число	Ед.число	Прямая форма	Косвенная форма
пашто	+		+	(+)
мундж.	+		+	
перс.		+	+	
тадж.	(+)	+	+	
осет.	(+)	+		+
шугн.		+	+	
ягн.		+		+

Тем самым в разных иранских языках в одних предложениях (где имя выступает в прямом падеже) числительное является формально препозитивным определением к имени, в других

(с «косвенным» оформлением имени) определением предстает имя, а числительное выступает как главный компонент сочетания.

В языках, где широкое развитие получила категория единичного/общего и форма единственного числа может обозначать совокупное множество, имя в сочетании с числительным выступает в единственном числе. Другим языкам, где имя выступает во множественном числе, очевидно, категория единичного/общего не свойственна или не столь развита. Перебои в оформлении имен в данных сочетаниях (например, в пашто, осетинском, таджикском, памирских и др.) связаны с одушевленностью, эмфазой и другими содержательными и стилистическими основаниями (см., например, [Абаев 1949: 544]). В некоторых случаях, например, в согдийском языке из-за разрозненности текстов и принадлежности их к разным диалектам четкую систему установить невозможно, выявляются лишь некоторые общие закономерности, см. [Лившиц, Хромов 1981: 451–452].

Таким образом, построение шугнанских сочетаний «числительное + существительное» с препозицией числительного, единственным числом существительного и отсутствием «косвенных» показателей, — результат 1) унификации порядка слов в блоке, а именно — препозиции определения определяемому, в результате чего всё, что находится в препозиции к существительному, осознается как определение к нему; 2) далее — восприятия существительного как главного элемента в этой паре; 3) становления здесь категории единичного/общего. При этом сама препозиция числительного существительному унаследована из древнего состояния.

2. Существительное, обозначающее меру, количество + существительное со значением измеряемого предмета, вещества и т. п.

В шугнанском языке в таких сочетаниях, как правило, присутствует также числительное, а если мера одна, то числительное *uʃw* 'один' или в усеченном виде (а также в функции

неопределенного артикля) *yī*. В подборе таких сочетаний М.Е. Алексеев поставил задачу определить, какое имя является главным элементом в словосочетании: название измеряемого или название меры. Ср. русские сочетания типа «(один) стакан воды», «два мешка муки» и т. д., где синтаксически главным предстает название меры, на что указывают род и число согласующегося с ним глагола: «(один) стакан воды был на столе», «(одна) чашка воды была на столе», «два мешка муки были на полу», «пять ведер картошки стояли в углу». Решение было остроумным: были подобраны примеры, где названия меры и измеряемого относились к разным родам, а род главного компонента согласовался с родом глагола (привожу примеры по статье [Алексеев 1973: 132–133 (39–40)], с незначительной правкой в транскрипции и глоссированием): *yī būjīn yōγj kunj-and vud* 'один мешок муки в углу был'; *yī kuščak ħac divi-zibō-ndi vad* 'один кувшин воды за дверью был':

<i>yī</i>	<i>būjīn</i>	<i>yōγj</i>	<i>kunj</i>	<i>-and</i>	<i>vud</i>
один	мешок	мука	угол	-в	был
Num.	Subst.f.Sg.	Subst.m.Sg.	Subst.m.Sg.	Postpos.	Verb 3sg.m. pret.

<i>yī</i>	<i>kuščak</i>	<i>ħac</i>	<i>divi</i>	<i>-zibō-ndi</i>	<i>vad</i>
один	кувшин	вода	дверь	-позади-в	был
Num.	Subst.m.Sg.	Subst.f.Sg.	Subst.m.Sg.	Postpos.	Verb 3sg.f. pret.

Вывод: в отличие от русского языка, в шугнанском в таких сочетаниях главным словом является название не меры, а измеряемого предмета, в данном случае вещества. Это важно с точки зрения исторического синтаксиса шугнанского языка и возможности переосмысления роли компонентов данных сочетаний: для шугнанского языка с характерным порядком препозиции определения определяемому раннее закрепление названия меры в препозиции к названию измеряемого обусловило восприятие первого как определения и, следовательно, названия измеряемого — как главного слова в сочетании.

При этом к такому, казалось бы, простому, но нетривиальному выводу о главной роли названия измеряемого можно было придти только через большую предварительную экспериментальную работу.

Дело в том, что в шугнанском языке при наличии двух грамматических родов — мужского и женского, большинство шугнанских субстантивов не имеет формальных признаков рода, их родовая принадлежность выявляется синтаксически — соотносённостью с изменяемыми по роду указательными местоимениями, некоторыми прилагательными и формами прошедших времен некоторых непереходных глаголов. При этом особую трудность представляют существительные, обозначающие неодушевленные предметы: в этой группе распределение по родам обусловлено их семантикой, например названия веществ, понятий, абстракций и т. п., относятся обычно к мужскому роду, названия участков пахотной земли — к женскому и т. д. Однако это не жесткий закон, а тенденция, допускающая многие исключения. Поэтому обычно при описаниях шугнанского языка, как и других языков шугнано-рушанской группы, распределение существительных по родам бывает представлено списками и приблизительной характеристикой тех или иных семантических групп, см., например, [Карамшоев 1963: 96–98; Файзов 1966: 22–25]. К тому же имя, обозначающее единичный предмет, может быть мужского рода или женского, но при обозначении «общего», категориального, то есть совокупности таких предметов, то же слово фигурирует в мужском роде и единственном числе, например шугн. *diraxt* 'дерево' — женского рода, но в выражении типа «все деревья засохли» слово *diraxt* выступает в единственном числе, но в мужском роде (типа русск. «всё дерево посохло»). Здесь на категорию рода накладывается категория единичного/общего. Такая сложная картина обусловлена тем, что в шугнанском языке мы имеем результат наложения рефлексов индоевропейской системы трех родов на субстратную систему (по-видимому, языка

бурушаски) четырех семантических классов, где одно и то же слово может выступать в III или IV классе, в зависимости от оттенков значения, подробнее см. [Эдельман 1987: 288–290].

М.Е. Алексеев написал и опубликовал свою статью, когда еще не было шугнанского словаря, в котором род каждого существительного был бы зафиксирован (в работе И.И. Зарубина, на которую он ссылается в начале статьи как на источник транскрипции, род обозначен только у одного существительного: *ҳас* ж.р. ‘вода’ [Зарубин 1960: 271]), поэтому всю предварительную работу по определению рода каждого существительного при рассмотрении таких сочетаний ему пришлось проделать самому, ставя соответствующие эксперименты.

3. Существительное со значением части тела + местоимение

В статье М.Е. Алексеева отмечено, что при общем правиле, согласно которому предлог не вклинивается между препозитивным определением к существительному и самим существительным, имеются отклонения в ряде сочетаний, главным образом, в сочетаниях с названиями частей тела. См. приводимые примеры [Алексеев 1973: 136 (44)] (при некотором уточнении транскрипции и глоссировании): *tu ba uδδ* ‘в моей памяти’, *xu pi γév* ‘себе в рот’, *wi pi tanā* ‘на его теле’:

<i>tu</i>	<i>ba</i>	<i>uδδ</i>
мой	в	память
Pron.pers.1.Sg.Obl.	Prep.	Subst. Sg.
<i>xu</i>	<i>pi</i>	<i>γév</i>
свой / себе	в, на	рот
Pron.reflex.	Prep.	Subst.f.Sg.
<i>wi</i>	<i>pi</i>	<i>tanā</i>
его	в, на	тело
Pron. dem. III ser.Obl.	Prep.	Subst.m.Sg.

Из этих примеров видно, что речь идет о синтаксическом проявлении так называемой «скрытой» категории отторжимой/неотторжимой, или отчуждаемой/неотчуждаемой, принадлежности.

Эта категория, имеющаяся во всех языках шугнано-рушанской группы, как и во многих других иранских (и не только) языках, выражается в обычном употреблении названий частей тела, терминов родства, а также таких не отделимых от человека понятий, как «память», «разум», «сон» и т. п., с определением по принадлежности (чаще всего — местоимением). В языках шугнано-рушанской группы (кроме сарыкольского) названия частей тела, понятий типа «сон», «память» и пр. получают дополнительное синтаксическое оформление в виде необычного места предлога, относящегося к имени. Например, в шугнанском языке, при обычном построении типа *tar mi bōy* 'в моем саду' (*bōy* 'сад' — термин отчуждаемой принадлежности), в этих сочетаниях принят порядок: *mi tar dust* 'в моей руке', *mi ba yōd* 'в моей памяти' (*dust* 'рука', *yōd* 'память' — термины неотчуждаемой принадлежности).

Такая необычная постановка предлога в конструкциях с терминами неотчуждаемой принадлежности объясняется тем, что в более раннюю эпоху в общешугнанском праязыке, как и в других языках ареала (пашто, йидга, ормури, в нуристанских языках), эти термины употреблялись с обязательными местоименными энклитиками принадлежности, и все сочетание в целом имело вид **mana antar dasta-mai* '(у) меня в руке-моей', букв. 'моя в рука-моя'. Остальные имена выступали либо с препозитивными определениями, типа «в моем саду», либо с энклитиками «в саду-моем». Такой порядок компонентов сохранился после ухода энклитик (которые в памирских языках перешли частично в разряд личных показателей глаголов в прошедших временах), в результате чего в сочетаниях с названиями частей тела предлог остался между определением и определяемым. Обязательность же энклитик в прошлом при именах неотчуждаемой принадлежности,

даже в условиях наличия самостоятельного местоименного определения, по-видимому, явилась субстратным наследием, ср. обязательные принадлежностные проклитики при аналогичных терминах в языке бурушаски: *ǰa a-riŋ-ulo* 'в моей руке', букв. 'моя моя-рука-в', *ūŋe gu-riŋ-ulo* 'в твоей руке', букв. 'твоя твоя-рука-в'. Раннее иранское сочетание типа **mana antar dasta-mai* явилось как бы калькой сочетания бурушаски *ǰa a-riŋ-ulo* 'в моей руке', с препозитивным определением иран. **mana*, буруш. *ǰa* 'мой' и зеркальным отражением иран. **antar dasta-mai* букв. 'в рука-моя' — буруш. *a-riŋ-ulo* 'моя-рука-в' [Эдельман 1984: 36–41; 1987: 299–300; 1990: 177–178].

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что четкий анализ шугнанских именных словосочетаний, содержащийся в статье М.Е. Алексеева [1973], не только не устарел, но и стимулирует дальнейшее изучение синтаксиса современного шугнанского языка, например аранжировку служебных слов (в частности, двух и более послелогов при одном существительном), частиц (в широком смысле этого термина), проклитических и энклитических (неударных и неполноударных) элементов в составе блока и т.п. и, разумеется, строения предложения в целом. Особого внимания требует и исторический синтаксис шугнанского языка, содержащий ключ к пониманию истоков некоторых современных процессов в синтаксисе и морфологии.

Список литературы

Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. I. Москва–Ленинград, 1949.

Алексеев М.Е. Именные словосочетания в шугнанском языке // Народы Азии и Африки. 1973, № 6. С. 131–136. (Статья приводится в настоящем издании на с. 35–45.)

Зарубин И.И. Шугнанские тексты и словарь. Москва–Ленинград, 1960.

Карамшоев Д. Баджувский диалект шугнанского языка. Душанбе, 1963.

Лившиц В.А., Хромов А.Л. Согдийский язык // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. Редколлегия: *В.И. Абаев, М.Н. Боголюбов, В.С. Расторгуева*. Москва, 1981. С. 347–514.

Расторгуева В.С. Краткий очерк грамматики таджикского языка // Таджикско-русский словарь. Под ред. *М.В. Рахими и Л.В. Успенской*. Москва, 1954.

Файзов М. Язык рушанцев Советского Памира. Душанбе, 1963.

Эдельман Д.И. К субстратным явлениям в синтаксисе иранских языков // Вопросы диалектологии и истории языка. Душанбе, 1984. С. 34–41.

Эдельман Д.И. Шугнано-рушанская языковая группа // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: восточная группа. Отв. ред. *В.С. Расторгуева*. Москва, 1987. С. 236–347.

Эдельман Д.И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков: Морфология. Элементы синтаксиса. Москва, 1990.

Эдельман Джой Иосифовна
Институт языкознания РАН
joy.edelman@gmail.com

**Об одном случае сложения термина в
шугнанском языке: игра на дафе**
(К статье М.Е. Алексеева «Именные словосочетания
в шугнанском языке»)

Додыхудоева Л.Р.

Статья посвящена одному из видов именного словосочетания в шугнанском языке, где средством выражения синтаксической связи является позиционное примыкание; отмечаются также случаи связи посредством заимствованной из таджикского языка *изафетной* конструкции. Кроме того, в статье дается краткое описание местных разновидностей рамочного барабана, бубна-даф¹, особенностей его устройства и его места в культуре народов Западного Памира, очерчиваются музыкальные сценарии игры на дафе на территории таджикского и афганского Бадахшана. К статье прилагается текст на шугнанском языке с русским переводом и глоссированием, записанный в ходе интервью у специалиста по памироведению профессора Ш.П. Юсуфбекова.

Ключевые слова: именное словосочетание, композит, шугнанский, таджикский, ударный музыкальный инструмент, рамочный барабан, бубен-даф

The present article is devoted to a particular type of Shughni noun phrase in which syntactic relations are expressed by means of positional contiguity. Shughni likewise exhibits syntactic relations marked by the *izafat* construction, which was borrowed from the Tajik language. The article also gives an overview of the particular features of local varieties of the frame drum (*daf*) in the Western Pamir Mts., and this drum's role in indigenous culture. Melodic patterns of performance in Badakhshan (Tajikistan and Afghanistan) are likewise discussed. The article includes a

¹ В Средней Азии данный музыкальный инструмент по традиции принято называть бубном.

glossed Shughni text with a Russian translation, recorded in an interview with Professor Shodikhon P. Yusufbekov, an expert on Pamiri Studies.

Key words: noun phrases, compound words, Shughni, Tajik, percussive musical instruments, *daf* frame drum

В 1969 г. группа студентов под руководством А.Е. Кибрика отправилась от кафедры структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ в экспедицию на Западный Памир. Среди ее участников был М.Е. Алексеев. Результатом полевой работы стала статья М.Е. Алексеева, опубликованная в журнале «Народы Азии и Африки», которая была посвящена именным словосочетаниям разного типа в шугнанском языке. В частности, словосочетаниям типа «С+С», где средством выражения синтаксической связи являются служебные элементы, позиционное примыкание или изафетная конструкция. В таджикском языке такого рода сочетаниям, как правило, соответствуют изафетные сочетания, в которых главное слово оформляется изафетом. При этом в шугнанском языке такое построение обычно может быть замещено посредством сочетаний без служебных слов [Алексеев 1973: 132, 134 (36–38, 40)].

Не так давно мне довелось прочитать написанный по-таджикски текст шугнанского поэта Ато Мирходжа, посвященный традициям игры женщин на бубне в Бадахшане (тадж. *дафзанӣ* ‘игра на бубне’, *доиразании занон* ‘игра на дойре женщин’): *Дар Бадахшон аз оғози ҳар гуна шогунӣ шодию хурсандӣ дафзанӣ, доиразании занон — «кахой даъф» хабар медиҳад, мужда мерасонад...* ‘В Бадахшане о начале каждого радостного события возвещает игра на бубне, игра на бубне женщин (шугн. *кахой даъф*), подает весть².

Приведенный в таджикском тексте параллельно шугнанский термин *кахоу даф* ‘женщина/женский + бубен-даф’ привлек

² <https://www.facebook.com/groups/723870487644902>. Группа «Зодгоҳ — оғозгоҳи ватан», 30 декабря 2014 г. С той же функцией благовестия связан и таджикский композит *доирахабар* ‘приглашение на празднество (посредством игры на дойре)’.

мое внимание, еще раз продемонстрировав, что описательный оборот, представленный в таджикском языке изафетной конструкцией (ср. тадж. *доиразани* *занон*, где последнее *-и* представляет собой изафет), передается в шугнанском устойчивым сочетанием, одним из вариантов того самого типа «С+С», о котором писал М.Е. Алексеев. При таком словосочетании существительные в шугнанском языке соположены и демонстрируют позиционное примыкание, при котором значимым является порядок слов, а зависимое слово стоит перед главным. Кроме того, как отмечал М.Е. Алексеев, отношения между элементами таких сочетаний определяются семантикой элементов, а способ соединения без служебных слов не позволяет избежать омонимии [Алексеев 1973: 133–134 (37–38)].

В шугнанско-русском словаре Д. Карамшоева, который отражает язык первой половины XX в., находим пример, где представлено свободное сочетание существительного (*кахоуен* мн. от *кахоу* ‘женщина’) и сложноименного глагола (*dāf δēdow* ‘бить в бубен’): *tarūd soz lūvet, taram wād kahoуen dāf den* ‘вы тут песни поете, а там женщины играют на бубне’ [Карамшоев 1988: 497]; то же можно найти и в современном тексте: *кахоуен диуен* ‘женщины бьют (в бубен)’ (см. ниже). Знаменательно, что в современном шугнанском тексте на тему о женском исполнении на дафе, записанном у профессора Ш.П. Юсуфбекова (см. ниже), устойчивый оборот *кахоу дāф* употребляется скорее как композит.

При этом обычным для таджикского языка термином для обозначения ударного народного инструмента типа бубна, является *доира* ‘дойра, бубен; круг, окружность’ (широко применяются и производные *доиразани*, *доирадасти*, *доиранавози* ‘игра на дойре’, *доиразан*, *доирадаст*, *доиранавоз* ‘играющий на дойре’, а также *доиракаиш* ‘мастер, натягивающий кожу на дойру, бубен’). В «Таджикско-русском словаре» зафиксировано и другое название музыкального инструмента, специальный музыкальный термин *даф* ‘бубен’, который дается с пометой «книжн.», а также *дафзан* ‘играющий на бубне’

[Таджикско-русский словарь 2006]. Термин *даф* известен в языке дари Афганистана и особенно широко распространен в афганском Бадахшане и в памирских языках (шугнанском, рушанском, хуфском, бартангском, ишкашимском, сангличском и ваханском).

В шугнанском языке кроме термина *dāf* ‘бубен’, встречается сочетание однородных существительных *dāf-at doyrā* ‘бубен и дойра’, обозначающее музыкальный ансамбль из нескольких ударных инструментов, а также сложноименной глагол *dāf δédow* (*dāf δād-*) ‘бить в бубен, играть на бубне’ [Зарубин 1960; Карамшоев 1988]. Основа *dāf* входит и в состав композитов, в частности сложений со второй глагольной частью: *dāfδéd* (усеченный инфинитив глагола *δédow* ‘бить’) ‘игра на бубне’, *dāfzan* (осн. наст. вр. *zan* от *zadan* ‘бить’) ‘исполнитель, играющий на бубне’, а также с причастием: *dāfδādīj* (от осн. наст.вр. глагола *δédow* (*δād-*) ‘бить’) ‘исполнитель, играющий на бубне’.

В составе композита *dāfbūst* ‘натянутая на бубен шкура’ два имени существительных (*dāf* ‘бубен’ и *pūst* ‘шкура’), где главным является второе. Как композит, а не словосочетание, применяется сложение *kaḥoydāf* ‘женская игра на бубне; игра на бубне женщины’ в приведенных ниже текстах. Оно переходит из разряда словосочетаний в разряд сложных слов, состоящих из двух именных основ, где зависимое слово *kaḥou*, которое может выступать и как имя существительное ‘женщина’, и как прилагательное ‘женский’, ставится перед главным; при этом для прилагательного ‘женский’ имеется специальная форма *kaḥoyi*. В другом примере имеет место словосложение *zibodāf* (букв.: ‘последующий-даф’) ‘название мелодии, ритма’, где первая часть *zibo* может выступать и как имя существительное, и как прилагательное, и как наречие: ‘задняя часть’, ‘последующий, задний’, ‘сзади’. Исходя из этих словоупотреблений основное значение термина *dāf* ‘ударный музыкальный инструмент, бубен’ в шугнанском языке дополняется значением ‘мелодия, ритм, исполняемый на дафе’.

Знаменательно, что на Западном Памире, где на дафе играют и мужчины, и женщины, исполнение женщин имеет особую функцию. Обычно мужчины, играющие на этом народном инструменте, — профессиональные исполнители, а женщины, как правило, — местные жительницы, пользующиеся уважением в обществе. Их игра обладает особым значением, сопровождает каждое знаменательное событие в жизни человека, селения: рождение ребенка, свадьба, встреча гостей, знаменательные даты, такие, например, как начало Нового Года (Навруз)³. Эта выделяющаяся особым ритмом игра на дафе стала ритуалом, обычаем, который вошел в традицию народов всего Бадахшана; и они несли его с собой при переселении в дальние страны, такие как Китай и Пакистан. Эта ритуализованная функция связана именно с женским исполнением, и именно это словосочетание стало в шугнанском языке композитом.

Группа женщин, играющих на дафе, выводит сложную полиритмическую мелодию (ср. названия ладов: шугн. *torčīni, rārou, duzarbā, muqūm(ot)*). При этом каждая женщина (или группа женщин, если их много) исполняет на своем инструменте особенный напев с заданной метроритмической структурой. Таким образом складывается неповторимый ритмический рисунок, образуемый многотактовой пульсацией, последовательностью длительностей неодинаковой величины — звуков и пауз, — особый музыкальный ритм. Именно своеобразное соединение длительностей и пауз создает необычные ритмические конструкции. Эти устойчивые метроритмические группировки сформировали в местной музыкальной традиции оригинальные ритмоформулы, связанные с ритмом, присущим человеку в его повседневной жизни.

В заключение мы приводим несколько небольших рассказов проф. Ш.П. Юсуфбекова о дафе, его значении в культуре народов Памира и особом месте женщин в исполнении

³ Ср. сходные функции бьющих в барабан, сходный с решетом, женщин в библейской традиции [Edwards 1835: 399].

на дафе, а также предание, бытующее в долине реки Шахдара, о том, как родилась традиция игры на дафе и почему этот народный инструмент так важен. Рассказы записаны нами на шугнанском языке в г. Хорог Горно-Бадахшанской автономной области в 2014 г.

I.

Daf

Даф

1

Tar māš taraf-at tar Aωŷunistŭn-ta «dāf» žarn
в наш сторона-и в Афганистан-PRT даф круглый
doyirā lŷven.

дойра говорить.PRS.3PL

В наших краях и в Афганистане дафом называют круглый бубен, дойру.

2

Tar Sariqul-ta mis dāf lŷven.

в Сарыкол-PRT тоже даф говорить.PRS.3PL

В Сарыколе тоже дафом называют.

3

Tojiki doyrā disga ziyŷm idi ŷam
таджикская дойра такой устройство что та.OB

čambār girdak zāngaken yo sipinin
обод круглый бубенец.PL или металлический

alqayen as darŷn aŷezŷn.

кольцо.PL из внутри висящий

Таджикская дойра такой музыкальный инструмент, так сделана, что вокруг ее обода встроены круглые диски, бубенчики или изнутри размещены металлические кольца.

4

Tar Aωŷunistŷn-ta mis doyrā lŷven.

в Афганистан-PRT тоже дойра говорить.PRS.3PL

В Афганистане ее тоже дойра называют.

5

Tar Badaxĥûn-ta mis dāf lûven.

в Бадахшан-РРТ тоже даф говорить.PRS.3PL

В (афганском) Бадахшане ее тоже дафом называют.

II.

Dāf-ta carāng kinen

даф-РРТ как делать.PRS.3PL

Изготовление дафа

1

Dāf-at doyrā xu ajm-at čambār ʔafci, xu
даф-и дойра свой размер-и обод толщина свой
sado-yat xu ʔolen-qati farq kinen.

звук-и свой колокольчик.PL-PSTP отличие делать.PRS.3PL

Даф и дойра отличаются по размеру и толщине обода, по звуку и звучанию дисков или колокольчиков.

2

Pomêr dāf disga ziyûm-idi ōam-ti-ta
памирский даф такой устройство-что та.OB-PSTP-PRT
xu δust-qati diyen.

свой рука-PSTP бить.PRS.3PL

Памирский даф такой музыкальный инструмент, что по нему ударяют, бьют рукой.

3

δorgin čambār-ti as yi taraf molčîn
деревянный обод-PSTP с один сторона дубленый
vazbûst tāžen.

коза.шкура натягивать.PRS.3PL

Обод из древесины покрыт с одной стороны дубленой, выделанной козьей шкурой.

4

Šġgbûs mis boft.

теленка.шкура тоже годиться.PRS.3SG

Шкура теленка тоже годится.

5

Čambār yaƒci xoŷ-δīs-at du ata ωi doyrīa to
 обод толщина шесть-десять-и два и тот.ОБ круг до
 cavor δīs-at pīnʒ santimetir-ec kinen.
 четыре десять-и пять сантиметр-PSTP делать.PRS.3PL

Обод, раму обычно делают шириной около шести-десяти (сантиметров), а окружность до сорока пяти сантиметров (в диаметре).

6

Čambār-ta as δorg-and kinen.
 обод-PRT из дерево-PSTP делать.PRS.3PL

Обод делают из дерева.

7

Veħ-di-ta rīm-at, bojak-at, tuđin
 хороший-СМРР-PRT тополь-и орех-и тутовый
 kinen.
 делать.PRS.3PL

Лучше из тополя, ореха или тута делать.

8

Fanarin-ta mis kinen aga yičīz-ga δorg
 фанерный-PRT тоже делать.PRS.3PL если нечто-PRT дерево
 ca na-vid.
 если NEG-быть.PRS.3SG

Из фанеры тоже делают, если ничего деревянного нет.

9

Čambār-ta ħirn-aθ lāken yo-ta
 обод-PRT гладкий-PRT оставлять.PRS.3PL или-PRT
 pargaŷen.
 сверлить.PRS.3PL

Обод оставляют гладким (или просверливают).

10

Xuṽn̄n-and-ta dāf čambār girdak kũṽz
 шугнан-ПСТР-ПРТ даф обруч круг(лый) отверстие
 kinen xu tar mēx-ta as kačak-and
 делать.PRS.3PL и в гвоздь-ПРТ из жестянка-ПСТР
 žurn-žurn ħičanden-xu riĵenen
 круглый-круглый резать.PRS.3PL-и нанизывать.PRS.3PL

В Шугнane в стенке обруча делают круглые отверстия, прорези, (в прорези вставляют неподвижные) штифты, на которые нанизывают вырезанные из жестяных банок круглые пластины, диски.

11

Dāḍ sipinin ĵolen gird(i) čambār
 этот.PL металлический колокольчик.PL вокруг обод
 dāfḍêd-ti laṽzā-yen xu sado-yen.
 даф.игра-ПРТ дрожь-есть.PRS.3PL и звук-есть.PRS.3PL

Эти металлические колокольчики (диски), вставленные в прорези обода (равномерно распределенные по кругу обода, рамы или по внутренней поверхности рамы) во время игры на дафе позвякивают и издают звук.

III.

Dāfḍêd

Игра на дафе

1

Dāfbūst arcūnd tiraxta-di ca-vid dāf
 мембрана насколько тугой-СМРР CNJ-быть.PRS.3SG даф
 sado bī-di sūd at haḫ-di.
 звук хороший-СМРР становится.PRS.3SG и сильный-СМРР
 Чем мембрана туже, лучше натянута, тем звук лучше и выше
 (поэтому перед игрой даф разогревают над огнем).

2

Dāf-ta ḍu-ḍustāk niwozen,
 даф-ПРТ два-рука играть.PRS.3PL

lāk varθ δust-qati muq̄mδêd boft.
 оставлять.PRS оба рука-PSTP ладигра мочь.PRS.3SG

Играют на дафе обеими руками, двумя руками можно сыграть мелодию, напев (различных тембров).

3

Dāf-ta disga den: ĉār δust-qati-ta
 даф-PRT так бить.PRS.3PL левый рука-PSTP-PRT
 anjen-xu xez δust angixt-at ben-qati-ta
 держать.PRS.3PL-и правый рука палец-и ладонь-PSTP-PRT
 dīyen.
 ударять.PRS.3PL

На дафе так играют: левой рукой держат, а бьют правой рукой пальцами и ладонью.

4

Ĉār δust angixten-qati-ta mis di ĉambār-ti
 левый рука палец.PL-PSTP-PRT тоже тот.OB круг-PSTP
 dīyen.
 ударять.PRS.3PL

Кроме того, по ободу дафа бьют пальцами левой руки.

5

argāng-aθ muq̄m niwozen.
 различный-PRT мелодия играть.PRS.3PL

На нем играют различные напевы, мелодии.

6

Gā-ta dāf kinen-idi oam ŷolen
 иногда-PRT даф делать.PRS.3PL-так та.OB колокольчик.PL
 lāk sado-yen.
 оставлять.PRS звук-есть.PRS.3PL

Когда на дафе играют, его колокольчики, диски звенят, позвякивают.

7

Gā-ta pi tīr-āj-at tar pāliy-āj sīč
иногда-PRT в верх-PSTP-и в сторона-PSTP толчок

ḍen pis muqûm-aθ.
делать.PRS.3PL с мелодия-PRT

Иногда (даф) выбрасывают вверх или в сторону в такт мелодии.

8

Dāfzan-ta gā xu zûn-ard ωam
даф.играющий-PRT иногда свой колено-PSTP та.OB

čambār-qati ḍīd.
обод-PSTP бить.PRS.3SG

Иногда исполнитель ударяет ободом бубна по колену.

9

Badaхxûn-and-ta dāfḍāḍīj gā dam dāf ar
Бадахшан-PSTP-PRT даф.играющий иногда та.OB даф на
zimād lāk-kičt, xez ḍust-qati
землю оставлять.PRS-делать.PRS.3SG правый рука-PSTP
anjīvd-at.

держать.PRS.3SG-его

В Бадахшане исполнитель иногда даф на пол опускает, придерживая его правой рукой снаружи.

10

Pi Waxûn-ta čoriken dāf pi xu šanden-xez
в Вахан-PRT мужчина.PL даф к свой губа.PL-PSTP
yosen arrāng-aθ muqûm ḍen.
нести.PRS.3PL разный-PRT мелодия бить.PRS.3PL

В Вахане мужчины дафом перед ртом машут, выводят разные ритмы.

11

Muq̄men-en disga: torčīni, gārou, duzarbā,
лад.PL-есть.PRS.3PL такой: торчини, рапой, дузарба,
muq̄m(ot).
мугам(PL)

Лады, ритмы называются следующим образом: торчини, рапой, дузарба, мугам.

12

Dāf-ta ām īiniken at ām čoriken đen.
даф-PRT также женщина.PL и также мужчина.PL играть.
PRS.3PL

На дафе и женщины, и мужчины играют.

13

Yasten čoriken unarmanden qişloq-and idi
есть.PRS.3PL мужчина.PL мастер.PL кишлак-PSTP что
sūr-at majlis-and qişloq-ard noŷen-at
свадьба-и собрание-PSTP кишлак-PSTP ходить.PRS.3PL-и
dāf đen-at soz lūven.
даф бить.PRS.3PL-и песня говорить.PRS.3PL

В кишлаке есть мужчины-профессионалы, которые регулярно ходят по кишлакам, на свадьбах и собраниях играют на дафе и поют песни (аккомпанируют пению и танцам на праздниках и церемониях).

14

To savor dāf-ec mis đen.
до четыре даф-PSTP тоже играть.PRS.3PL

На четырех дафах играют.

15

Beḡ-di-ta dāf-ti kaxoyen diyen-at
больше-CMPR-PRT даф-PSTP женщина.PL бить.PRS.3PL-и
soz lūven.
песня говорить.PRS.3PL

Больше женщины играют, поют песни.

16

Гiniken dāf-ta кахойдāf lūven.
 женщина.PL даф-PRT женщина.даф говорить.PRS.3PL
 Игра на дафе женщин называется «кахойдаф».

17

Гiniken-ta dāf хuši ωaxten-and δen:
 женщина.PL-PRT даф радость время.PL-PSTP бить.PRS.3PL
 aωal-i хušiyen-and, sūren-and,
 начало-IZF празднование.PL-PSTP свадьба.PL-PSTP
 xūnči-yat niωenc tarpīro, niωenc tarzībo,
 жених-и невеста впереди невеста сзади
 muborakboden-and, bašānd memūnen tarpīro ...
 празднование.PL-PSTP дорогой гость.PL впереди

Женщины играют на дафе в знаменательные дни: они начинают праздничные и свадебные церемонии, (следуют) перед процессией жениха и невесты, провожают невесту, (звук дафа раздается) в день праздника по случаю рождения детей, перед приездом дорогих гостей и т.п.

18

Yičand ŷinik žurn-aθ ωirāfcen yo qator
 несколько женщина круг-PRT собираться.PRS.3PL или ряд
 хu kinen хu muqūmen diyen.
 себя делать.PRS.3PL и мелодия.PL бить.PRS.3PL

Несколько женщин собираются в круг или выстраиваются в ряд и выводят напев, (особую) мелодию (отбивая ритм).

19

Di muqūm-qati хu хuši ifodā kinen.
 тот.OB мелодия-PSTP свой радость выражение делать.PRS.3PL
 Этим напевом они выражают свою радость.

20

Badaхxūn-and dāf sado di sut, mālum idi ar
 Бадахшан-PSTP даф звук CNJ идти.PST ясно что каждый

čīz sa xuši.

вещь CNJ радость

Когда в Бадахшане слышен звук дафа, ясно, что там (происходит) радостное событие.

21

Kaxoydāf yid sunnat.

женщина.даф тот.D обычай

Игра на дафе женщин, «кахойдаф», это обычай (в случае радостного события).

22

Kaxoydāf-ta ħiniken den.

женщина.даф-PRT женщина.PL бить.PRS.3PL

На дафе играют обычно женщины (группа женщин).

23

Ar yak ħinik-ta xu dāf-ti xu muqūm

каждая один женщина-PRT свой даф-PSTP свой лад

δīd.

бить.PRS.3SG

При этом каждая женщина исполняет на своем инструменте свой особый лад (отбивая особый ритм).

24

Yīw duul, yīw gardūnak, yīw zibodāf.

один дуул один гардунак один зибо.даф.

Одна отбивает (ритм) дуул, другая — гардунак, третья — зибодаф.

25

Pomêr kaxoydāf dindi farq kiħt.

Памир женщина.даф так отличие делать.PRS.3SG

На Памире женское исполнение на дафе тем и отличается.

V.

Gulasanjûn**Гульхасан (Легенда о музыке и любви)**

1

Yi kaḥoydāf muqûm-ta Gulasanjûn
 один женщина.даф мелодия-PRT Гульхасан.DIM

lûven.

говорить.PRS.3PL

Одну мелодию, которую играют женщины на дафе, называют
 «Гульхасан».

2

Naql-ta kinen idi waḥto-yi waḥt-and
 разговор-PRT делать.PRS.3PL что время.PL-IZF время-PSTP

Šošbuwād nûm qišloq-and pi tir Hoḥdarā-yi
 Шошбувад имя кишлак-PSTP в верхний Шахдара-3SG

Gulasan nûm ŷidā zindagi čûŷj.

Гульхасан имя юноша жизнь делать.PRF.M

Говорят, что некогда в селении Шошбувад, в верхней Шахдаре,
 жил юноша по имени Гульхасан.

3

Wef čīd-jamāt-en niwozīj vic hu
 их дом-семья-3PL музыкант быть.PRF.PL и

yakdigar-ard-en muqûm-qati gāp doḍj.

один.другой-PSTP-3PL мелодия-PSTP разговор давать.PRF

Все члены семьи (Гульхасана) были музыкантами и общались
 друг с другом посредством музыки.

4

oi-ti yi parêduxtar ošiq sûd,

тот.ОБ-PSTP один пари.девушка любовь становиться.PRS.3SG

hu as oi taraf daryo-yand barjoy

и с тот.ОБ сторона река-PSTP поселение

sûd.

становиться.PRS.3SG

В него влюбилась одна молодая девушка-пери, которая поселилась на противоположном берегу.

5

Yilāven-en ωi-qati daraω bayīti sat,
 часть.PL-3PL тот.ОБ-PSTP INC.PRT зависть становится.PST

xu qaror-en δod idi yirāng kinen
 и уговор-3PL бить.PST что так делать.PRS.3PL

gūybêxt-and zīnen ωi.
 мяч.игра-PSTP убить.PRS.3PL тот.ОБ

Часть (жителей селения) стала ему завидовать, они задумали устроить игру в мяч, поло, и убить его.

6

Daδ-en qīωd ωi saωoragūy bêxtωω.
 потому-3PL звать.PST тот.ОБ верхом.мяч играть.INF

По этой причине они позвали его сыграть в поло верхом.

7

Yid parêduxtar as di xabar sūd xu
 Тот.D пари.девушка об тот.ОБ весть становится.PRS.3SG и

dāf zēzd xu sifīnt pi yi
 даф брать.PRS.3SG и подниматься.PRS.3SG на один

bilandi xu yi muqūm daraω-δêd
 возвышенность и один мелодия INC.PRT-бить.INF

kixt.

делать.PRS.3SG

Эта молодая пери о том узнала, взяла даф и, поднявшись на возвышенность, стала отбивать особую мелодию.

8

Yid Gulasan-ti xabar sūd xu, xu
 тот.D Гульхасан-PSTP весть становится.PRS.3SG и свой

vorj gardent xu as bozi nahtīzd xu
 лошадь повернуть.PRS.3SG и из игра выйти.PRS.3SG и

xu jūn xalos kixt.

свой душа спасение делать.PRS.3SG

Так она предупредила Гульхасана, и он повернул лошадь и вышел из игры, и так спас свою жизнь.

9

Ik-az oi-ndi yid muqûm niḫûna-yi

PRT-от тот.ОБ-PSTP тот.Д мелодия знак-IZF

hušê-t hursandê sat хц, sûr-and-at

радость-и веселье стать.PST.F и свадьба-PSTP-и

ayden-and-ta dam ðen.

праздник.PL-PSTP-PRT та.ОБ бить.PRS.3SG

С тех самых пор этот мотив стал символом, приметой радости и веселья, и на свадьбах и праздниках его исполняют, отбивают.

Сокращения

CMPR — компаратив, сравнительная степень

CNJ — союз

D — указательное местоимение (м./ж.р.) в прямом падеже

DIM — суффикс со значением (уменьшительности-)

ласкательности

INC.PRT — частица начинательности

INF — инфинитив

IZF — изафет

NEG — префиксальная отрицательная частица при глаголе.

ОБ — указательное местоимение (м./ж.р.) в косвенном падеже

PRF (PL/SG:M/F) — основа перфекта (мн./ед.ч.: м./ж.р.)

PRS — основа настоящего-будущего времени

PRT — частица PST (PL/SG:M/F) — основа прошедшего времени (мн./ед.ч.: м./ж.р.)

PSTP — послелог

тадж. — таджикский язык

шугн. — шугнанский язык

Литература

Алексеев М.Е. Именные словосочетания в шугнанском языке // Народы Азии и Африки. 1973, № 6. С. 131–136. (Статья приводится в настоящем издании на с. 35–45.)

Зарубин И.И. Шугнанские тексты и словарь. Москва–Ленинград, 1960.

Иванов В.Б. К классификации именных форм в юго-западных иранских языках // Вопросы языкознания. 2014, № 2.

Карамшоев Д.К. Шугнанско-русский словарь. Москва, 1988; 1991; 1999.

Таджикско-русский словарь. Сост. *В.П. Капранов, А. Отахонова, Х. Рауфов, М. Рахимова, А. Халилов, С.Д. Холматова, Н. Холмухаммадов, Р. Холмуминова, В. Шарифов*. Под ред. *Д. Саймиддинова, С.Д. Холматовой, С. Каримова*. Душанбе, 2006.

Edwards Bela. Music of the Hebrews. The Biblical Repository and Quarterly Observer. Vol. 6. 1835.

Додыхудоева Лейли Рахимовна
Институт языкознания РАН
leiladod@yahoo.com

Кавказизмы в осетинском языке (фонетическая адаптация, разбор семантического поля)

Мудрак О.А.

В данной статье впервые даются регулярные фонетические соответствия при адаптации большого корпуса кавказских заимствований в осетинском языке. Данные соответствия установлены на базе большого корпуса заимствований в первую очередь из прадаггинского языка. Количественный состав заимствований, обнаруживаемый в осетинском языке (включая иронские и дигорские данные), позволяет предположить пути миграции предков осетин в кавказском ареале. Впервые дается разбор заимствований, обнаруживаемых в конкретном семантическом поле растительной лексики.

Ключевые слова: сравнительно-историческое языкознание, этимология, кавказские языки, заимствования, фонетические соответствия, семантическое поле, осетинский, даггинский, нахские, северо-кавказские

The present article provides a first look at the regular phonetic correspondences found in the Ossetic adaptations of numerous Caucasian loanwords. These correspondences hold true over a large corpus of borrowings, first and foremost from the proto-Dargi language. Analyzing these borrowings in Ossetic (both the Iron and Digor data) allows us to map the historical migration patterns of the ancestors of the Ossetic people through the Caucasus area. The article also examines in detail borrowings found in the semantic domain of words having to do with plants.

Keywords: historical linguistics, etymology, Caucasian languages, borrowing, phonetic correspondence, semantic domains, Ossetic language, Dargi language, Nakh languages, North Caucasian languages

Осетинский язык распадается на две ветви — иронскую (включая юго-осетинские диалекты) и дигорскую — самое позднее в двадцатых годах XIII в. н. э. Но впервые отдельное упоминание дигорцев присутствует в списке Ашхарацуйц конца VII в. н. э. Отделение осетинской ветви от остальных иранских языков произошло приблизительно на рубеже X–IX в. до н. э. Данные датировки получены при глотто-хронологическом анализе 110-словного списка с учетом заимствований. Литературный осетинский язык создан на базе иронского диалекта (в данном случае фактически языка, как и дигорский язык). В осетинской лексике кроме продолжений индоиранских основ обнаруживается большой пласт кавказизмов. Многие из них фигурируют в замечательном пятитомном этимологическом словаре осетинского языка В.И. Абаева.

В своей книге «Осетинский язык и фольклор» (1949) в разделе «К характеристике лексики современного осетинского языка» В.И. Абаев выделяет около 800 слов, которые «нашли себе более или менее удовлетворительные индоевропейские и иранские этимологии» [Абаев 1949: 103]. Весь корпус осетинских основ он оценивает в 4000, что относительно завышено. По материалам издававшегося в 1958–1989 гг. «Историко-этимологического словаря осетинского языка» автором добавлены еще несколько сот исконных этимологий. Для успешного анализа осетинской лексики В.И. Абаев указывает, что «необходимо привлечь широко кавказские языки, как соседящие с осетинскими, так и более отдаленные». И далее — «к сожалению, недостаток в литературе удовлетворительных словарей по кавказским языкам и вообще недостаточная изученность этих языков затрудняют разработку осетино-кавказских лексических отношений» (с. 103, 104). При составлении полных баз данных этимологических словарей отдельных ветвей северно-кавказской и картвельской языковых семей удастся проследить этимологию многих основ и выявить заимствования в осетинский язык.

Наибольшее количество заимствований происходит из даргинской ветви восточно-кавказской подгруппы (450–500 основ), с которой осетинский язык напрямую не контактирует. Другой значительный объем заимствований отмечается из нахской ветви восточно-кавказских языков (около 390–440 основ). Учитывая несомненное взаимодействие на протяжении, по крайней мере, последних 1,5 тыс. лет именно с носителями нахских языков, следует отметить, что контакт с даргинцами был первым и основополагающим. Заимствования из других ветвей кавказских языков исчисляются лишь десятками, причем это касается и западно-кавказских заимствований. Лексические заимствования из картвельских языков (исключая новейшие интернационализмы) также немногочисленны и сопоставимы по количеству, например, с цезско-дидойскими заимствованиями. Однако, наблюдается слой заимствований уже из осетинского языка в мохевском, рачинском, лечхумском диалектах грузинского языка, отражающих адаптационные процессы осетинского языка при усвоении восточно-кавказских (в первую очередь даргинских) слов. В этих заимствованиях различаются свистящие и шипящие сибиланты и аффрикаты, но в них произошли специфические переходы, актуальные для осетинской фонетики. Такого же типа параллели обнаруживаются и в сванском языке. Есть около десятка осетинских заимствований в абхазо-тапанском, включая освоенные даргинизмы. По предварительной выборке тюркских параллелей в этимологическом словаре В.И. Абаева обнаруживается около 150 осетинских заимствований в карачаевском и балкарском языках. Их число значительно увеличится при сквозном анализе карачаево-балкарской лексики.

Фонетическая адаптация кавказских заимствований в осетинском языке до сих пор не была описана. Указывалось лишь на отдельные маркеры заимствований — абруптивные или сильные согласные в основах. Выявление соответствий адаптации кавказской фонетики произведено на корпусе

даргинских заимствований, которые не являются современной контактной лексикой и которые наиболее многочисленны. Кроме того, в прадаргинской фонетике присутствуют практически все характерные согласные кавказских языков (за исключением латералов территории речных долин Аварского и Андийского Койсу). Выявленные ряды практически применимы и при изучении освоения заимствований из других кавказских языков.

Реконструкции по подгруппам сделаны на базе учета соответствий между языками, включая морфонологические чередования и данные косвенных основ. Частично их номера соответствуют базе на ресурсе www.starling.rinet.ru, однако база этимологической авторской картотеки значительно расширена не только количественно (в отдельных случаях в 2–3 раза), но и по объему привлекаемых языков и материалов внутри каждой языковой подгруппы, а также по реинтерпретации неправомерных схождений¹.

Разбор идет от системы согласных ПДарг. языка. Разделены осетинские отражения в зависимости от позиции начала и середины слова. В осетинских полях дается праосетинская реконструкция, которая довольно очевидна при сопоставлении иронского и дигорского материалов. В целом, кроме снятия вторичной иронской палатализации велярных произведена интерпретация сильных согласных, как усиленных звонких — *b:, *d:, *z: и т. д. Реконструируется увулярный

¹ Этимологическая база данных автора статьи: аварского языка (avaret 3274 этимологий), андийских языков (andet 2466 этимологий), арчинского языка (avaret 1824 этимологий), даргинских языков (darget 3137 этимологий), западно-кавказских языков (abadet 2167 этимологий), картвельских языков (kartet 1690 этимологий), лакского языка (laket 2628 этимологий), лезгинских языков (lezget 3025 этимологий), нахских языков (naxet 3011 этимологий), северно-кавказского языка (cauket 2903 этимологий), цезско-дидойских языков (cezeta 2178 этимологий).

звонкий смычный *g на месте соответствия ирон. q — дигор. q, а начальный увулярный звонкий спирант *b- отражается как ирон. q- — дигор. b-.

Через две косых линии даются допустимые контекстно обусловленные рефлексы в осетинских полях. Они возможны, но не обязательны, и их появление могло быть связано, например, со старой акцентуацией, хотя этот вопрос нуждается в дополнительном специальном исследовании.

дарг.	осет. T-	осет. -T-	примечания
p-, -p-	p- (11), f- (4)	-b:(-) (6) // -rw- (2)	Спирантные рефлексы отмечены перед сочетаниями *Nδ, *Ip, *Iр.
p̣-, -b'- ~ -p̣-	b-(z)- (3)	-b:- (3), -b- (1), ? -f- (2)	Причем в 2 случаях перед осет. *-z-. В срединной позиции со спирантом в глаголе 1 раз.
b-, -b-	b- (3+5)	-b:(-) (6+3), -b- (3+5)	Через «+» даны случаи, где по дарг. материалу не определяется *b или *v.
v-, -v-	b- (18), f- (2) (и далее в своем сложении -v- (1))	-b- (20), -w(♯) (7) // -rv- (3), -wr- (1), -or- (1)	Начальные спирантные рефлексy в осет. перед *rd, *rt, *tr. В глаголе 1 раз встретилось -v-. Знак (♯) означает конечнослоговую позицию.
-w-		-0- (6), -w(♯) (4)	Знак (♯) означает конечнослоговую позицию.
t-, -t-	t- (17)	-t- (10), -d- (2)	
ṭ-, -ṭ-	ṭ- (3) // d-D (1)	-d- (19), -d:(♯) (13) // -nṭ- (1), -lṭ- (1)	Знак (♯) означает конечнослоговую позицию. В случаях с усилением -d: отмечается 8 контекстов с предшествующим -г-.

d-, -d-	d- (7)	-d- (16) // -nt# (2), -rät# (2), -lat# (1)	С вторичной разбивкой части сочетаний.
δ-, -δ-	d- (10)	-d- (6) // -n(#) (1) (< *nδ)	
c-, -c-	c- (2)	-s# (1)	
ç-, -ç-	ç- (6) // з-D (4) (+ з-l (2))	-з- (4), -rz# (1) // ? -ç- (2) (< *M-ç-)	Озвонченные начальные рефлексы перед звонким смычным и 2 раза перед плавным.
з-, -з-	з- (6)	-з- (8), -z (4)	
z-, -z-	z- (8) // зäГ- (4)	-z(-) (24)	Аффрикатные начальные рефлексы перед звонкими заднеязычными спираантами.
s-, -s-	s- (18)	-s- (19)	
č-, -č-	c- (21) // з-D (4)	-c- (5), -з (1)	Озвонченные начальные рефлексы перед звонким смычным. Конечный звонкий рефлекс (морфонологический -з, при венг. kutyа) отмечен в слове 'собака'.
č̣-, -č̣-	ç- (5) // з-D (2)	-з- (9), -lз:- (1) // M-ç- (2), -пç- (1)	Озвонченные начальные рефлексы перед звонким смычным.
ž-, -ž-	з- (5)	-з- (7), -з:- (1)	
ẓ̌-, -ẓ̌-	з- (3), z- (2)	-z- (7)	
š-, -š-	s- (16)	-s- (19)	
k-, -k-	k- (17)	-k- (4)	

к-, -к-	к- (20) // g-(m)b- (2)	-к- (12) // -g- (2), -g:- (2), -g# (2+1)	Звонкие срединные реф- лексы из сочетаний с со- нантами (в том числе с ме- татезой), а сильные 2 раза в контексте 3-g:-.
g-, -g-	g- (17)	-g- (10), -g:- (4)	
γ-, -γ-	g- (8)	-g- (12), -б- (4)	
х-, -х-	χ- (4)	-χ- (6), -s- (1), -f- (1)	Сибилантный рефлекс в месте палатализации в дарг., а губной при отраже- нии контекста *-vx-.
q-, -q-	χ- (12), k- (4) // g-l- (2)	-g(:)- (6), -g:- (2) // -mχ- (2), -rχ- (1)	Причем kaj, kã- (2) в случа- ях осет. велярного начала. Ср. развитие *с-, *q- перед плавным.
q̇-, -q̇-	к- (33) // g-l (2)	-к- (8), -g:- (2), -gl- (2) // -r/bχ- (2), -χ# (1) ?	Ср. развитие *с-, *q- перед плавным.
g-, -g-	g- (17), g- (4)	-g:- (4), -б# (2) // -ng- (2)	
б-, -б-	б- (8+1)	-б- (14), (-χ (1))	С вторичным оглушением в контексте χ-fs- для начала. И 2 раза в середине отме- чено выпадение во второй части сочетания.
χ-, -χ-	χ- (20)	-χ- (12)	Увулярный спирант.
ħ-, -ħ-	χ- (12)	-χ- (9)	Фарингальный глухой спи- рант. 1 раз в начале 0-g:- (диссимилиация?).
ħ-, -ħ-	χ- (1)	-0(w)- (4), -lv- (1)	Фарингальный звонкий спирант.

ʔ-, -ʔ-	ʔo- (2) (= wA-), 0- (2)	-0- (3), -χ (1)	Фарингальный смычный.
ʔ-, -ʔ'-	0-	-0-	Гортанный смычный.

Ниже даются иллюстративные примеры на осетинские соответствия согласных в разных позициях с разделением групп согласных по локальным рядам артикуляции. При подаче осетинских слов сначала дается иронская форма, через косую черту (/) дается дигорская форма. При подаче реконструкций перед сокращенным названием языка дается номер этимологии по соответствующей базе (см. данные авторской в сноске 1), а после названия — номер этимологии в базе на уровень выше, т. е. номер северно-кавказской этимологии для кавказских языков. Также номер этимологии по базе может даваться в круглых скобках, когда пример идет в качестве иллюстрации.

Примеры на соответствия губных:

осет. рақ^wi / рақu (< *рақu) ‘оперение, перья, пух’ (Абаев, II 236, 237 — «разряд звукоизобразительных слов») < 1806ПДарг. *рақоло ~ -r- ‘шелуха; плева’.

осет. färw / färwä (< *färwä < *färfä) ‘ольха’ (Абаев, I 456 — с этимологией от слова ‘пруд, болото’, что трудно осмыслить) < 206ПДарг.2474 *p’ärp’ärägün ‘осина’.

осет. sip:a / sip:a (< *sib:a) ‘трубочка для отвода мочи’ > балк. sipra, груз. sibaki (Абаев, III 205) < 2748ПДарг. *sipan ‘трубочка для отвода мочи (в детской люльке)’.

осет. bāzän ~ bāzän ‘помет крупных домашних животных’ (Абаев, I 257 — нефонетичное сравнение с монг. *bahasun ‘кал’) < 316ПДарг.1060 *pälçän ‘осадок, испражнения; выделения из глаз; испражнения, кал’.

осет. χ^wip: / (< *χub:) ‘глоток жидкого’ > балк. χипра ~ χипрај ‘сыворотка’ (Абаев, IV 266 — «звукоподражательное») < 2257ПДарг.1994 *χub’əп (-p-) ‘хлебнуть’.

осет. / buj^hna^hg (< *buniay) ‘войлок (?)’, в примерах «войлочная (?) плетка», «спать на ... из грубой шерсти» (Абаев, I 269 — с «народной этимологией» из значения *’нижний’) < 971ПДарг. *bänüj(və) ‘полоска кожи, ремешок, веревка’.

осет. / gäbät ‘бурдюк’ (Абаев, I — «звукоизобразительное») < 2925ПДарг. *qabaṭun ‘поднос (для еды)’. Как «емкость для еды, питья».

осет. q̄wībar / q̄ubarä ~ q̄uborä (< *q̄ubarä ~ *q̄ubōrä) ‘ком, комок, кокон’ при рус. *кубарь* (Абаев, I 645), q̄wībir / q̄ubur (< *q̄ubur) ‘бугор, холмик; почка (на деревьях); выпуклый’ (Абаев, I 646 — как подражательные) < 1185ПДарг. *q̄obər ~ -n, -v- ‘шишка’.

осет. biḳ / beḳä (< *beḳä) ‘пупок / верхушка, выступ, отросток’ (Абаев, I 260 — «субстратно-европейское слово») < 53ПДарг.52 *vč̣ḳir ‘голова, вершина’ во всех спектрах значений.

осет. afo^hn / afo^hnä (< *afo^hnä) ‘время, пора’, afäz / afäj (< *afäjz ~ -jç-) ‘год (как годичный цикл)’ (Абаев, I 30–32 — без этимологии) < 1039ПДарг.2630 *(’)č̣v̄xij^hn ‘осень’.

осет. durväṭk̄w̄i ‘боярышник’ (Абаев, I 377 — с народной этимологией «каменное яблоко») < 2034ПДарг. *dürvü’ō’^hnə ~ -ō’və ‘крыжовник’.

осет. q̄aliw / q̄aləw (< *q̄aləw) ‘ветка; сук’ (Абаев, I 617) < 845ПДарг.2115 *q̄älim(və) ~ *q̄älüjvə ‘ветка’.

осет. bar:a / bar:u (< *bab:aw) ‘хлеб’ (детск.) > балк. *bar:u*, груз. *baba*, сван. *babul* (Абаев, I 235) < 1776ПДарг.887 *baba’və ~ -o’^hnə ‘хлеб (детское)’.

осет. č̣iw / č̣ew (< *č̣ew) ‘птичка; цыпленок’ > груз. *имерет. č̣iuti* ‘название птицы’, балк. (верхн.) *č̣iwč̣ik* ‘воробей’ (Абаев, I 336) < 1490ПДарг.248 *č̣iväjə- ~ *č̣ävöjə- ‘цыпленок’.

осет. / säwmä dir? ‘утро’, säw- ‘утро, утренний’ в дериватах и сложениях, säw(w)on / säwmon (< *sämwön) ‘утренний’, som / ison (< *’som) ‘завтра’ (Абаев, III 95, 93, 131) < 2128ПДарг.668 *saw-lijvə ‘утро’ (именное образование от наречия на -li).

Примеры на соответствия дентальных:

осет. / tumuβ ‘масса, скопище’ (Абаев, III 335 — в омониме ‘пурга, метель’) < 941ПДарг.790 *tumə ‘семя; много наследников, многочисленное потомство (про человека и животных)’.

осет. guton / goton (*gotōn) ‘плуг’. По В.И. Абаеву (I 527) «общекавказское слово неизвестного происхождения». В данном случае — отражение ПДарг. фонетики с начальным звонким согласным, ср. также ПНах. *gotom (649), но там другие гласные, хотя именно эта форма может быть источником для дигор. параллели < 598ПДарг.1636 *gutonə ~ *k- ‘плуг’.

осет. sät / sätä (< *sätä) ‘слюна, слизь; сок’. В.И. Абаев (III 92) игнорирует балкарское заимствование šiti ‘слюна’ и пытается возвести эту основу к *sraθa-, не имеющей иранских параллелей < 875ПДарг.2182 *šätrün ~ *šämtər (~ *š-?) ‘слюна’. Другим источником осетинской формы может быть ПНах. *šatHe ‘плевок; слюна; мокрота’ (906).

осет. t̄il / t̄ulä (< *t̄ulä) ‘черенок (ножа, кинжала, шашки), вправленный в рукоять’. У В.И. Абаева сравнение с греч. tulos ‘колышек; деревянный гвоздь’ < 283ПДарг.181 *t̄uleḡv (~ *t̄uleḡmə) ‘палец; наперсток’.

осет. manṭil̄i южн. ‘мушмула’ (Абаев, II 70 — без этимологии) < ПДарг. *minṭinə- ~ *mənṭunə- ‘ольха (серая)’.

осет. zdi / izdi (< "izdi < *zidi) ‘свинец’. В.И. Абаев (IV 307) сравнивает с монг. zed ‘название, денег выплачиваемых ламам’, но это закономерное отражение тюркизма *žes ‘медь’ (тюрк. *žez) с конечным спирантом. Тем более, что свинцовых денег ни в одной культуре не отмечено. < 549ПДарг.450 *čaṭər ~ -ən ‘свинец’. Здесь чисто ПДарг. семантика с отражением абруптивов через звонкие.

осет. q^widiḡi / ḡududu (< *ḡududu) ‘злак в период молочной спелости’ (Абаев, II 322 — «происхождение неизвестно») и

осет. q^widal̄i / quḡali (< *ḡudali) ‘двухрядный ячмень’ (Абаев, II 321) < 1836ПДарг.495 *būṭij ~ *bḡṭij ‘стебель, соломинка, былинка’.

осет. cänd / cändä (< *cändä) ‘куча камней (рукотворная)’ (Абаев, I 300 — с неубедительной этимологией) < 1839ПДарг.1667 *čad’ō’və (-t-) ‘надгробный камень’.

осет. q^wirt: / qurd ~ qurt: (< *gurd:- ~ -rd-) ‘глоток’ (Абаев, II 334 — сравнение с ПНах. ‘наседкой’) < 1933ПДарг. *qōrtə- ~ g’- ‘глотать’.

осет. dudgä / (< *dodyä-) ‘кресс-салат’. По В.И. Абаеву (I 372) здесь представлено «лексикализованное причастие от dudīn ‘зудеть; гореть’», что очень плохо по смыслу. < 2007ПДарг.1313 *dōdō’ōr ‘мак; хмель; несъедобная трава’.

осет. / ändarg (< *ändary ~ *-md-) ‘окостеневший (?)’, застывший (?) в примере: «в руке крепко окостенела шашка» (Абаев, I 153 — без надежной этимологии) < 1162ПДарг.1494 *’ämđörüv ‘узел’.

осет. zīlat / (< *zīlad:) ‘высокая башня’ (нет у В.И. Абаева) < 184ПДарг.816 *çeldō’və(n) ‘надгробный камень’.

осет. dīrb / (< *dīrbə) ‘плод, фрукт’, gaga-dīrb ‘ягода’ с первой частью gaga ‘зерно, ягода’. По В.И. Абаеву (I 383), «происхождение неясно», «может быть, есть связь с лезг. dur ‘сушеный фрукт’». < 820ПДарг.2730 *dērgüv (~ *dērgür, -j) ‘мушмула, шишка’.

осет. dīči / (< *dēçij) ‘бурдюк’, который В.И. Абаев (I 363) сравнивает с груз. tīki, арм. tīk. Заимствовано из значения ‘шкура крупнокопытного’ < 834ПДарг.1573 *dēçōm ~ -ōr ‘шкура крупнокопытного; накидка; заплата’.

осет. qädi-sist / (< *gä(m)də-) ‘клоп’ со второй частью ‘вошь’, по В.И. Абаеву (II 286) «лесная вошь», что неправильно. < 1537ПДарг.689 *gandābvə ‘клоп’.

Примеры на аффрикаты и сибиллянты:

осет. cäd / cädä ‘пара быков в упряжке’ (Абаев, I 293 — с отсылкой на этимологию с даргинским Вс. Миллера и Вс. Ф. Штакельберга) < 88ПДарг.2314 *cäʔəg- ‘один’, *cäʔ-däxij ‘пара’.

осет. χäris / χäres, χärgwes (< *χäres) ‘ива’, у В.И. Абаева (IV 180) интерпретируется как «серая лоза», что является несомненной

«народной этимологией», отраженной во второй дигор. форме. < 2047ПДарг.1262 *härçə'və ~ *härçə'və 'клен; омега'.

осет. çäxaxst / (< *çäx-aχst) 'неистовый, отчаянный крик', где aχst значит 'крик, мычание, бляение и т. п.' (Абаев, I 335 — как ономатопоэтика). < 725ПДарг.1839 *çaxə- 'стыдный, позорный; дурной'.

осет. miça / mäça ~ miça (< *miça) 'топаз'. Выведение В.И. Абаевым (II 134) из груз. mçvane 'зеленый' хуже по фонетике. < 1155ПДарг.521 *-miçölj(və) : *dähǎ-miçölj(və) 'зеркало', где первая часть значит 'тень'.

осет. činzi / kenze (< *kenze) 'трава (приправа), кишнец' > груз. kinzi (Абаев, I 597 постулирует заимствование из грузинского) < 247ПДарг.957 *keṁçə- ~ -çə- 'связка чеснока'.

осет. zik:u / zik:o (< *zig;o) 'коса (волосяная); локон; сухожилие' < 569ПДарг.1577 *çiḱom 'моток ниток, клубок'. Сравнения В.И. Абаева (I 404) с тюркским, западнокавказским и финно-угорским материалом не проходят по фонетике.

осет. karz 'крепкий (напиток); резкий, напряженный' (Абаев, I 572, 573 — с внешними нефонетичными сравнениями) < 2436ПДарг. *kaṛça- 'сильное, страстное желание, тоска по'.

осет. χazonäg / (< *χazonäy) 'палка с суком, с рассохой' (Абаев, IV — «производное от χäz 'крюк'») < 1583ПДарг.2454 *həzöjvə ~ -gvə 'столб'.

осет. / zilagä 'поколение, порода' > груз. žilagi 'порода' (Абаев, I 397 — сравнение с груз.) < 3129ПДарг. *žilanə 'сверстник, ровесник'.

осет. livzä ~ libzä / livzä ~ libzä 'соус', балк. ilibže 'кушанье вроде соуса', которое следует отделять от омонима 'мясное рагу', заимствованного из каб. (Абаев, II 59). < 166ПДарг.426 *lāmz'ür ~ *lāmz'üj(nə) 'земля, размокшая от дождя; грязь; раствор (строительный)'.

осет. χärz / вторично χ^wärz 'совсем, совершенно, вполне, очень' по контаминации с χorz / χ^wärz (< *χorz) 'хорошо', что считает прямой нефонетичной этимологией В.И. Абаев (IV 184). < 1513ПДарг.1585 *härza- 'широкий, просторный'.

осет. / *qazma* ~ *qazma* ‘веревка или ремень, которым привязывается поклажа к ослу’ > груз. *qazma* ~ *qazmva* ‘седлать’ (Абаев, I 620 сравнение с груз.) < 1610ПДарг.1699 **qazəp* ‘женская головная повязка (спускающаяся до пят)’.

осет. *zirzir* / *zirzir* (**zirzir*) ‘дрожь’. В.И. Абаев (IV 325) неправильно соотносит с ПДарг. **sərsərgə-* ‘дрожать’ (804). < 806ПДарг. 1971 **zəg-zəgə-* ‘дрожать, трястись’. Фонетически соответствует, но дальше по развитию семантики ПЛак. **zirzirdü* ‘онемение ноги’ (1541), ср. ПЦД ***zəzɨr-* ‘вздрагивать; дрожать (от холода); трястись, дрожать’ (962). Фонетически не соответствуют приводимые В.И. Абаевым ПЛак. **zurzuw* ‘дрожь’ (822), ПЛезг. **zirzə-* ‘дрожать, трясти’ (1971).

осет. *cälq* ‘удар’ (Абаев, I 300 — «звукотдражательное»), ср. *ciŋq* ~ *ciŋq* / *ceŋq* (< **ceŋq*) ‘меч (в нартовском эпосе)’ (Абаев, I 313) < 1068ПДарг. **caŋqə-* ‘тесать, строгать; брить’.

осет. *zedɨr* ~ *zezɨr*, dim. *zedɨræg* / dim. *zeduŋrə* (< **zɨdɨrə*) ‘ежевика’ (Абаев, I 396) < 2486ПДарг.2828 **čəduŋr* ~ -d-, -ä- ‘ежевика’. Вариант *zezɨr* со второй аффрикатой отражает другую ПДарг. основу **zižaj* ~ **zižaj* ‘ежевика; земляника’ (433). По В.И. Абаеву — «кавказско-финское лексическое сходжение» с привлечением коми *setōr*, удм. *suter* ‘смородина’. Явно из осетинского языка заимствовано в балкарский (верхн.) *züdür* ‘черная смородина’.

осет. *kuz* (*kʷitä*) / *kuj* (*kujtä*) ‘собака’ (**kujzə* ~ -jɨ-) (Абаев, I 605), венг. *kutya* ‘собака’ из осетинской формы pl. В дигорском может быть вторичное восстановление из формы pl. < 348ПДарг.1133 **kušij* ‘сука’. Ср. ПАТ **kužima* ‘волк’ как возможный источник для этого осетинского слова.

осет. *gocə* (< **göcə*) ‘теленки’ (нет у В.И. Абаева) < 335ПДарг.1112 **gačəp* ~ -ä- ‘теленки’.

осет. *zɨq*: (, -itä) / *zuc*: (< **zuc*:) ‘яма, углубление, впадина’ < 262ПДарг.976 **čigolmə* ~ -nə, **zɨgolvə* ‘яма; ухаб, рывина’. У В.И. Абаева (I 406) вместе с *duq* ‘ямка’ (?) сближается с коми *žucu* ‘ямка, лунка’ и рус. (??) *дук*, *дучка* ‘ямка, лунка’. Но осет. **zuc*: напрямую отражает даргинскую фонетику.

осет. mǎcǎl ‘влажный, мокрый; влага’ (Абаев, II 80 — без этимологии) < 2065ПДарг.1079 *mǎcǎn ~ *mǎncǎ- ‘выделения из глаз’.

осет. cǎbǎz ‘челнок в ткацком станке’ (Абаев, I 331) < 2416ПДарг. *cǎbǎlmǎ ~ -n, ~ -ʔ-, -γ-, -zʔ- ‘щепка; хворост, мелкие обломки дерева в лесу’.

осет. χǎrɜ / χǎlɜǎ (< *χǎrɜǎ ~ -lɜ-) ‘помутнение, муть, туманность’ (Абаев, IV 179 — без иранской этимологии) < 667ПДарг.1777 *χǎrɜ- ‘синий’.

осет. zigi-zigi / (< *zigi- ~ *-u-) обращение к козам (козлятам) < 923ПДарг.760 *cǎqun ‘коза (до 2–3 лет)’.

осет. / anɜǎr ‘равнина’ (Абаев, I 159 — с неубедительными этимологиями) < 33ПДарг.427 *ʔnɜǎjǎ(r)vǎ ‘земля, почва’.

осет. zǎbug / zǎbokǎ (< *zǎbokǎ ~ -g-) ‘молот, молоток’, (Абаев, I 391 — «происхождение неясно») < 1447ПДарг.2735 *zǎvqunǎ ‘деревянный молоток’. Старое производное от глагола ‘ударять, бить’, с заднеязычным согласным внутри представлена только ПДарг. основа. Сюда же относится **осет.** zǎk:or ‘кувалда’ (< *zǎbgǎr).

осет. zibǎ ‘цыпленок’ с пометой «детское» < 2249ПДарг.2054 *zivʔǎn ‘цыпленок’.

осет. zin (zind) / zurun (zurd) (< *zur-) ‘кружиться, вертеться’ (Абаев, IV 324), zir / zurǎ (< *zurǎ) ‘окатыш, галька’ (IV 324) < 95ПДарг.379 *zuru-go- ‘круглый’.

осет. izgǎ / izgǎ (< *izgǎ) ‘ржавчина’ (Абаев, IV 280) < 1420ПДарг.1880 *hešyu-r ~ -žy- ‘гноиться (о ране)’.

осет. soro / (< *sorǎ) ‘моча’ из значения *«лужа» (Абаев, III 138 — с неправильной тюркской параллелью чув. šǎr- ‘мочиться’, при šǎk ‘моча’) < 616ПДарг.1678 *šǎrǎm(vǎ) ~ *šǎrǎv(jǎ) ‘озеро; лужа’.

осет. qus / qos (< *qos) ‘миска, чашка’ < 546ПДарг.1517 *qǎšǎm ‘черпак; сковорода’. Из **осет.** заимствовано в груз. qoši ‘чаша деревянная из тыквы’ при сван. qǎš ‘ложка’. В.И. Абаев (I 642) интерпретирует как «бродячее слово».

осет. / wǎras (< *ʔoras) ‘брага’ > абх. -woraš, сван. warǎš ~ worǎš ‘хмельной напиток’ (Абаев, IV 89) < 956ПДарг.1702 *ʔarušǎm ~ ħ- ‘хмельной напиток, буза, брага’.

Примеры с заднеязычными и ларингальными:

осет. kuvin (k^wiv-d) / kovun (kuv-d) (< *kov-/ *kuv-) ‘молиться’ (Абаев, I 604) < 653ПДарг.1736 *kuvəŋ ~ -əŋ ‘слово; речь’. Сравнения с иранским материалом со значениями ‘взрывать’, ‘сильное желание, страсть’, ‘возбуждение; гнев’ и середи́нным -р- неприемлемо.

осет. kaj (< *kaj) ‘чет; четный; пара’ < 120ПДарг.2315 *kəj- (-və ~ -əŋ) ‘два’. У В.И. Абаева (I 618): «может быть, есть связь с хай ‘доля’ с перебоем k || χ...».

осет. načä / ‘маленький’ (нет у В.И. Абаева) < 104ПДарг.2707 *ničä^hvə, *ničä^hlün ‘маленький; ребенок’.

осет. dongämt:ä / dongontä (< *dön-gämd:-tä) ‘углы губ’ < 150ПДарг.669 *kəm^htür ~ *kəm^htür(və) ‘губа’. В.И. Абаев (I 369) этимологизирует как don ‘вода’ + kom ‘рот’ и показатель мн. ч. Это — классическая «народная этимология». В действительности, в данном случае — сложение основ, значащих ‘рот’ и ‘губы’, 885ПДарг.940 *dēm^hür ‘рот’.

осет. säg ‘сажа’ (Абаев, III 57 — без этимологии) < 2399ПДарг.1039 *šäm^hkəŋ ‘слизь; плесень’.

осет. mārčäg / (< *mārčäy) ‘сорное растение, куколь’ (Абаев, II 100 — без этимологии) < 2944ПДарг. *mürqö^hkün ~ *mərqö^hkün ‘паслен’.

осет. gäs:i / gänzu (< *gämzu) детск. ‘зуб’ (Абаев, I 510 — «инфантилизованное») < 244ПДарг.2443 *gamžū(j)və, y^h- ‘клык; коренной зуб’.

осет. lək:a (< *lčg:a-) ‘праздное хождение, шатание’ (Абаев, II 41 — без этимологии) < 2735ПДарг.1832 *lağə- ‘посетить, нагряться, появиться где-либо’.

осет. / geğä ‘неприятнь, вражда’ (Абаев, I 517 — «из тюрк.») < 2580ПДарг.575 *yçyçə- ‘стать непривлекательным’.

осет. gäbaz / gäbazä (< *gäbazä) ‘лоскут, обрывок, клочок’ (Абаев, I 510) < 2828ПДарг. *yavžinə (~ g-, -ž-) ‘подвязка на брюках (подпошвенная)’.

осет. хѣгѣ / (< *хѣгги) ‘завал, нагромождение из бревен или других крупных предметов’ > груз. хѣгги ‘нагромождение из бревен, камней, льда после половодья; куча поваленных деревьев в лесу’ (Абаев, IV 195) < 2767ПДарг.1312 *хѣгган ~ -о-, хѣ-, -ѣ- ‘пень’.

осет. зѣб / ‘дождь (в отличие от снега и града)’ (Абаев, IV 292), ‘мелкий град, град со снегом’ (ОРС) < 622ПДарг.2011 *зѣѣѣ ~ *зѣѣѣѣ ~ -г ‘небо’. Сравнение с тюрк. *зѣѣ- ‘дождить’, *зѣѣтгг ‘дождь’ (кыпч. *зѣѣ-, *зѣѣтгг) маловероятно, тем более странно, чтобы глагольный корень заимствовался как имя. Этой ПДарг. основе соответствует ПЛак. *зиѣѣ- ‘дождь; дождить’ (846), ПЦД *зѣѣггѣгг ‘град’ (974), так что не исключено, что в свое время и в ПДарг. присутствовало значение осадков с неба. Фонетический источник в данном случае — ПДарг. основа.

осет. хѣггѣ / хѣггѣ (< *хѣггѣ) ‘кислая сыворотка’, а точнее: «сыворотка, остающаяся после створаживания молока, в результате окисления превращается в хѣггѣ; употребляется женщинами для мытья волос» (Абаев, IV 268 — нефонетичная иран. этимология). < 1184ПДарг.2716 *хѣггѣнѣ ‘пена (мыльная)’.

осет. зѣс / (< *зѣсѣ) ‘подливка, соус (раствор соли с кислым молоком, чесноком, красным перцем и пр., в который макают хлеб, мясо)’ < 1843ПДарг. *зѣс-хѣггѣнѣнѣ ‘соус’. Буквально ‘соль’ + ‘вода’, в северных дарг. языках *х переходит в ѣ. Вопреки В.И. Абаеву (I 398) начальный з- не позволяет возводить это слово к иран. *зѣсѣнѣ- ‘удовольствие, лакомство’, хотя здесь может быть и контаминация исконной и заимствованной основы. Ср. также значение осет. параллели, где фигурирует соль и острые приправы.

осет. / сѣггѣ ‘точильный камень’ > балк. ѣггѣ ‘точильный камень’ (Абаев, III 89 — сравнение с балк.) < 2402ПДарг. *зѣсѣнѣнѣ, *зѣсѣнѣнѣнѣ ‘звук рубанка; рубанок; шелестеть’.

осет. хѣггѣ / хѣггѣ (< *хѣггѣ) ‘пашня, поле’ < 595ПДарг.628 *хѣггѣнѣ ‘поле (участок для земледелия)’. В.И. Абаев (IV 261) нефонетично, а из общих культуроведческих предубеждений,

что «земледельческие термины осетин почти сплошь идут из европейских языков», сравнивает с лат. *humus* ‘почва’ (это иран. **zam-*!). Здесь четкое отражение ПДарг. фонетики и семантики.

осет. *kajis* / *kajes* (< **kajes*) ‘тесть и члены его рода’ (Абаев, I 568 — «эвфемизм ‘кто-есть’, ‘некто’») < 2452ПДарг. **qǎvçsǔj*(пə) ‘родственник по свойству (поколения родителей)’.

осет. *qälärzi* / *qälärzi* (< **gälärzi* < **gälzäri*) ‘смородина’ (Абаев, II 288 — с интерпретацией как тюркизм) < 874ПДарг.2175 **qalz*’а- ‘смородина; крыжовник’, ср. также ПНах. **qezere* ‘смородина (красная и черная)’ (902), где отражен -г- конца основы.

осет. *mäqi* / (< **maqe*) ‘подставка из березовых прутьев под копами сена’ < 417ПДарг.897 **maqur* ~ -əп ‘береза’.

осет. *χämχud-tä* / *χänχod-tä* pl. t. (< **χämχod-*) ‘морда, мурло, рожа’ > балк. *gemχot*, балк. (верхн.) *χamχot*, карач. *χamχot*, *gemχot*, *gimχot* (Абаев, IV 172) < 1477ПДарг.76 **qämqöj*(v)ə ‘челюсть, щека’. Основа заимствована в форме регулярного pl. на сонант, ср. акуш. *qäjqäjtı* ~ *qäjqujtı*, хайт. *qänqäjtı*.

осет. *käm* / *kämä* (< **kämä*) ‘волосинка, соринка’ < 157ПДарг.707 **qāmōg* ~ **qāmōg* ‘чуб, прическа; коса (женская); грива; бровь’. См. не так у В.И. Абаева (I 626) со смешением с омонимом ‘порок’. Сюда же относится **осет.** *kämisän* / ‘висок’ (I 626) из сложения: «снимают (*isän*) волосинки».

осет. / *q^wäl* (< **gol*) ‘ломоть’ (Абаев, II 287 — смешение со словом ‘столбик, чурка’, не имеющим огубленности) < 582ПДарг. **qōlam* ‘ком, комок’. В акуш. ‘ком, комок, уплотненный округлый кусок чего-н. мягкого, рыхлого’.

осет. / *mäķur* ‘затылок, тыл’ < 217ПДарг.902 **miqəg* ~ -əв ‘спина’. У В.И. Абаева (II 85) нефонетичное сравнение с иран. *māk* ‘шеей’ и тюркскими словами со значением ‘тупой’), *māk^wistäg* / *mākustäg* (< *mākustäy*) ‘плечевая кость, верхняя часть руки, передней ноги’, вторая часть сложения — *ästäg* ‘кость’ > балк. *muguštuk* ‘плечевая кость’, сван. *maķwšdäg* ‘бедро’ (Абаев, II 86), правильная интерпретация у Вс. Миллера, как сложение с предыдущим словом, вопреки В.И. Абаеву.

осет. *zıqlävđ* (< **zigläv-*) ‘внезапная, резкая остановка’. В.И. Абаев (I 406) связывает это с осет. *zıq* / *zuq*: ‘углубление; впадина’, что сомнительно. < 1651ПДарг.2506 **çimq̄o-* ‘хромать (о животных); подпрыгивать; прихрамывание’.

осет. *çıŋɣın / k̄ıŋɣun* (< **k̄ıŋɣ-*) ‘выпивать (алкоголь)’, у В.И. Абаева (I 654) образовано от звукоподражания < 1797ПДарг.2690 **(q̄)äräq̄ij* ‘чача, водка’.

осет. *q̄ımq̄ım / qumqum* (< **gumgum*) ‘говорить в нос’ (Абаев, IV 263) < 86ПДарг.76 **ḡam̄ḡür* ~ **ḡam̄ḡü*’вə ‘нос’.

осет. *duq* / (< **dog*) ‘ямка у стены, куда загоняют орехи’ (Абаев, I 376) < 2875ПДарг. **δugəp* (~ d-) ‘яма, колодец’.

осет. *χos / χ^wasä* (< **χō’sä*) ‘порошок, порох’ (у Абаева 4 220 — с интерпретацией как корневое сложение «хорошая трава», что вряд ли) < 3ПДарг.614 **χōsän* ‘зола, пепел; пыль’. Ср. также **осет.** *χas* / ‘морось, водяная пыль’ (Абаев, IV 143 — без этимологии).

осет. *äχ* ‘хороший, добро, благо’ (Абаев, I 217 — с нефонетичной иранской этимологией) < 48ПДарг.140 **äχōn* ~ *-χ* ‘хороший; понравиться’.

осет. *χınziläg* / (< **χingiläy*) ‘насмешка, издевка, забава’ (Абаев, IV 265 — с неубедительной тюркской этимологией) < 2844ПДарг. **hınq̄ə-* ~ *ʔ-*, l- ‘моргнуть, подмигнуть’.

осет. *sχon* ~ *äχson* / (< **sχōn-*) ‘кремень’ (Абаев, IV 239 — с нигде незафиксированной иранской корневой этимологией от «тереть») < 989ПДарг. **šähöljüj* ‘кремень’.

осет. *χäris / χäres, χärwes* (< **χäres*) ‘ива’ < < 2047ПДарг.1262 **härçə*’və ~ **härçə*’və ‘клен; омела’.

осет. *çänud / çänodä* (< **çänodä*) ‘тростник, осока’ (Абаев, I 332 с груз. параллелью *çnogi* ‘белая ива’, *çneli* ‘прут’). < 2033ПДарг. **çənhö-* ~ -e-, -m̄h- ‘ширица (раст.)’.

осет. *wazavard* (< **’ōz-avard-*) ‘остолбенелый, онемелый (от ужаса, изумления)’, *wazıg / äwazug* (< **’ōzıy*) ‘обморочный’ (Абаев, IV 35 — корневая этимология «от которого ушла способность речи» для первой основы, чему противоречит вторая основа). < 2559ПДарг. **ʔä(j)çə-* ‘смущенный, пристыженный’.

осет. zibä ‘цыпленок’ с пометой «детское» < 2249ПДарг.2054 *živʔän ‘цыпленок’.

Такого же типа адаптации заимствований наблюдаются и для других групп северно-кавказских языков. Т. е. принципы освоения абруптивов, увулярных и согласных аффрикатных рядов в целом аналогичны.

Кавказизмы представлены во всех сферах лексики осетинского языка. Любопытно рассмотреть семантическое поле лексики, включающее растения и пищу (исключая мясную и молочную). Была сделана сплошная выборка осетинской лексики по литературному (иронскому) материалу, из указанных в списке литературы источников, и произведена ее этимологизация, исходя из данных других языков Кавказа. Для удобства анализа это большое поле разбито на подгруппы.

Сначала стоит отметить осетинские слова (включая сложения), корневые части которых имеют иранскую этимологию. Сюда относятся:

Кустарники и их части (bush)

осет. mugä ‘мушмула’, wabñi ‘шиповник’, вторые составные части в словах sän-äfsir ‘виноград’, kärtmi-sinzäg ‘облепиха’, säbi-sif ‘жимолость’; части кустарников — sinz ‘колючка, шип’, wis ‘прут, розга, лоза’.

Злаки, их части и еда из них (cereals)

осет. jew ‘просо’, äfsir ‘колос’, sig ‘ость’, xog ‘хлеб (зерно)’, zad ‘солод’, первая часть в sau-fagä ‘гречиха’ («черный»), вторая часть в qäbäg-xog ‘ячмень’; fädžin ‘пирог (мясной)’, s:ad ‘мука’, wäli-bäx ‘пирог’ («печеный сверху»), вторая часть в çar-gond ‘лепешка’.

Культурная сельскохозяйственная лексика (farm)

осет. tilläg ‘урожай’, fäz ‘поле, луг’, первая часть в ab^wist mus ‘гумно’, обе части в xogär-zad ‘урожай’.

Пища (food)

осет. fiw ‘жир’, bas ‘суп’, lämārān ‘сок’, обе части в tānāg bas ‘бульон’, первая часть в qāg-χ^wīp ‘суп’.

Травы, их части (grass)

осет. qāz ‘камыш, тростник’, обе части в ärtä-sifon ‘клевер’ — единственные из диких трав, älvās ‘овсяник’, дигор. bodān ‘чеснок’, qādīnz ‘лук’, wīnīzī ‘морковь’, χarbiz ‘арбуз’ (новый персизм), первая часть в māj-bulq ‘редиска’ («за месяц (поспевающая)»), первые адъективные части в sau-nāmīg ‘черника’, sīzīt-qās ‘земляника’, дигор. tawāg-taf:ä ‘щавель’, продукт из трав — lämārān-tā ‘жмых’; части трав — abud ‘стручок’, sār ‘кочан’, первая часть в wīdag-dīrb ‘корнеплод’, обе части в qādīnzi bīn ‘луковица’, вторая часть в zalmi-sif ‘лопух’ («лист»); травянистые пространства — ärduz ‘поляна’, fāz ‘луг, поле’, wīgārdān ‘луг’, первая часть в tībd-bīdīr ‘степь’.

Части растений (plant)

осет. zajāgoj ‘растение’ — общий термин, äχsīnān-tā ‘семечка’, tuḡä ‘шишка (мушмулы)’, sif ‘лист’ (с инд. параллелью), tawīnag ‘семя, семена’, wīdag ‘корень’, обе части в bīn-zāng ‘корневище’, вторая часть в didin-sif ‘лепесток’.

Деревья и их части (tree)

осет. bārz ‘береза’, (?) tārs ‘бук, чинара’, первые части в darβzog gādī ‘тополь’, fat-qād ‘граб’, wis-qād ‘клен (полевой)»; части деревьев — äχsnif ‘щепка’, song ‘ветвь; рука’, list ‘щепка’, первая часть в bārz-çaḡ ‘береста’, bīn-zāfχad ‘пень’, первая часть в bīn-gard ‘пень’.

Глаголы сельскохозяйственной деятельности и приготовления пищи (verb)

осет. äχsīdīn ‘лущить’, kārdīn ‘жать, косить’, naj kānīn ‘молотить’, räbād kānīn ‘зреть’, s:īn ‘молоть’, tawīn ‘сеять’, zajīn

‘расти’, кухонные — äχsidin ‘кипеть, варить’, fīcin ‘варить, печь, кипеть’, дигор. irajun ‘кипеть’, suzin ‘печь’, обе части в suräj fīcin ‘жарить’.

Группы упорядочены по английскому краткому названию и в дальнейшем будут даваться в таком же порядке при рассмотрении осетинских заимствований из конкретных языковых подгрупп. Основы, допускающие двоякую интерпретацию источника заимствования, фигурируют в обоих разделах с соответствующими отсылками.

Даргинские заимствования

Кустарники и их части (bush)

осет. kutär / qotar (< *qotär) ‘куст’ — 2664ПДарг.2857 *qōtoj(və) ‘куст’ или ПНах. *qotoro ‘куст; веточки, щепки ; пень; колода, чурбан’ (469).

осет. mänärbī / ‘малина’ — 432ПДарг.1283 *maṁəg ‘малина’.

осет. qälärzi / qälärzi (< *gälärzi < *gälzäri) ‘смородина’ (Абаев, II 288 — с интерпретацией как тюркизм) < 874ПДарг.2175 *qałz`a- ‘смородина; крыжовник’ или ПНах. *qəzεε ‘смородина (красная и черная)’ (902).

Заимствовано название куста и кустарников со съедобными ягодами.

Злаки, их части и еда из них (cereals)

осет. qäbär ‘краюха, ломоть хлеба; каравай’ (Абаев, I 621, III 331 — как «идефон», «трехсогласного типа») < 66ПДарг.499 *qāb`ōruj ‘лист’, а также ‘лепешка’.

осет. qälwa / qäläwa (*qäläwa) ‘толокно, тестообразное кушанье, приготовленное из муки, смолотой из прожаренных зерен (обычно овса)’ < 2926ПДарг.469 *qalamə- ~ -o- ‘жвачка (животных)’. По В.И. Абаеву (I 625) из араб.-перс. ḥalwa ‘халва’, что нефонетично.

осет. čis:ä / kinsä (< *kimsä) ‘детское изготовление из теста / тесто’ (Абаев, I 654 — без этимологии), в иронском

заместительное усиление спиранта после утери носового в сочетании. < 1729ПДарг. *k̥i̯š̥ç̥m̥- ‘мучная пыль’.

осет. lawiz / lauz (< *lawuz) ‘плоская тонкая лепешка’, (Абаев, П 15 — сравнение с «лавашом»). < 1706ПДарг.1468 *l̥öz’üm̥- ~ -õ- ‘тесто’.

осет. / q^wäl (< *gol) ‘ломоть’ (Абаев, П 287 — смешение со словом ‘столбик, чурка’, не имеющим огубленности). < 582ПДарг. *q̥ol̥am ‘ком, комок, уплотненный округлый кусок чего-нибудь мягкого, рыхлого’.

осет. x̥änkäl / x̥in̥qal (< *x̥in̥käl) ‘лапша’ (Абаев, IV 174) < 1190ПДарг.391 *x̥im̥kij ‘хинкал’ или Плезг. *x̥in̥k(äl) ‘галушка,пельмень’ (961), ПАвар. *x̥:in̥koʔ ‘пельмени, хинкал’ (889). Ирон. форма может отражать ПЦД *x̥õm̥ka^w- (119).

осет. zul / zol (< *zol) ‘хлеб (печеный), булка’ < 2407ПДарг. *ç̥ül̥əj (~ *ç̥öl̥i̯j) ‘зерно, зерновой хлеб’. Сравнение В.И. Абаева (I 400) с груз. doli ‘чистая пшеница’ сомнительно по фонетике и семантике. Интересна акушинская форма со ссылкой на Г.Ю. Клапрота zulha ‘хлеб’, которая позволяет предполагать ПДарг. *z^ʔ- в этой основе.

Займствованы только названия пищи из злаков.

Культурная сельскохозяйственная лексика (farm)

осет. k^winoj / kurojnä (< kuroñä) ‘мельница’ (Абаев, I 611 — сравнение с одиночным ‘(мельничным) лотком’) > балк. kuran-dan топ. «Мельничный ручей». < 2619ПДарг. *q̥ögə- ~ *q̥ogə- ‘кипеть, бурлить; крутить (о мельнице с крупным помолом)’ или ПАнд. **q̥:uḡ- ‘молоть; мука; крошиться, мельчить’ (2010).

осет. x̥im̥ / x̥imä (< *x̥imä) ‘пашня, поле’ < 595ПДарг.628 *q̥im̥ti ‘поле (участок для земледелия)’. В.И. Абаев (IV 261) нефонетично, а из общих, не очень верных культуроведческих соображений, что «земледельческие термины осетин почти сплошь идут из европейских языков», сравнивает с лат. humus ‘почва’ (это иран. *zam-!). Здесь четкое отражение ПДарг. фонетики и семантики.

Пища (food)

осет. gam / gamä (< *gamä) ‘слой жира у животных’ (Абаев, I 507 — сравнение с табас. қаму ‘масло’) < 1138ПДарг. *gomälo (~ γ-) ‘откормленная скотина’.

осет. soj / sojnä (< *sojnä ~ *söniä) ‘жир топленный, жидкий; сало топленное’ а также ‘сок’ < 3116ПДарг. *šäwəp ~ š- ‘влажность, сырость’. В.И. Абаев сравнивает с др.-инд. sphāyate ‘жиреть’ (III 1301, 131).

осет. / wāras (< *oras) ‘брага’ > абх. -woraš, сван. waräš ~ woräš ‘хмельной напиток’ (Абаев, IV 89). < 956ПДарг.1702 *ʔarušəm ~ ħ- ‘хмельной напиток, буза, брага’.

осет. qär-χ^wip ‘суп’, при χ^wip: / (< *χub:): ‘глоток жидкого’ > балк. хирра, хиррај ‘сыворожка’ (Абаев, IV 266 — «звукотипное») < 2257ПДарг.1994 *χub’əp (-p-) ‘хлебнуть’ или ПНах. *χubo- ‘хлепать; суп’ (1929).

В эту группу вошли названия жиров, а также сока и браги.

Травы, их части (grass)

осет. çänud / çänodä (< *çänodä) ‘тростник, осока’ (Абаев, I 332 — с груз. параллелью çopi ‘белая ива’, çneli ‘прут’). < 2033ПДарг. *çənhö- ~ -e-, -mĭ- ‘ширица (раст.)’ («широко распространенный род преимущественно однолетних травянистых растений с мелкими цветками, собранными в густые колосовидно-метельчатые соцветия») или ПНах. *çonvo, *çonlon ‘род кустарника с крепкой древесиной; вид кустарника; свидина (кизил кровяной); палочка свидины; белая ива’ (454).

осет. iči (< *eçe) ‘репейник’ (нет у В.И. Абаева) < 2509ПДарг.1336 *ʔäqə- ‘дурман (трава)’.

осет. kărdäg ‘трава’, по В.И. Абаеву (I 582), лексикализованное причастие от kărdin ‘резать, кроить; косить’. Дериват (dim.) от формы дарг. мн. ч. на сонантную основу типа хайд. qarti. Отсутствие глоттализации может быть результатом контактирования с этим глаголом и влияния «народной этимологии», поддержанной В.И. Абаевым. < 437ПДарг.1293 *qarug ~ *qarə(m)

‘трава’. С другой стороны ср. ПАнд. **qördə*- ‘трава’ (764), но здесь также проблема с глотталилизацией и огубленностью первого гласного.

осет. *qʷimbil / kumbul* (< **kumbul*) ‘свекла’ (Абаев, I 650 — оноματοпозитика) (?) < 461ПДарг.1341 **qäʔem* ‘редиска; репа; свекла’.

осет. *malusäg* / ‘подснежник’ (Абаев, II 69) < 1894ПДарг. **mälämšäv* ~ -vš- ‘коричневый; фиалка’. Ср. в других группах: ПНах. **melev-ne-* ‘чернила; цветная краска для войлока’ (1087), ПЛак. **vanuvšau* ‘фиалка; фиолетовый’ (2434), ПАвар. **məṇəṛšaṇ-* ‘фиалка’ (2508). Вторая часть сложения отмечена в ПАнд. **šerü-* ‘фиалка; полевой осот’ (2184).

осет. *sisili* ~ *sissili* / *suseli* ~ *suselä* (< **sus(:)eli*) ‘плевел опьяняющий’ (Абаев, III 211) < 441ПДарг.1298 **susulə-* ‘рожь’.

осет. *χʷirχäg* / (< **χurχäy*) ‘щавель’. В.И. Абаев (IV 268) возводит к ‘сыворотке’. < 3043ПДарг. **χuruχəṇ* ~ *χ* ‘перекати-поле’.

осет. *zedin* ~ *zezin*, *dim. zediräg / dim. zedurä* (< **zëdurä*) ‘ежевика’ (Абаев, I 396) < 2486ПДарг.2828 **čäduṛ* ~ -d-, -ä- ‘ежевика’. Вариант *zezin* со второй аффрикатой отражает другую ПДарг. основу **zižaj* ~ **zizäj* ‘ежевика; земляника’ (433). По В.И. Абаеву — «кавказско-финское лексическое схождение» с привлечением коми *setör*, удм. *suter* ‘смородина’. Явно из осетинского языка заимствовано балк. (верхн.) *züdür* ‘черная смородина’.

осет. *zäng* / *zängä* (< **zängä*) ‘голень’ и ‘стебель’. В.И. Абаев (IV 297) объясняет отсутствием ожидаемой спирантизации **-g-* и перехода в вулярный ряд положением после сонанта *-n-*, что не проходит по другим случаям, также осет. *zängoj* / *zängojnä* (< **zängönia*) ‘ноговица’ (IV 297). Первая основа по фонетике представляет < 2688ПДарг. **zanqəṇ* ‘пинок (коленом, ногой)’. А вторая является результатом контаминации с 3124ПДарг. **zagʷəṇ* (-k-) ‘плеть растения’.

осет. *čata* ‘отруби’ с неожиданной глухостью вместо ожидаемого **čad:a* (*čat:a*) (Абаев, I 330), может быть резтимологизацией как с показателем мн. числа. < 1848ПДарг.1661 **čaduṛj*(*nə*) ‘клок; перьево́й’, ср. также в лит. акуш. ‘растение, название травы’.

осет. färak / färwakä (< *färwakä) ‘отруби’ (Абаев, I 450 — с этимологией от др.-инд. palāva ‘мякина, шелуха’) < 2351ПДарг.744 *paḡa-paḡa- ‘раздробить, разнести, разорвать на части’.

осет. χos / χ^wasä (< *χō’sä) ‘сено’ (у В.И. Абаева, IV 220 — с интерпретацией как корневое сложение «хорошая трава», что вряд ли), сюда же дигор. / χans ‘густые заросли травы’ (IV 140), что предполагает вариант *χōms. осетинская основа контаминирует с ‘порохом, лекарством’. < 2877ПДарг.628 *qišəj ‘поля’. Трактуются как нетривиальный показатель рл. для *qim (595), но, точнее, является дериватом от этого корня. Ср. ПАнд. *qimšä- ~ -ḡš- ‘поле, пашня; урожай’, ПАвар. *χunš:līṇvə ~ *h- ‘солома’ (3064). Для осет. дигор. формы может быть ПАвар. источник.

Из одомашненных растений отмечается только ‘свекла’. Полевые травы и их части, заимствованные из ПДарг., указывают, что эта сфера лексики была в культуре предков осетин скорее неактуальной или местная дикая флора была полностью чужой.

Части растений (plant)

осет. агχ ‘сук, затвердение в древесине’ (Абаев, I 73 — «происхождение неясно») < 1660ПДарг. *hāḡχu-r (= *hāḡχu-r) ‘спутываться, запутываться, путаться; распуститься (о цветке, пружине)’.

осет. cipal / coralä (< *coralä) ‘гроздь, кисть’ (Абаев, I 316 — как звукоизобразительное) < 2485ПДарг. *čuvkəḡ ~ -j ‘бахрома (платка); кистевой; сплетенный (о волосах, шерсти)’, в акуш. čubk ‘кисть, гроздь’.

осет. dirb / (< *dirbə) ‘плод, фрукт’, gaga-dirb ‘ягода’ с первой частью gaga ‘зерно, ягода’. По В.И. Абаеву (I 383), «происхождение неясно», «может быть, есть связь с лезг. dur ‘сушеный фрукт’» < 820ПДарг.2730 *dərgüv (~ *dərgür, -j) ‘мушмула; шишка’.

осет. qado ‘ветка’ (в примере только контекст «перепелка выпорхнула из ветвей») (Абаев, I 616) < 1891ПДарг.1275 *käḡa-

‘зелень’ или ПНах. *қado- ‘веточки, шепки’ (2997). В.И. Абаев предполагает грузинский источник заимствования, груз. қadoni ‘брус’, қado ‘столб, к которому привязывают скотину’. Это изолированная внутри картвельских языков основа, и, судя по отражению согласных, она является продолжением осетинской формы типа *қadom, закономерно давшей в дигор. қado и совпавшей с ‘веткой’, но происходящей из 984ПДарг. *қaтə- ‘палка’ (которая имеет кавказские параллели ПАрч. *қaртiу ~ -а- ‘скалка’ (876), ПАнд. *қaмтā-гā- ‘палка; посох’ (1627), ПАвар. *ғaнғerojvə ‘коник (мельничный)’ (2070)).

осет. қaliw / қalew (< *қalew) ‘ветка; сук’ (Абаев, I 617) < 845ПДарг.2115 *қālim(və) ~ *қālūjvə ‘ветка’.

осет. қwibir / қibur (< *қibur) ‘почка (на деревьях); бугор, холмик; выпуклый’ (Абаев, I 646) < 1185ПДарг. *қobəг ~ -n, -v- ‘шишка’.

осет. / қombox ‘почка (растительная)’ (Абаев, I 636 — «изобразительное») < 445ПДарг.1306 *қim’əj ‘косточка (фруктовая)’.

осет. miг:ag / miг:ag (< miгiay) ‘семя, семена; порода, род’, регулярный dim. от miг / miгä (< *miгä) ‘сперма’ (Абаев, II 137 — нефонетичное привлечение лат. mucus ‘слизь’) < 312ПДарг.564 *mājyō(n) ‘пот’.

осет. χix / χсхä (< *χсхä) ‘хвоя; побег, почка’ (Абаев, IV 205, 206 — с неубедительной славянской параллелью *хвоjь-ка) < 1493ПДарг. *хçхögāj ‘ость; усики на колосьях’.

Деревья и их части (tree)

осет. bal / bali (< *bali) ‘черешня’ > балк. balli, карач. bali, при кумык. bʕali, перс. bālū, груз. bali (Абаев, I 233). < 1799ПДарг.2331 *vā’lij ~ *vāʕlij ‘черешня’ или ПНах. *bal’o ‘вишня; черешня; кустарник с мелкими ягодами’ (258), только из этих групп заимствованы названия деревьев, в том числе и культурных.

осет. durvātqwi ‘боярышник’ (Абаев, I 377 — с народной этимологией «каменное яблоко») < 2034ПДарг. *dürvü’ō’nə ~ -ō’və ‘крыжовник’. Во второй части слова действительно осет. ‘яблоко’.

осет. färṽ / färwä (< *färvä < *färfä) ‘ольха’ (Абаев, I 456 — с этимологией от слова ‘пруд, болото’, что трудно осмыслить) < 206ПДарг.2474 *p’ärp’ärägün ‘осина’.

осет. kārdo / kært:u (< *kård:ō) ‘груша’ > венг. körte, körtövé ‘груша’ (Абаев, I 584 — «усвоено из какого-то тюркского языка»). < 425ПДарг.1269 *qāṛ’üv ‘груша; груша ~ яблоко (видовое название)’. Освоение формы регулярного ПДарг. pl. основ на сонант, ср. хайд. qärti.

осет. qoḥ (< *qōḥ) ‘роша’ (Абаев, I 637 — с попыткой этимологии от тюрк. (?) qoṣa ‘тростник’) < 1480ПДарг. *qūḥəm ~ *qōḥüm ‘куст’.

осет. tulz / tolzä (< *tolzä) ‘дуб’ > венг. tölgy ‘дуб’ (Абаев, III 315 — с сомнительными финно-угор. и инд.-евр. параллелями). < 119ПДарг.651 *dǎldom ~ -rd- ‘дерево’.

осет. ḥāris / ḥāres, ḥārwes (< *ḥāres) ‘ива’, у В.И. Абаева (IV 180) интерпретируется как «серая лоза», что является несомненной «народной этимологией», отраженной во второй дигор. форме. < 2047ПДарг.1262 *ḥārcə’və ~ *ḥārcə’və ‘клен; омела’.

осет. вторая часть в ирон. bīn-gard ‘пень’, где первая значит ‘основа, корень’ < 935ПДарг.2816 *gādur ~ -əp ‘пень; ствол’. Здесь пока неясна причина веляризации увулярного в осетинском языке.

Отмечаются названия характерных деревьев средней полосы — ‘ольха’, ‘дуб’, ‘ива’, а также деревья с плодами или садовые деревья — ‘боярышник’, ‘черешня’, ‘груша’.

Глаголы сельскохозяйственной деятельности и приготовления пищи (verb)

осет. cāt:ä känin ‘зреть’ при cāt:ä (< *cädä) ‘готовый (о калыме, к бою, о хозяине, о башне) (Абаев, I 305 — «этимология темна») < 966ПДарг. *čadīn (~ *čädi- ?) ‘выигрывать, победить’.

осет. ḥ^wīm känin ‘пахать’ при ḥ^wīm ‘поле, пашня’, см. выше в разделе Культурная сельско-хозяйственная лексика.

В данной подборке отмечены только композитные глаголы с первой именной частью, связанные с сельским хозяйством.

Нахские заимствования

Кустарники и их части (bush)

осет. *kärtmi-sinzäg* / ‘облепиха’, где вторая часть значит ‘колючка’, т. е. «прыщаво-колючки» < 239ПНах.837 **qartam* ‘прыщ, сыпь на теле; ожог крапивой, отек при ужаливании; комочки в тесте’ при бацб. *qartnaq* ‘молочай’.

осет. *qutär / qotar* (< **qotär*) ‘куст’ < 469ПНах. **qotoro* ‘куст; веточки, щепки; пень; колода, чурбан’ или ПДарг. **q’otoj*(və) ‘куст’ (2664).

осет. *qälärzi / qälärzi* (< **gälärzi* < **gälzäri*) ‘смородина’ (Абаев, II 288 — с интерпретацией как тюркизм) < 902ПНах.2175 **qezεε* ‘смородина (красная и черная)’ или ПДарг. **qalz’ä* ‘смородина; крыжовник’ (874).

Злаки, их части и еда из них (cereals)

осет. *sisči* (лит. *sišži*) / *siski* (< **siski*) ‘овес’ (Абаев, III 210) < 2725ПНах. **siskala* ‘чурек; кукурузная мука’.

осет. *sil* / ‘рожь’ (< **sulə* ~ **silə*) (Абаев, III 194) < 2074ПНах.2347 **sul*Нон ‘овес; рожь’.

осет. / *äxsin* ‘пирог с сыром’ > балк., карач. *χışin* ‘пирог с сыром’ (Абаев, I 217) < 994ПНах.2675 **neχčejne* ~ -v- ‘сыр, брынза’, но ср. ПЗК **äχče-dası* ‘квасцы’.

осет. *säxäražin* ‘пирог с зеленью’, см. ниже *säxära* ‘свекла’.

осет. *çar-gond* ‘лепешка’ со второй иран. частью, а первой — *çar / çarä* ‘кора, кожица, шкурка, скорлупка; оболочка, обертка’ (Абаев, I 330), см. ниже в частях растений.

осет. *käržin / käržin* ‘хлеб (не из пшеницы)’ > груз. рачин. *karžina* ‘хлеб, испеченный в золе’, балк. *käržän* ‘хлеб не-пшеничный’ (Абаев, I 584 — корневая этимология с делением основы) < 1776ПНах. **käržomo* ‘ломоть хлеба; кусок мяса’.

Кроме названий специфической хлебной еды заимствованы названия двух злаков, причем ‘овес’ актуален именно для коневодов.

Культурная сельскохозяйственная лексика (farm)

осет. bīdīr / budur (< *budur) ‘плоскость; поле, равнина; степь’, tībd-bīdīr ‘степь’ с первой иран. частью. У В.И. Абаева (I 276) из кирг. budur (??) < 726ПНах.796 *vədo-n ‘плоский’.

осет. sāḫāra-don ‘огород’ со второй иранской частью ‘вместитель’, см. ниже sāḫāra ‘свекла’.

осет. cāmäl-tä ‘жмых; отходы при молотье’ (Абаев, I 331 — с предположением метатезы и далее с нефонетичным сравнением) развитие значения *«очистки». < 1865ПНах.2416 *çam(Н)с- ‘чиститься; чистить, очищать’.

осет. qämp / bāmpä (< *bāmpä) ‘солома’ (Абаев, II 290 — «происхождение неясно») < 662ПНах.2608 *bāmat ‘скирда; копна’, акк. ‘воз сена, соломы, пшеницы в копнах’, чеч. также ‘крестец (сена, соломы) в снопах’.

Пища (food)

осет. kʷimäl / kumäl (*kūmäl) ‘вид кваса или браги (из кукурузной муки)’ (Абаев, I 649 — «утверждать, что осетинское слово заимствовано из ингушского нельзя» и дальнейшее нефонетичное сравнение с «хмелем») < 551ПНах.533 *qomō- ‘острый, пряный, горький’, в дериватах — ‘острая подливка из кислого молока с чесноком или луком’, имя качества *qomō-lo ‘острота; брага’.

осет. mähximä ‘брага’ < 2724ПНах. *məxso(j)mə ‘квас (просяной, кукурузный)’ при ПЗК *barqə-səmo ‘буза’ со второй частью ‘вино’ (1864).

осет. säkär ‘сахар’ (Абаев, III 61) < 1816ПНах.2691 *šckere ‘сахар’ или ПЛезг. *šäk(?)ägi ‘сахар’ (1825).

осет. qär-χʷip ‘суп’, при χʷip: / (< *χub:): ‘глоток жидкого’ > балк. χирра, χиррај ‘сыворотка’ (Абаев, IV 266 — «звукотподражательное») < 1929ПНах.1994 *χubo- ‘хлебать; суп’ или ПДарг. *χub’əп (-p-) ‘хлебнуть’ (2257).

Названия алкогольных или сладких деликатесов.

Травы, их части (grass)

осет. biṭina ~ biṭna / beṭina (< *beṭina) ‘мята’ (Абаев, I 263) < 1751ПНах. *p’etej- ‘мак; мята’ > груз. piṭna ‘мята’.

осет. bulḡ (, bulḡñtä) / bolḡä (< *bolḡä ~ -lḡ-) ‘редька, репа’, с иран. частью mäj-bulḡ ‘редиска’ («за месяц»), неясной частью ḡ^widir-bulḡ ‘репа’. По В.И. Абаеву (I 270) из груз. boloḡi < 1428ПНах. *balʔä-ga ~ *baläʔ-ga ‘репа, топинамбур; редька, редис; репница’, есть ПАК *bawḡlögḡ ‘редька, редис’ (896).

осет. säḡära / zäḡära (< *z’äḡära) ‘свекла’ (Абаев, I 309 с неверной нахской параллелью žaḡar ‘вареная черемша’) < 1358ПНах. *č’äḡra- ‘свекла’.

осет. čänud / čänodä (< *čänodä) ‘тростник, осока’ (Абаев, I 332 — с груз. параллелью čnoḡi ‘белая ива’, čneli ‘прут’). < 454ПНах.1246 *čonvo, *čonlon ‘род кустарника с крепкой древесиной; вид кустарника; свидина (кизил кровяной); палочка свидины; белая ива’ или лучше ПДарг. *čēñḡö- ~ -e-, -mḡ- ‘ширица (раст.)’ («широко распространенный род преимущественно однолетних травянистых растений с мелкими цветками, собранными в густые колосовидно-метельчатые соцветия») (2033).

осет. nas / našä ‘тыква’ > карач., балк. naša (Абаев, II 161) < 838ПНах.2044 *narse(j) ‘растение семейства тыквенных: огурец, дыня’ или ПЗК *na’ša ‘огурец; дыня’ (655).

осет. pišira / pursa (< *pursa) ‘крапива’ (Абаев, II 247, 248 — со сравнениями с ‘горохом’ и коми реcöḡ ‘крапива’) > балк. mursa < 812ПНах.2007 *burson ~ -m ‘вид кустарника’.

осет. sänk / sänk ~ zänk ‘борщевик’ (Абаев, III 70 — с неубедительной индийской этимологией) < 1355ПНах. *šovḡoldoj ‘вид сорной травы; девясил; борщевик’. Вариант со звонким началом в дигор. может отражать ПАК *zantḡə ‘пырей, овес’ (1145).

осет. šḡälzo(j) (< *əšḡäl-(bu)zöj) ‘полынь’ (Абаев, III 122 — с далекими по значению этимологиями) < 229ПНах.820 *sagHala (-eJ) ‘блоха’, при чеч., инг., акк. sagal-buc, чеч. sāgal-buc, итум. segal-buc ‘полынь’ («блошиная трава»).

осет. *taw / tawä* ‘отава’ (Абаев, III 237) < 1016ПНах. **tovno* ‘колос; отава’, второе значение в сложении со словом ‘трава’.

осет. *χал / χälä* (< **χälä*) ‘травинка, былинка; нить, нитка’, также ‘жребий’ (Абаев, IV 135), *qämpi-χал* ‘былинка’ (с первой частью ‘солома’, см. выше) < 506ПНах.1337 **χале(η)* ‘стебель травы; отрезок нитки’.

осет. *χätäl* ‘стебель; труба, трубка’ (Абаев, IV 192), *χitaläg / ‘стебель’* (Абаев, IV 204 — «вряд ли можно сомневаться, что *χitaläg* и *tiχaläg* варианты одного слова»). < 2107ПНах. **χovtele* (~ -tv-) ‘плеть (растения); ботва’.

осет. /*χ^wärgä-nasä* ‘огурец’ (вторая часть ‘тыква’ см. выше). < 94ПНах.251 **huηHe-r* ‘семя; зародыш; косточка (фруктовая)’, в чеч. *hu-βar* (-an, -š) j/j с magn. аффиксом негативного значения ‘перезрелый огурец’ (акк. *χιχαг*, чеб. *hūχαг*), т. е. «семечки», ср. итум. оборот *hu-doqqa pars* не с суффиксом, а с прилагательным во второй части *hu-doqqa* «большие семечки».

осет. *zβällag* ‘овсюг’, у В.И. Абаева (IV 308, I 536) народная этимология с глаголом «сыпаться». < 1706ПНах. **subHojno* ‘сорняк; овсюг’.

осет. *zala* ‘осока’ (Абаев, I 389 с неубедительной груз. параллелью). Ср. осет. *zalmi-sif* ‘лопух’ (где вторая часть *sif* ‘лист’). < 473ПНах.1550 **žʹalHo-mo* ~ **žʹalHeme* ‘мелкий кустарник, валежник; колючий куст, держи-дерево’ или ПАвар. **žəla-* ‘крапива жгучая’ (772), ПАнд. **žälä-lä-* ‘куст; ветка (лиственного дерева); прут’ (952).

осет. *zäβzäβag* ‘мак’ (нет у В.И. Абаева) < 2419ПНах. **žäβnaqa* ‘крыжовник (дикий), кислица’ или ПАвар. **žäβə-* ‘черемуха’ (2165). Скорее это аваризм через перенос названия по цветам.

Заметно, что данная категория лексики весьма обширна, она включает в себя дикie травы ‘тростник’, ‘осоку’, ‘крапиву’, ‘борщевик’ (актуальный при скотоводстве), ‘полынь’ (степное растение), а также огородные растения ‘редьку’ (‘редиску’, ‘репу’), ‘свеклу’, ‘тыкву’, ‘огурец’. Актуальны ‘отава’, подразумевающая сенокос для зимних запасов скоту, и ‘овсюг’ — сорняк в овсе, служащем кормом лошадям.

Части растений (plant)

осет. *саг* / *сагä* ‘кора, кожица, кожура, шкурка, скорлупка; оболочка, обертка’ (Абаев, I 330) < 353ПНах.1049 *č̣(ç)orvon ‘кожура, оболочка; скорлупа; кожа’.

осет. *čiw* / *čewä* ~ *ķewä* (< **ķewä*) ‘смола; жевательная смола; затвердевшая грязь, слизь’ (Абаев, I 635) < 1573ПНах.2193 **ķuvno* ‘смола, сургуч; жевательная ароматная смола’.

осет. *ķwīra* / (< **ķura*) ‘почка растения’ (Абаев, I 651 — сравнение с перс. диал. *kuräk*) < 948ПНах. **qīve* ‘росток, почка (растения)’.

осет. *qäd* / *čädä* (< **čädä*) ‘дерево (материал); ствол, стебель, древко; бревно; лес’ (Абаев, II 281) и *burä-čäd* ‘крушина (дикая вишня)’, *qäd-ärmäg* ‘древесина’ (со второй иран. частью), *qäddag* ‘дикий (о растениях); дикая яблоня’ < 149ПНах.2110 **čadmo*, **čadHomo* ‘туловище, торс; стебель, ствол; стебель кукурузы’.

осет. *tala* ‘молодое деревце, побег, лоза; саженец’, *talm* / ‘ильм’ (Абаев, III 224, 226 с разными этимологиями) < 188ПНах.651 **tal’o* ‘тополь; чижик, городки, кулик (игра); валик; виноградная лоза; вяз; верба’.

Деревья и их части (tree)

осет. *bal* / *bali* (< **bali*) ‘черешня’ > балк. *bal’li*, карач. *bali*, при кумык. *b’ali*, перс. *bālū*, груз. *bali* (Абаев, I 233). < 258ПНах.2331 **bal’o* ‘вишня; черешня; кустарник с мелкими ягодами’ или ПДарг. **vä’lij* ~ **väč’lij* ‘черешня’ (1799), только из этих групп заимствованы названия деревьев, в том числе и культурных.

осет. *čuj* / ‘рябина’ (Абаев, I 336 — с нефонетичным груз. сопоставлением) < 13ПНах.420 **čiče*, **čičep* ‘кровь; красный, румяный; краснеть’ как первая часть эпитета «рябина красная».

осет. *fätķwī* / *fätķu* (< **fätķu*) ‘яблоко; яблоня’ (Абаев, I 465 — «происхождение неизвестно») < 1669ПНах.2093 **řandaj* ‘кислица, дикое яблоко’, похоже, что в осетинском языке представлен вариант с *dim*. — ПНах. *-g, бацб. -ķ.

осет. g^wirko ~ girko (лит. girko) / gurko (< *gurko) ‘шишка; желудь’. По В.И. Абаеву (I 532) заимствование из груз. rko < 384ПНах.1108 *korņoj, *korhej ‘детеныш; птенец; желудь’, бацб. dim. kurqij ‘желудь’.

осет. / qado ‘ветка’ (в примере только «перепелка выпорхнула из ветвей») (Абаев, I 616) < 2997ПНах.1275 *qado- ‘веточки, щепки’ или ПДарг. *qäqä- ‘зелень’ (1891). Абаев предполагает груз. источник заимствования груз. qadoni ‘брус’, qado ‘столб, к которому привязывают скотину’. Это другой корень, см. разбор выше в аналогичной группе даргинских заимствований (см. раздел «Даргинские заимствования»).

осет. tägär ‘клен’ > балк. tikir, tigr, сван. teker, tekra (Абаев, III 252) < 1301ПНах.1567 *tqovron ‘сук; ветка; пуля (*стрела); лесной строительный материал’.

осет. tärs / tärsä ‘бук, чинара’ (Абаев, II 272 — с этимологией от ‘твердый’) < 2067ПНах. *tursoj ‘род невысокого дерева с крепкой древесиной; таволга зверобоелистная’.

В этой группе частично представлены плодовые деревья, которые могут быть и дикими.

Глаголы сельскохозяйственной деятельности и приготовления пищи (verb)

осет. pälq-pälq känin / ‘кипеть’ (не засвидетельствован у В.И. Абаева) < 2717ПНах.877 *bulqo-, *buqnoġo ‘отстой, осадок; пузырьки в жидкости’.

Группа состоит из одного композитного глагола с именной частью.

Аварские заимствования

Кустарники и их части (bush)

Не отмечено.

Злаки, их части и еда из них (cereals)

осет. qädur / qädorä (< *gädorä) ‘фасоль, бобы’ > балк. quđoru, сван. beder ‘горох, бобы’ (Абаев, II 285) < 2287ПАвар. *qəhdalijʔə ‘кукуруза’ (как крупный злак) и ПАнд. *q:ĩndĩ- ‘с несъёмным ядром, вросший (орех); зажим’ (1405), при груз. qnduri ‘крупные бобы’ и ПАТ *qudə ‘фасоль’.

осет. xänkäl / xinkal (< *xĩnkäl) ‘лапша’ (Абаев, IV 174) < 889ПАвар.391 *x:inḳoʔ ‘пельмени, хинкал’ или ПДарг.391 *ximḳij ‘хинкал’ (1190), ПЛезг. *xink(äl) ‘галушка, пельмень’ (961). Ирон. форма может отражать ПЦД *xõmḳaʷ- (119) с отмечаемой делабиализацией промежуточной формы "xʷämḳal в собственно осетинском языке.

Представлены две основы, которые имеют альтернативные источники. Можно сказать, что аваризмов в названиях злаков нет.

Культурная сельскохозяйственная лексика (farm)

Не отмечено.

Пища (food)

Не отмечено.

Травы, их части (grass)

осет. ama-xos ‘сорняк’ со второй частью ‘трава, сено’ (см. ниже) и вторая часть в осет. mal-amaг ‘сельдерей’ (нет у В.И. Абаева) < 176ПАвар.724 *qõmĩʔgu- ‘лопух, растение, корень которого используется как румяна’.

осет. davon / davonä (< *davõnä) ‘черемша’ (Абаев, I — «происхождение неясно») < 2827ПАвар. *təboj- ‘колючий кустарник (вид)’.

осет. mal-amaг ‘сельдерей’, mal-gärdäg ‘ряска’ (со второй частью ‘трава’) (нет у В.И. Абаева) < 2523ПАвар. *ma'la'ə- ‘огуречная трава; окопник’.

осет. *tawäg-ṭaf:ä* ‘щавель’ с первой частью «кислый», см. ниже *ṭaf:ä* ‘лист’.

осет. *χos* / *χ^wasä* (< *χ^o’sä) ‘сено’ (у В.И. Абаева, IV 220 — с интерпретацией как корневое сложение «хорошая трава», что вряд ли возможно), сюда же можно отнести дигор. / *χans* ‘густые заросли травы’ (IV 140), что предполагает вариант *χ^oms. осетинская основа контаминирует с ‘порохом, лекарством’. < 3064 ПАвар. *χ^uns:liṅvə ~ *h- ‘солома’. Ср. ПАнд. *čimšä- ~ -ṅš- ‘поле, пашня; урожай’, ПДарг. *qušəj ‘поля’ (2877). Для осет. дигор. формы по отражению носового может быть авар. источник.

осет. *zɪzɪrag* ‘мак’ (нет у В.И. Абаева) < 2203 ПАвар. *zəzəgikə- ‘горная трава (вид)’. Если это «яснотка», то тогда является производным от 2204 ПАвар.²¹²³ **zīgə-, **zīg-zīgə- ‘полностью прояснившийся; стать ярким, красочным’.

осет. *zala* ‘осока’ (Абаев, I 389 с далекой по значению груз. параллелью *čala* ‘прибрежный лес, или остров с кустарником, садами, пашнями’). Ср. осет. *zalmi-sif* ‘лопух’ (где вторая часть *sif* ‘лист’). < 772 ПАвар.¹⁵⁵⁰ *žāla- ‘крапива жгучая’ или ПАнд. *žālā-lä- ‘куст; ветка (лиственного дерева); прут’ (952), ПНах. *ž^ʕalNo-mo ~ *ž^ʕalNeme ‘мелкий кустарник, валежник; колючий куст, держидерево’ (473).

осет. *zäbžäbag* ‘мак’ (нет у В.И. Абаева) < 2165 ПАвар. *žäbə- ‘черемуха’ или 2419 ПНах. *žäbnaqa ‘крыжовник (дикий), кислица’ (2419).

осет. *zilaḳ^{wi}* / *ziliḳu* (< *ziläḳu) ‘мелкий лук, лук-сеянец; кервель’ > груз. *člaḳvi* ‘лук-сеянец’, рачин. *m-člaḳvi* ‘кушанье из лука’ (Абаев, I 404 — сравнение с груз.) < 165 ПАвар. *čilḳo? ‘ветка; молодая поросль’ с частым *dim*. суффиксом.

Фактически единственная относительно многочисленная группа заимствований. Надо заметить, что здесь фигурируют ‘сорняк’, ‘осока’, ‘ряска’ и специи, также встречающиеся в дикорастущем виде — ‘лук (горный)’, ‘черемша’, ‘мак’ (два названия), ‘сельдерей’, ‘щавель’.

Части растений (plant)

осет. gaga ‘зерно, ягода’, дет. ‘сласти’, gag-dıŋb ‘ягода’ со второй дарг. частью (Абаев, I с большей частью нефонетичными сравнениями) < 728ПАвар.1307 *gəgəŋjəʔ ‘косточка (фруктовая)’ или 728ПАнд.1307 *gāgā- ‘косточка (плода); зерно (собир.)’.

осет. / taf:ä (< *tamfä ~ *tamχo) ‘лист’ (нет у В.И. Абаева), tawäg-taf:ä ‘щавель’ с первой частью «кислый» < 1574ПАвар.790 *tamχoʔ ‘лист’.

В этой группе представлены единичные характерные названия, включая слово следующее ниже в группе Деревья и их части.

Деревья и их части (tree)

осет. χäfän-tä ‘стружки’ (нет у В.И. Абаева) с типичным развитием из *χwäfän- (< *χofän-) < 3016ПАвар. *χoreʔ ‘прут, хворостина’.

Глаголы сельскохозяйственной деятельности и приготовления пищи (verb)

Не отмечено.

Андийские заимствования

Кустарники и их части (bush)

Не отмечено, как и для авар.

Злаки, их части и еда из них (cereals)

осет. čiri / kere (< *kere) ‘лепешка, пирог с сыром’, груз. kveri ‘колобок, лепешка’ (Абаев, I 633 — сравнение с груз.) < 914ПАнд.1499 *kägi- ~ *kägi- ‘ком, шарик (теста); хинкал, клецка’.

осет. gaga ‘зерно, ягода’, дет. ‘сласти’, gag-dıŋb ‘ягода’ со второй дарг. частью (Абаев, I с большей частью нефонетичными сравнениями) < 728ПАнд.1307 *gāgā- ‘косточка (плода); зерно (собир.)’ или ПАвар. *gəgəŋjəʔ ‘косточка (фруктовая)’ (728). Но значение ‘зерно’ только в ПАнд.

осет. kas / 'каша' (нет у В.И. Абаева) < 1357ПАнд. *k'āš:ɪr 'каша; путаница, беспорядочное; бульон, суп' или ПЛезг. *k'āšigə 'каша' (2809) (при ПАвар. *karšoʔ 'каша; похлебка' (862), ПДарг. *kōšur ~ -əp 'каша' (2691).

осет. χäbizžin / 'пирог со свежим сыром' — отыменное субстантивированное прилагательное > груз. χabizgina ~ χabizgina 'пирог' с сыром при пехл. χāmīz 'маринад; бульон, оставленный на студень' и более раннее грузинское. заимствование χaviçi 'каша из муки и масла, служащая начинкой для пирога' (Абаев, IV 149). < 112ПАнд.2868 **hämčä- (~ -ç-) 'кусать'. Освоение через значение *«кушанье».

В этой группе отмечены только названия еды из злаков.

Культурная сельскохозяйственная лексика (farm)

осет. k^wɲoj / kurojnä (< kuroniä) 'мельница' (Абаев, I 611 — сравнение с одиночным '(мельничным) лотком') > балк. kuran-dap топ. «Мельничный ручей». < 2010ПАнд. **q:ŭr- 'молоть; мука; крошиться, мельчить' или ПДарг. *qöğə- ~ *qogə- 'кипеть, бурлить; крутить (о мельнице с крупным помолом)' (2619).

Единственное слово из данной сферы лексики, так что, судя по всему, это скорее даргинское, а не андийское заимствование.

Пища (food)

осет. ad / adä (< *adä) 'вкус', adžinäg (< *ad-gin-aŷ) dim. 'сладости' субстантивированное отыменное прилагательное (Абаев, I 28 — с неясной этимологией) < 1401ПАнд.32 **od- 'есть, кушать, съесть'.

осет. säχ: / säñhä (< *sämxä) 'соль' (Абаев, I 310 — с упущенными андийскими параллелями), säχžin-tä pl. (< *säχ-gin-) 'соленья' субстантивированное отыменное прилагательное < 1485ПАнд.310 *ç:imqän-, *ç:imqän- 'соленый, пересоленный', дериват от 76ПАнд.356 'соль'.

осет. fizonäg / fezonäg 'шашлык' > венг. föz-ni 'печь' (Абаев, I 477, 478 — без иранских параллелей) < 248**ficzī-n-611

‘жарить, печь; жечь, обжигать, палить’, обычно с b-классом. Венгерское заимствование указывает, что эта основа первоначально — глагольная, хотя в осетинском сохранилось только причастие.

Немногочисленные, но значимые заимствования.

Травы, их части (grass)

осет. gän / gänä (< *gänä) ‘конопля, лен’ (Абаев, I 512, 513) < 1708ПАнд.2552 *ga(w)ṇa- ‘конопля’.

осет. kărdăg, -gărdăg ‘трава’, по В.И. Абаеву (I 582), лексикализованное причастие от kărdĭn ‘резать, кроить; косить’. < 764ПАнд.1275 *kōrdə- ‘трава’. Отсутствие глоттализации может быть результатом контаминации с глаголом kărdĭn ‘резать, кроить; косить’ и влияния «народной этимологии», поддержанной В.И. Абаевым. Но может быть и дериватом (dim.) от формы ПДарг. pl. на сонантную основу типа хайд. qartı при ПДарг. *q̇arur ~ *q̇arə(m) ‘трава’ (437). Но здесь также видна проблема с глоттализацией первого согласного.

осет. kās : sĭzĭt-kās / ‘земляника’ = «земляная + ...» (нет у В.И. Абаева) < 744ПАнд.1287 *kĭš:ū- ~ *kĭš:ā- ‘шиповник (ягоды)’.

осет. pīsĭga / ‘крапива’ (Абаев, II 247, 248), если отделять от дигор. pursa (см. выше в нах. заимствованиях) < 2210ПАнд.373 *misü(r)- ‘просо; веник’.

осет. zala ‘осока’ (Абаев, I 389 — с неубедительной груз. параллелью). Ср. осет. zalmi-sif ‘лопух’ (где вторая часть sif ‘лист’). < 952ПАнд.1550 *zālā-lā- ‘куст; ветка (лиственного дерева); прут’ или ПАвар. *žəla- ‘крапива жгучая’ (772), ПНах. *žʕalНо-мо ~ *žʕalНеме ‘мелкий кустарник, валежник; колючий куст, держидерево’ (473).

осет. zăkul / zăkol ‘мешочек, котомка’, dim. zăkulăg ‘стручок’ (Абаев, I 393) < 945ПАнд.1540 *s:ękū-lā- ‘кожаный мешок; бурдюк’. Неожиданное вторичное озвончение начального согласного в осетинском.

За исключением ‘земляники’ здесь представлены только несъедобные травянистые растения.

Части растений (plant)

Не отмечено.

Деревья и их части (tree)

Не отмечено.

Глаголы сельскохозяйственной деятельности и приготовления пищи (verb)

Не отмечено.

Лезгинские заимствования

осет. bal / bali (< *bali) ‘черешня’ > балк. bałli, карач. bali, при кумык. bʔali, перс. bālū, груз. bali (Абаев, I 233). < 1077ПЛЕзг.2331 *bāʔlij ~ *v- ‘вишня, черешня’. Предпочтительней предполагать заимствование из ПДарг. *vāʔlij ~ *vāʔlij ‘черешня’ (1799) или ПНах. *balʔo ‘вишня; черешня; кустарник с мелкими ягодами’ (258), только из этих групп заимствованы названия деревьев, в том числе и культурных. Однако возможен и ПЛЕзг. источник.

осет. bālas / bālasä (< *bālasä) ‘дерево (растущее)’ > балк. balas ‘волокуша для сена; салазки из молодых деревьев для транспортировки сена с гор’ (Абаев, I 247 — с нефонетичной индийской этимологией palāṣa- ‘листва’ с плавным срединным сонантом и глухим началом) < 3001ПЛЕзг. *hōlōsü ‘граб’, основа отмечена только в юго-западных языках, и она восходит к форме *wālāṣü. Точно такое же развитие первого согласного отмечено в заимствовании из того же источника: **осет.** bāx ‘лошадь, конь’ > груз. имер. baχi ‘невзрачная, негодная лошадь’ (Абаев, I 255) < юго-зап. *wājχna ‘кляча’, дериват от 1209ПЛЕзг.1812 *hāχō-г ~ -п ‘худой’.

осет. cīm / cumä (< *cumä) ‘кизил’ > карач., балк. čim (Абаев, I 321) < 808ПЛЕзг.1281 *čimölü ~ *č- ‘кизил’. Внутри севернокавказских языков только в лезгинских отмечается вариант с глухим начальным согласным.

осет. didinäg / dedenäg (< *deden-äy) dim. ‘цветок’, didin-sif ‘лепесток’ («лист цветка») (Абаев, I 362) < 831ПЛЕзг.1313 *tete- ‘цветок’. Слово происходит из юго-западной подгруппы. В осетинском закономерно звонкий согласный в середине основы, а первый переходит в d- по регулярной ассимиляции перед следующим звонким смычным согласным. Приводимое В.И. Абаевым каб. dedī ‘цветок’ (ПЗК) отсутствует в современном словаре и других западно-кавказских языках и, по всей видимости, является диалектным заимствованием из осетинского языка.

осет. kas / ‘каша’ (нет у В.И. Абаева) < 2809ПЛЕзг. *käširə ‘каша’ (представлено в юго-западном рутульском языке) или ПАнд. *käš:ir ‘каша; путаница, беспорядочное; бульон, суп’ (1357) (при ПАвар. *karšo? ‘каша; похлебка’ (862), ПДарг. *košur ~ -ən ‘каша’ (2691).

осет. säbi-sif ‘жимолость’ = «козы листья» со второй иран. частью от säb / säbä ‘коза’ (Абаев, III 58 — с пермскими и шумерскими этимологиями) < 979ПЛЕзг.2425 *šeg(j)c ~ *šegil ‘овца (2-х лет)’ (только в собственно лезгинском и шагдагских языках), 529ПХин.2425 *šäy’iw ‘овца-ярка; овца молодая (1-3 лет)’.

осет. säkär ‘сахар’ (Абаев, III 61) < 1825ПЛЕзг.2691 *šäk(?)äri ‘сахар’ или ПНах. *šekere ‘сахар’ (1816). В остальных северо-кавказских языках начальная аффриката č-.

осет. tirti / turtu ‘барбарис’ > балк., карач. türtü ‘барбарис’ (Абаев, III 342) < 2366ПЛЕзг. *turton ‘тутовник, шелковица’, в рутул. также ‘леденец, урбеч’. Основа представлена в собственно лезгинском и юго-зап. (рутул., цах.) языках лезгинской группы.

осет. χänqäl / χinqal (< *χinqäl) ‘лапша’ (Абаев, IV 174) < 961ПЛЕзг.393 *χinq(äl) ‘галушка, пельмень’ (961) или ПДарг. *χimqij ‘хинкал’, ПАвар. *χ:inqo? ‘пельмени, хинкал’ (889). Иронская форма может отражать ПЦез.-Дид. *χomqaw- (119) с отмечаемой делабиализацией промежуточной формы "χwämqal в осетинском. В лезгинских языках с формантом -äl основа представлена в юго-зап. и шагдагских языках, откуда и попала в груз.

Заимствования из Плезг. не слишком многочисленны, но они охватывают фактически только одну семантическую группу плодовых деревьев и кустарников, название цветка и граб (характерный плотной древесиной, используемый для изготовления музыкальных инструментов, листов покрытия), воспринятый как нейтральное «дерево». Присутствующие названия для «еды» могут быть заимствованы из других источников. Но, даже если они лезгинского происхождения, то обращает на себя внимание факт адаптации слов, характерных для юго-западного и шагдагского (южного) ареала распространения лезгинских языков.

Заимствования из цезско-дидойских языков²

осет. / сабапа ‘облепиха’ (нет у В.И. Абаева) < 921ПЦез.1881 *šəbju- ‘одеревенелый (о стебле)’, 921ПДид.1881 *šəbo’-у ‘ключий кустарник’, **šəba’- ‘засыхать, вянуть, морщиться’.
осет. g^wil / ‘пирожок’ (Абаев, I 529 — с этимологизацией от перс. kulča ‘лепешка’) < 1686ПДид. *gulǎ- ‘кусать’ с развитием значения *«кушанье».

осет. sän / sänä (< sänä) ‘вино’, sän-äfsir ‘виноград’ (= «винный колос ~ гроздь») (Абаев, III 67 — с неубедительной инд.-евр. этимологией и сравнением с греч. hoĩnos ‘вино’) < 968ПЦез.1985 *ša’niw ~ *ž- ‘вино’ при 968ПДид. *žä’u^wə ‘вино’, ПЗК *so^wu ‘мед’ (639).

осет. zig^wim / zugum ‘мякина’ (< *zugumə) (Абаев, IV 318 — «неясно») < 945ПЦез.1932 **zəjki- ‘бить, колотить’, 945ПДид.1932 **zu^ki- ‘бить, колотить’.

² Дидойцы в раннесредневековых грузинских памятниках граничат с Джарой (современными Белоканским и Закатальским районами Азербайджана). Собственно цезы от этого места отделены двумя хребтами и тушинами. Только в позднейшем употреблении наименование дидои переносится на собственно цезов [Лугуев, Магомедов 1994: 11].

Ограниченное количество основ. Интересно, что в основном это дидойские (куда входят бежтинский, тлядальский, гунзибский) заимствования.

Заимствования из лакского языка

осет. *niŋi* / (< **noŋi*) ‘чеснок’ (Абаев, II 194 — сравнение с картвельским материалом) < 444ПЛАк.2376 **niŋnə* ‘сорное растение (со съедобным корнем, один из видов)’ или ПКарт. **ni’oŋə* ‘чеснок’: груз. *niŋi*, сван. *niŋga*, хотя картвельская основа сама имеет нетипичную фонетику.

осет. *q^wina* / *buna* (< **buna*) ‘мох; плесень’ (Абаев, II 327, 328 — сводит с ‘волосом, шерстью’, что натянуто) < 1430ПЛАк. **buna-*, **buniw-* ‘налет, слой; стать ветхим (об одежде)’.

осет. *sus-qäd* / *sos-qädä* ‘липа’ (< **sos-*), при параллельном заимствовании в арм. *sos* ‘платан’, где этимологический **s* должен переходить в (-)0-, (Абаев, III 175) < 980ПЛАк.1240 **šöŋsüwǰə* ‘ива, тальник’. Во второй части осет. *qäd* ‘дерево, ствол, стебель’, см. в нахских заимствованиях.

Этими словами исчерпывается список возможных лакских заимствований, что указывает на ограничение или отсутствие прямых контактов.

Западно-кавказские заимствования

Кустарники и их части (bush)

Не отмечено.

Злаки, их части и еда из них (cereals)

осет. / *fagä* ‘просо’, *sau-fagä* ‘гречиха’ («черная») (Абаев, I 416) < 445ПАК428 **xu* ‘просо’, **xu-gu* ‘пшено’, каб. *fugu*.

осет. / *zätχä* ‘овес’ (Абаев, IV 306) > балк. *zintχi* ‘овес’, сван. *zəntχ* ‘овес’, груз. *zanduri* ‘вид пленчатой пшеницы’ (отыменное прилагательное) < 1147ПАК **zant-χə* ‘пырей; овес’.

осет. *χältaṁä* ‘слоеная лепешка’ > чув. *χotlami* (Абаев IV 169, — «из тюркских») < 1679ПАК **ħa(:)lpa:mo* ~ **ħa(:)lpa:mo*

‘лепешка (вареная, из кукурузной муки)’, адыг. *hālārāto* при 1679ПАТ **hampal* < ПЗК **hal’mo* ~ **ham’lo*.

осет. *χalivvā* ‘ватрушка’ < 2151ПАК **ħa(:)lō* ‘хлеб (пшеничный, ячменный); чурек (кукурузный)’, от которого **ħa(:)lə-zō* ‘жаренные пирожки’ > каб. *ħaləvo*.

Здесь представлена только ПАК лексика, зачастую в кабардинской фонетике.

Культурная сельскохозяйственная лексика (farm)

осет. *mus / mos* (< **mos*) ‘площадка для молотбы; луг, открытое пространство’ (Абаев, II 133) < 1681ПЗК **mošj* ‘ток, гумно’, ПАК **ħa-mošj* ‘огороженный ток во дворе’ (букв. «ячменный ток»).

Группа представлена единственной основой.

Пища (food)

осет. *māχsīmā* ‘брага’ < 2724ПНах. **māχsə(j)mə* ‘квас (просяной, кукурузный)’ при 1864ПЗК **barqə-səmo* ‘буза’ (каб. *morχ-səmo*) со второй частью **samo* ‘вино’.

осет. / *wāras* (< **oras*) ‘брага’ > абх. -*woraš*, сван. *warāš* ~ *worāš* ‘хмельной напиток’ (Абаев, IV 89) < 956ПДарг.1702 **ʔarušəm* ~ *ħ-* ‘хмельной напиток, буза, брага’.

Только названия алкогольных напитков. Одна основа заимствована из кабардинской формы ПАК, другая, наоборот, является освоением даргинского заимствования в осетинской фонетике в ПАТ, по видимому, через сванский.

Травы, их части (grass)

осет. / *ärχā* ‘морковь’ > балк. *biχi* (Абаев, I 170) < 358ПАК127 **рχə* ‘морковь’.

осет. *siṽzi, siṽzi / siṽzä* (< **siṽzǎ*) ‘перец’ > балк. *čibiži* (Абаев, I 327) < 1724ПЗК **čibžije* ‘перец’, ПАК **šibžij* > карач. *šibiži*.

осет. *nas / našā* ‘тыква’ > карач., балк. *naša* (Абаев, II 161) < 655ПЗК2044 **na’šā* ‘огурец; дыня’ или ПНах. **nārsə(j)* ‘растение семейства тыквенных: огурец, дыня’ (838).

осет. qontxora / xontxura (< *gǝntxǝra) ‘укроп’ (Абаев, II 310) < каб. qon, qon-txǝrǝj (+ «пенка») ‘кинза, кориандр’. В дигорском происходит ассимиляция первого согласного по срединному -x-.

Части растений (plant)

Не отмечено

Деревья и их части (tree)

осет. bǝrǝze ‘бузина’ (Абаев, I 251) < 917ПАК *rǝrǝmǝzǝj ‘бузина; терн’, каб. barǝzej ‘бузина’.

Глаголы сельскохозяйственной деятельности и приготовления пищи (verb)

Не отмечено.

В немногочисленных заимствованиях из ПЗК присутствуют названия некоторых злаков, еда из них, названия трав, скорее, культурных и название тока (гумна). В своей массе это адыго-кабардинские заимствования, причем в явном кабардинском виде. Они попали в осетинский язык после XII в., времени распада адыгской общности.

Картвельские заимствования

Кустарники и их части (bush)

осет. ǝxsǝli / ǝxsǝli ~ ǝxsǝlä ‘можжевельник’ > балк., карач. šxeli, škeli ‘можжевельник’ (Абаев, IV 227) < ПГЗ *ašʔeɣ ‘колючий куст’: груз. aškili ‘шиповник’, сван. > груз. škeri ‘рододендрон’. Слово заимствовано из грузинского варианта.

осет. / pinǝb (Абаев, II 91) < сван. inba, inaba ‘малина’. Данная основа не связана с ирон. mänǝrbǝi ‘малина’.

Злаки, их части и еда из них (cereals)

осет. *ɕoj* южн. ‘рожь’ (Абаев, I 336) < 1618**ɕ̣ɔ̣Hə* ~ **ɕ̣ɔ̣gə* ‘рожь’, которое связано с ПАК *(p)ɕej (ПЗК **fiɕej*) ‘семья’, где форма с аффиксом -гə отражает собирательность.

осет. *mänäw / mänäwä* (< **mänäwä*) ‘пшеница’ (Абаев, II 92 — этимологизация как «мой злак» представляется в некотором роде поэтической), *siŋ-mänäw* ‘рожь’ с первой ПНах. частью. (см. выше). Вторая часть этого сложения попала в осетинский язык также через нахское посредство с выделением и отбрасыванием в -*maŋaw-š* форманта мн. ч. -š, а эта форма восходит к сван. **ma-n-ä:š* ‘рожь’, деривата от 1573ПКартв. **ä:siH* ‘семья, жито’, исторически связанного с ПСем. **ʔašnVʔ* ~ **ʔašnVn* ‘зерно, пшеница’.

осет. *läxurag* ‘крупа’ < груз. *laḫora, loḫora* ‘высевки’ (Чубинов) (Абаев, II 40 — правильное сравнение с грузинским, а далее членение основы на части и нефонетичная этимология). Изолированная внутри картвельских языков грузинская форма может быть источником осетинского слова, но, вероятно, и она заимствована из северно-кавказ. языков. Ср. 390ПАрч.527 **ləxdi šd* (< **ləxgi*) ‘отходы после очистки зерна’, ПЛак. **loḫaw-* ‘пыль, зола’ (2), ПАвар. **gaqnuv* ~ **-ḡev* ‘пепел’. Не исключено, что грузинское слово можно трактовать, наоборот, как осетинское заимствование.

Представлены только хлебные злаки.

Культурная сельскохозяйственная лексика (farm)

Не отмечено.

Пища (food)

осет. *ɕnili* ‘соленья’ (нет у В.И. Абаева) < груз. *m-ɕnili* ‘соленое, маринад’ < 1874ПНах.356 **ɕən(H)i-le* ‘соленое’.

осет. *maɕagi* ‘молодое вино’ (нет у В.И. Абаева) < груз. *maɕagi* ‘молодое вино’ < 128ПНах.300 ‘желтый, оранжевый; молодое вино’.

осет. zeti ‘масло’ (Абаев, IV 308 — с нефонетичной трактовкой прямого арабизма в груз.) < груз. zeti < арм. zēt (zitoj, zitov) ‘оливки, масленки; деревянное масло’ (X 94) с нетривиальным чередованием гласного при склонении.

Здесь представлены старые кавказские заимствования через грузинский язык.

Травы, их части (grass)

осет. nesi / misi (< *nēsij ~ *m-) ‘дыня’ (Абаев, II 178) < груз. nesvi ‘дыня’ < 859ПЛак.2044 *nis-wortujwə ~ *mis- ‘огурец’ = «бычья трава», как. суд. (ПДарг. 333) hinc-barti ‘огурец’ со второй частью *varti- ‘хворост; ствол; ползучий стебель’ (1640), ПАвар. *ос-χсгə? ‘огурец’ (647), анд. *ünsö-žimə- ‘огурец’ = «бычья зелень» (ПАнд. 1342).

осет. nuḡi / (< *noḡi) ‘чеснок’ (Абаев, II 193 — сравнение с картв. материалом) < ПКарт. *ni’ōḡə ‘чеснок’: груз. niḡi, сван. niwga, хотя картв. основа сама имеет нетипичную фонетику и может быть заимствованием из 845ПЛезг. *ni’ər ‘запах, вонь’. Ср. также 444ПЛак.2376 *niḡnə ‘сорное растение (со съедобным корнем, один из видов)’ для осетинского языка.

осет. tɨxaläg / tɨxaläg (< *tɨxaläy) dim. ‘соломинка’ (Абаев, III 297) < груз. tɨxeli ‘тонкий’, из 348ПКарт. *dütʰɕH ‘тонкий; плоский; жидкий’, которое само заимствовано из 136ПНах.472 *dütʰɕe-n ‘тонкий’.

осет. žitri /, южн. čitri (< *getrij ~ *k-) ‘огурец’ (Абаев, I 520) < 1690ПГЗ *kımɬər ‘огурец’, груз. kṭri.

Обращает внимание два названия для бахчевых культур — ‘дыня’ и ‘огурец’.

Части растений (plant)

осет. pisi / pəsi (< *pēsij) ‘смола’ (Абаев, II 242 — «из греч. píssa через груз.») < груз. pisi ‘смола’ < 1745ПНах. *pise-lo- ‘смола’.

По отражению последнего гласного это заимствование из груз.

Деревья и их части (tree)

осет. čilawī / kilawī ‘слива’ (Абаев, I 606) < груз. kliavi и 1341ПЩез. *kilawew, 1341ПДид. *kiljāwrijRə ~ *kiliwārijRə ‘слива’.

осет. čeramī ‘абрикос’ (нет у В.И. Абаева) < груз. čeramī < 2417ПНах. *čerceme ‘абрикос, урюк’, при ПДид. *čərgmūχājwə ‘черемуха’ (1639), ПДарг. *čürcəgūj ‘слива’ (939).

осет. gādi-bālas / ‘осина, тополь’, darβʒog gādi ‘тополь (высокий)’ (Абаев, I 510) < ПГЗ *қау ‘кошка’ и груз. қата тігірі ‘ива (вид)’ = «кошачья ива» (в груз. қата ‘кошка’, қауни ‘дикая кошка’), лаз. қау-нџа ‘тополь’ = «кошачье дерево» (картвельская форма отражает 468ПЩез.2499 *қәтуw ‘кошка’).

осет. leβwī (< *leβij) ‘инжир, смква’ (нет у В.И. Абаева) < груз. leβvi ‘инжир, смква’ < 635ПКарт. *laβu- ‘инжир’. Ср. 2092ПДид. *leβi’(r)Rə ~ -y- ‘инжир’ при 2092ПЩез. *laβu w ‘инжир’. В данном случае осетинская форма может быть прямым грузинским заимствованием, а ПЩез. и ПДид. формы не являются адаптациями собственно грузинизмов.

осет. māč / māčā ‘луб, лыко’ (Абаев, II 80) < груз. мохев. таці ‘липа’. В целом, неясное слово, может быть заимствованием из одного источника.

В основном фруктовые садовые деревья и пирамидальный (?) тополь.

Глаголы сельскохозяйственной деятельности и приготовления пищи (verb)

Не отмечено.

Заемствования из рус. через груз. посредство неинформативны (қаруста ‘капуста’, қрура ‘крупа’, раmidor ‘помидор’). В своей массе обнаруживаются заимствования непосредственно из груз. языка. Лишь малая часть этих основ имеет общекартвельские этимологии.

Тюркские заимствования

осет. *birç* / *birçä* (< **birçä*) ‘перец’ (Абаев, I 280) < ПБулг. **birč*(ь), чув. *р̄гъгъс* ~ *р̄гъгъз*, ПТюрк. **bürč* ‘перец’.

осет. *kärz* / *kärzä* ‘ясень’ > венг. *köris* (Абаев, I 587) < ПБулг. **kęwriüç* (~ -ž), чув. *кавгъгъс*, *кавгъгъз*, ПТюрк. **kevriüç* ‘ясень’.

осет. *χʷimälläg* / *χumälläg* (< **χumäliay*) dim. ‘хмель’ > балк. *χumallak*, *χumallag*, карач. *χumellek* ~ -g (Абаев, IV 261, 262) < ПБулг. **χumla*’ > чув. *χ̣̣mla*, ПТюрк. **qumlaq* ‘хмель’.

осет. *tolma* ‘голубцы’ < ПОгуз. **dol-ma* ‘нечто заворачиваемое’.

осет. *qamīl* / *qamīl* (< **gamil*) ‘камыш’ (Абаев, II 261) < ПБулг. **χamul* (β-?), чув. *χ̣̣т̣̣ы* ‘стебли злаков’, ПТюрк. **qamut* (~ **g*- ?) ‘камыш, осока’.

Из тюркизмов отмечены только болгаризмы с двумя специями — перцем и хмелем (за исключением огузского блюда (см. *tolma*), попавшего через армянский, судя по субституции *ṭ*-).

Есть арабо-персидские заимствования — *turaba* ‘варенье’, ар: ‘косточка плода, ядро ореха’, фар: ‘ядро ореха’, агаф: ‘водка’ и один арменизм — *änguz* ‘грецкий орех’.

Непосредственно из русского языка заимствованы: *groħa* ‘горох’, *baklažan* ‘баклажан’, *кабаџок* ‘кабачок’, *χрен* ‘хрен’, *buton* ‘бутон’, *акаси* ‘акация’, *каштан*, *kiparis* ‘кипарис’, *bräb* ‘брага’, *kompot* ‘компот’, *kvas* ‘квас’.

Неясны этимологии следующих основ:

Кустарники и их части (bush)

осет. *qäbirt:äg* ‘черемуха’.

Злаки, их части и еда из них (cereals)

осет. *qäbär-χog* ‘ячмень’ (первая часть), *χis:ä* ‘тесто’, *nämig* ‘зерно’ и *sau-nämig* ‘черника’ («черное зерно»), *χalsar* ‘злак; зелень’.

Травы, их части (grass)

осет. bilç ‘побег’, cil ‘папоротник’, gäläris-käf ‘клубника’ (обе части, судя по концу первого слова в род. падеже картвельское или цезское), χ^widir-bulq ‘репа’ (первая часть), sқuda ‘черемша (горная)’.

Деревья и их части (tree)

осет. äχsär ‘орех (плод)’, äχsinqi ‘алыча’, fädäbd ‘бузина’, қabus ~ қabaz ‘ветка’.

Примеры этимологий растительной лексики показывают, что значительное число, в том числе нейтральных лексем, было воспринято из ПДарг. и ПНах. Остальные ветви северно-кавказских языков представлены ограниченным объемом и не во всех подгруппах этого поля. Обращают на себя внимание немногочисленные, но значимые заимствования из ПЛезг., причем специфических южн. и юго-зап. языков. Западно-кавказские заимствования выявляются в очень ограниченном количестве, и, как правило, в новой кабардинской фонетике, т. е. необходимые сущности, характеризующие растительность и сельское хозяйство ко времени контакта были уже усвоены. Отмечается неожиданно малое количество картвельских заимствований, в основном грузинского облика. Среди неясных этимологий часть также является кавказизмами, судя по абруптивным согласным, это қäbirt:äg ‘черемуха’, bilç ‘побег’, -käf (‘клубника’), sқuda ‘черемша (горная)’, äχsinqi ‘алыча’, қabus ~ қabaz ‘ветка’. Оставшиеся 7 не имеют никаких этимологий связанных с языками Средней Азии, Сибири, Урала, Европы.

В осетинском языке не обнаруживается специфической полевой лексики, которая могла бы быть связана с преобладающим коневодческим хозяйством. Попутно стоит заметить, что и коневодческая лексика имеет кавказизмы и не является чисто исконной иранской. Значительное количество названий

основных знаков, результатов и способов их переработки заимствовано из языков Кавказа.

Уже данные по этому семантическому полю позволяют сделать важные культурно-языковые выводы.

Количество ПДарг. заимствований из неконтактирующего языка говорит о совместном проживании предков осетин с даргинскими языковыми носителями и их последующей ассимиляции с переходом на осетинский язык с частичным сохранением своей лексики (наблюдается аналогичная даже в количественном выражении ситуация с тюркской лексикой в венгерском языке).

Отмечены важные недолговременные первые контакты с лезгинскими языками южной (Кубинский район Азербайджана) и юго-западной подгрупп (частично Дагестан, Шекинский район Азербайджана).

Что касается контактов с цезами и дидойцами (бежтинцы, тлядальцы, гунзибцы), то в настоящее время носители этих языков живут у истоков Андийского и Аварского Койсу и отделены от долинных районов Дагестана разноязычным андийским и аварским населением. Однако в районе современного расселения цезских и дидойских народов есть активно используемые Крестовый и Кударский перевалы, последний недалеко от Бежты. Первый ведет в Хевсуретию и Тушетию, а второй в Кахетию, на территории Кахетии также отмечаются цезские и дидойские поселения (в XIX в. в районе Кварели были зимние поселения бежтинцев). Прямой контакт с осетинами мог происходить только на территории Кахетии, т. е. в Закавказье.

Все это предполагает Алазанский путь миграции предков осетин к южным предгорьям Большого Кавказского хребта (с расселением вплоть до территории сванов). На этом пути в свое время начинаются (?) контакты с нахами.

Позже происходит переход через перевалы на северные отроги Кавказа под давлением с юга картвел (в первую очередь предков грузин). Участие, а потом и доминирование,

в государственном образовании алан (в позднюю хазарскую эпоху). На миграцию осетин с юга указывает ориентация, прослеживаемая через язык, — осет. *sāgat* ‘север, северный склон’ < иран. **śakāt* (согд. ‘лоб’, из иран. заимствовано в арм. *čaqat* ‘лоб’), из осет. > карач. *čeget* ‘лес’, балк. *čeget* ‘север’ (Абаев, I 296). Семантическая связь ‘лоб’ и ‘перед’ типична для многих ареалов. И при ориентации осетин впереди получается «север». Название местности Архыз, находящейся в Карачаево-Черкесии у перевала в Абхазию, происходит от осет. *ärχizīn* ‘слезть, сойти, спуститься; перевалить через горный хребет’, но при гипотетическом появлении осетин с севера ожидалось бы нечто типа «подъема», а не «спуска». Таким образом, через лексику можно определить направление миграции предков осетин.

Значимыми катаклизмами, изменившими этнический облик Кавказа, были первое (Субудей) и второе (Тамерлан) монгольское нашествие с разгромом равнинного населения в Предкавказье. После этих событий происходит ассимиляция западной части остатков осетиноязычных алан тюркоязычной общностью с появлением этноса карачаевцев и балкарцев. Таким образом объясняются заимствования из осетинского языка в сванский (и через него в абхазский) и многочисленная осетинская лексика в карачаевском и балкарском. Данные предположения также подтверждают результаты анализа семантических полей «коневодство», «горы, камни и металлы», «одежда», «оружие», «скот», «соматическая лексика», «социальная лексика», уже разобранных для осетинского языка.

Сокращения

caus.	каузатив
dim.	уменьшительный, диминутив
magn.	увеличительный, магнификатив
pl.	множественное число
sg.	единственное число

абх.	абхазский
авар.	аварский
адыг.	адыгский
анд.	андийский
араб.	арабский
арм.	армянский
балк.	балкарский диалект
бацб.	бацбийский
венг.	венгерский
вост.	восточный
греч.	греческий
груз.	грузинский
дарг.	даргинский
диал.	диалектное
дигор.	дигорский диалект (язык)
др.-	древне-
зап.	западный
имер.	имеретинский диалект
инг.	ингушский
инд.	праиндийский, древнеиндийский
иран.	праиранский
ирон.	иронский диалект (язык)
каб.	кабардинский
кар.-балк.	карачаево-балкарский
карач.	карачаевский диалект
кумык.	кумыкский
лаз.	лазский
лак.	лакский
лезг.	лезгинский
лечх.	лечхумский диалект
лит.	литературный
осет.	осетинский
ПАвар.	прааварский
ПАК	праадыго-кабардинский, праадыгский

ПАнд.	праандийский
ПАрч.	праарчинский
ПАТ	праабхазо-тапанский
ПБулг.	прабулгарский
ПГЗ	прагрузинско-занский
ПДарг.	прадаргинский
ПДид.	прадидойский
перс.	персидский
ПЗК	празападно-кавказский
ПКарт.	пракартвельский
ПЛак.	пралакский
ПЛезг.	пралезгинский
ПНах.	пранахский
ПСК	прасеверно-кавказский
ПТюрк.	пратюркский
ПХин.	прахиналугский
ПЦД	працезско-дидойский
ПЦез.	працезский
рач.	рачинский (рачский) диалект
рус.	русский
сван.	сванский
тюрк.	тюркский
хин.	хиналугский
чеч.	чеченский
чув.	чувашский
южн.	южный

Словарные материалы

Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. Москва–Ленинград, 1958.

Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. Ленинград, 1973.

Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III. Москва, 1979.

Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. Ленинград, 1989.

Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Указатель. Москва, 1995.

Абаев В.И. Русско-осетинский словарь. Москва, 1970.

Алироев И.Ю. Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов. Махачкала, 1975.

Гуриев Т.А., ред. Осетинско-русский словарь. Владикавказ, 2004.

Таказов Ф.М. Дигорско-русский словарь. Владикавказ, 2003.

Чубинов (Чубинашвили) Д.И. Грузино-русский словарь. С-Петербург, 1887.

Литература

Абаев В.И. Об аланском субстрате в балкаро-карачаевском языке // Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов. Нальчик, 1960.

Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. Москва–Ленинград, 1949.

Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Бежтинцы (капучинцы, хьванал) в XIX – нач. XX вв. Махачкала, 1994.

Мудрак О.А. Некоторые заметки по картвельской реконструкции // Сравнительно-историческое языкознание. Алтаистика. Тюркология. Москва, 2009.

Мудрак Олег Алексеевич
Институт языкознания РАН
omudrak@yahoo.com

**Примеры синтаксического
переструктурирования в библейском
переводе¹**

Десницкий А.С.

В статье приводятся ряд примеров синтаксического переструктурирования, которое происходит при переводе Библии на русский и на некоторые тюркские языки. Необходимость такого переструктурирования вызвана различиями в синтаксической структуре языков и многозначностью синтаксических конструкций. В статье рассматриваются примеры из переводов Института перевода Библии, касающиеся, в основном, выбора грамматических форм, указания на действующих лиц и отрицания.

Ключевые слова: Библия, перевод, синтаксис, переструктурирование, дейксис, отрицание

This article offers several examples of syntactic transformations that occur in Bible translations into Russian and several Turkic languages. Such transformations are necessary due to the differences between syntactic structures in different languages, and also due to the existence of multiple possible meanings for a single construction. The examples presented in the article are taken from translation projects of the Institute for Bible Translation and deal primarily with the choice of grammatical forms, participant reference, and negation.

Keywords: Bible translation, syntax, restructuring, participant reference, negation

¹ Исследование выполнено при поддержке РФНФ, грант № 13-04-00261.

Синтаксическое переструктурирование как переводческая задача

Переструктурирование — ключевое понятие теории библейского перевода, введенное ее основателем Юджином Найдой. В 1964 г. он опубликовал книгу под названием «К науке перевода» [Nida 1964], которая содержала теоретические предпосылки для создания общей теории перевода, учитывающей достижения гуманитарных наук середины XX в., в первую очередь лингвистики, семиотики, антропологии. Он говорил о двух видах перевода, называя их *формальным* (formal) и *динамическим* (dynamic), причем его симпатии были целиком на стороне последнего.

Ключевым понятием для динамического перевода становилась *трансформация* (transformation), или *перенос* (transfer), т. е. многоуровневое переструктурирование текста в соответствии с потребностями языка перевода. Это означало, что чем больше изменений в тексте перевода в сравнении с буквальным подстрочником, тем глубже трансформация, и, если она способствовала верной передаче смысла, тем лучше этот перевод.

Впрочем, это понятно и без теории. Человек, не имеющий опыта профессионального перевода, обычно задает вопросы: «А как переводится это слово или выражение?» Переводчик опытный отвечает на такой вопрос: «Слово перевести невозможно, скажи мне всю фразу». Это связано с тем, что точное значение слова обретают только в контексте, но еще и с тем, что при переводе невозможно просто заменить все слова одного языка на слова другого и получить при этом правильный и понятный текст, даже если языки являются близкородственными.

Наиболее очевидно это на уровне синтаксиса, хотя приходится учитывать и дискурсные, и риторические, и поэтические черты переводимого текста. Если говорить предельно упрощенно, то *синтаксические* правила есть часть грамматики:

они указывают, какие конструкции допустимы в данном языке и каким может быть их основное значение. *Дискурсный* анализ отвечает на несколько другой вопрос: как именно и в каких случаях употребляются эти конструкции, каково их значение в разных контекстах. Анализ же *риторический* показывает, в чем автор хотел убедить читателя и какими средствами он это делал. Приводя аналогию, можно сказать, что учебник синтаксиса подобен техническому описанию автомобиля: как он устроен, как его обслуживать и чинить; дискурсный анализ можно сравнить с обучением вождению, а риторический — с дорожной картой, которая показывает, куда, собственно, нужно ехать.

Данная статья иллюстрирует проблему синтаксического переструктурирования при переводе на примере переводов на русский и на некоторые тюркские языки, с которыми автор статьи работал в качестве консультанта Института перевода Библии (ИПБ) с 1999 г. Все подобные проблемы трудно даже перечислить, не то что подробно описать, поэтому мы ограничимся, в основном, тремя: это выбор грамматических форм, указание на действующих лиц и отрицание.

Языки устроены по-разному, так что переводчик не может просто копировать синтаксические структуры оригинала в переводе. Даже если в двух языках существуют аналогичные грамматические формы и синтаксические структуры, это еще совершенно не значит, что они обладают одинаковым значением и одинаково употребляются, а следовательно — что они будут служить при переводе точными эквивалентами друг друга.

Языки, помимо прочего, допускают и немалую вариативность, так что одно и то же высказывание может быть построено по-разному. Выбор между этими вариантами определяется множеством факторов, например стремлением сохранить особый «библейский» стиль: «...и встал, и пошел, и сказал». По сути дела, в таких ситуациях переводчик старается имитировать средствами языка перевода структуру языка оригинала — он использует в принципе вполне допустимые,

хотя и нестандартные, маркированные, структуры. Очевидно, что этот прием может помогать ему, если он стремится сознательно архаизировать и стилистически приподнять текст, но может и мешать, если таким образом он затрудняет читательское понимание, поскольку так стирается граница между обычным и маркированным порядком слов, и маркированным, выделенным становится буквально всё, а это уже мешает адекватному восприятию текста на уровне дискурса.

Есть несколько черт, присущих библейским языкам (как греческому, так и еврейскому, хотя каждому со своей спецификой), которые существенно осложняют понимание их синтаксической структуры. Это, в первую очередь:

- Отсутствие привычных нам знаков препинания и (в греческом) пробелов между словами, что во многих случаях позволяет по-разному членить текст.
- Возможность оформлять вопросительные предложения без особых показателей, только интонационно, что не всегда позволяет с уверенностью отличать вопрос (в т. ч. риторический) от утверждения.
- Обилие существительных в пределах одного высказывания: «крещение покаяния во оставление грехов» (Мк 1:4)², такие именные цепочки не характерны для многих современных языков.

На последнем остановимся чуть подробнее. Для тюркских языков несвойственно обилие существительных и при переводе часть из них обычно становится глаголами (ниже в примере глаголы подчеркнуты). Выражение «Ибо возмездие за грех — смерть» (Рим 6:23) естественным образом было переведено на крымскотатарский язык как *гуна япын, тек олюм къазанмакъ мумкюн* ‘грех делая, только смерть можно заработать’.

² Там, где синтаксическая структура греческого или древнеевр. подлинника существенно не отличается от русского перевода, примеры приводятся на русском языке по Синодальному переводу (если не указан другой источник).

Однако проблемы может породить и язык перевода. Так, «вы боги» (Ин 10:34) при буквальном переводе на кумыкский язык звучит как *сиз аллагьлар-сыз* ‘вы боги-вы’. Однако это выражение может быть прочитано как «вы безбожники» в силу двусмысленности аффикса *-сыз/сиз* (показатель 2 л. мн. ч. и суффикс со значением «без»), тем более, что людям чаще приходится быть безбожниками, чем богами. Пришлось перефразировать это выражение: *Мен сизге аллагьлар деп айтдым* ‘Я на вас боги сказал’.

Насколько вообще совпадает значение одинаковых на первый взгляд синтаксических конструкций в двух языках? Разные языки обладают разным синтаксическим инвентарем, и даже если в двух языках существует одна и та же грамматическая конструкция (например, родительный падеж), можно быть уверенным, что ее значение в двух языках далеко не всегда одинаково, и синтаксический буквализм (перевод одной конструкции оригинала одной конструкцией перевода) может порождать лишние значения. Так, по-русски «любовь отца» означает исключительно любовь, которую отец испытывает к ребенку, а по-гречески она в равной мере может означать и любовь, которую ребенок испытывает к отцу³.

Но даже в тех случаях, где смысл конструкции ясен, в какой степени надо его раскрывать, если сегодня читатель рискует не понять его так однозначно? В Деян 13:22 в оригинале буквально говорится о *Dauid ton tou Iessai* ‘Давиде Иессея’, и практически все переводы здесь разъясняют «Давид, сын Иессея». Но вот в Ин 6:71 точно такая же конструкция в Синодальном переводе дается уже без слова *сын*: «...об Иуде Симонове Искарите». Может быть, потому что переводчики не были уверены, что имеется в виду именно сын, а не, скажем, брат? Впрочем, и здесь современные переводы практически единогласно добавляют слово *сын*.

³ Подробнее о многозначности генитивных конструкций в Библии см. [Десницкий 2011: 241–244].

Но вот уже *pistis Iēsou Christou* ‘вера Иисуса Христа’ (например, в Рим 3:22) или *hē agapē tou Christou* ‘любовь Христа’ (например, в Рим 8:35) совершенно неоднозначны. В самом общем виде экзегетический вопрос можно сформулировать так: это Христос любит и верит или верующие испытывают веру и любовь к Нему? Впрочем, тут могут быть и дальнейшие тонкости (например, можно сказать, что верующие могут обладать такой же верой и любовью, какие были явлены во Христе). Насколько однозначным может быть перевод? По-русски есть такие же неопределенные выражения: «вера Христова, любовь Христова», и они могут быть сочтены удачным вариантом перевода (кстати, примерно так мы видим в церковнославянском переводе), но большинство современных переводчиков желают выразиться конкретнее. Даже Синодальный перевод в Рим 3:22 говорит о «вере в Иисуса Христа», исключая в данном месте иные прочтения.

Выбор грамматических форм

Каждый язык обладает своим набором грамматических форм, при этом часть форм употребляется в соответствии со строгими правилами грамматики, а часть допускает вариации. Например, в тюркских языках окончание множественного числа у глагольных форм 3 л. может употребляться факультативно, в отличие от русского языка. Или пример из библейского иврита: в нем, в отличие от русского, согласование по роду не является строго обязательным, при подлежащем женского рода можно употреблять сказуемое мужского рода.

Некоторые грамматические категории языка оригинала в языке перевода могут отсутствовать, как, например, категория *эвиденциальности* и *инклюзивности* местоимений 1 л. мн. ч. во многих языках. В библейских языках этих категории нет, и при переводе постоянно приходится принимать экзегетические решения: а что имелось в виду в оригинале?

Некоторые догадки можно, разумеется, извлечь из контекста. Например, в Деян 16:10 Лука в повествовании вдруг

переходит от местоимения «они» к местоимению «мы». Мы знаем, что он стал спутником Павла, но не сразу — по-видимому, здесь описан как раз тот самый момент, когда он присоединился к апостолу. Не отмечая этого особо, самим выбором грамматических форм он дал на это указания. Здесь, разумеется, будет употребляться эксклюзивная форма местоимения, которая не включает читателя.

В Ефес 1:3-14 автор несколько раз употребляет местоимение «мы», говоря, как можно полагать, о христианах вообще: «...благословивший нас во Христе... так как Он избрал нас... чтобы мы были святы и непорочны... предопределив усыновить нас» и т. д. Вполне естественно понимать это местоимение инклюзивно: апостол включает в число «нас» и своих читателей, поскольку они христиане. Обратим внимание, что если в 1:12 все еще используется форма местоимения с возможным инклюзивным содержанием: «Дабы послужить к похвале славы Его нам...», то в 1:13 появляется противопоставление: «...вы, услышав слово истины, благовествование вашего спасения, и уверовав в Него, запечатлены обетованным Святым Духом». Значит ли это, что всё предшествующее к ним не относится? Едва ли, ведь в греческом языке инклюзивность никак не маркируется. Можно полагать, что «вы» появилось именно как ответ на возможное недоумение аудитории: могут ли они отнести эти высокие слова и к себе, если их христианский путь только начинается? Да, и к вам это тоже относится, уверяет апостол их. Впрочем, есть и другие толкования данного места, и решение этой проблемы относится к сфере экзегетики.

В тех случаях, когда выбор между двумя или тремя равно употребимыми формами остается за говорящим или пишущим, неизбежно встает вопрос: выбирая ту форму, а не эту, имеет ли автор в виду нечто особое или это случайный выбор?

В последних главах Мф встречаются два похожих выражения: *Su eipas* «Ты сказал» (26:25, 64) и *Su legeis* «Ты говоришь» (27:11), здесь дан один и тот же глагол, но в двух формах грамматического времени: аористе и презенсе. О значении этих

двух выражений довольно много спорят, но весьма вероятно, что тут имеются в виду несколько разные смыслы. В первых двух случаях Иисус явно соглашается с говорящими (Иудой и Каифой): «Заметь, это не Я тебе говорю, ты сам так сказал». В беседе с Каиафой Он даже дополняет этот ответ словами, которые должны развеять всякие сомнения в правоте его формулировки «Ты ли Христос, Сын Божий»: «ты сказал; даже сказываю вам: отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных» (Мф 26:64).

Но в случае с Пилатом, задавшим вопрос «Ты Царь Иудейский?», как описан их разговор в Мф 27:11, никакого продолжения не следует. Видимо, следует понимать эти слова примерно так: ‘это ты так ставишь вопрос, выступаю ли Я мятежником против римского императора’. Поэтому при ревизии гагаузского литургического перевода Евангелия от Матфея было решено передать их по-разному. В первых двух случаях *sölediin gibi* (26:25, 64) ‘в соответствии со сказанным тобой’, а в третьем *sân ölä deersen* ‘ты так говоришь’ (27:11).

Впрочем, неверно было бы считать, что переводчик всегда обязан дословно копировать, насколько это возможно, грамматические формы оригинала. Так, в Пс 72:23 (73:23 в еврейском тексте) мы видим форму перфекта *’āḥaztā*, которая почти везде переводилась бы «Ты держал», но в этом стихе и в Синодальном, и практически во всех переводах переводится настоящим временем: ‘Ты держишь меня за правую руку’.

Во многих случаях в Ветхом Завете, когда Господь говорит «ты», Он обращается ко множеству людей, например, не лично к Моисею, но ко всем израильтянам. Собственно, в подобной ситуации адресат — некая «коллективная личность», народ или община как единое целое. Вполне допустимо будет заменить такое ед.ч. на мн. ч., но не стоит это делать везде — например, 10 заповедей лучше воспринимаются в единственном числе: «не убивай, не кради и т.д.» уже потому, что эти заповеди относятся к отдельным людям, а не к народу в целом.

Пространственные и временные отношения тоже могут быть выражены при помощи падежных форм, местоимений и наречий, которые имеют разные формы в разных языках. Так, в русском различаются две степени близости: *тот* и *этом*, тогда как есть языки выражающие три степени дальности: 1) ближний, 2) находящийся в поле зрения говорящего или слушающего и 3) дальний. Кстати, примерно так устроена система указательных местоимений и в классическом древнегреческом языке: *hode, houtos, ekeinos*, — хотя в библейских текстах трехчленная система, по сути, стала двучленной, с выпадением ближнего местоимения *hode*. При этом широко используется нейтральное местоимение *autos*.

Нередко переводчик не задумывается о том, что в его родном языке есть способ грамматически выразить мысль, которую автор не мог передать средствами своего языка. В Деян 4:10 Петр проповедует, обращаясь к иудеям, «Иисуса Христа Назорея, Которого вы распяли». Понятно, что на самом деле он был распят римлянами по приговору Синедриона, а не этими людьми, они лишь требовали Его распятия, но не совершали его лично. Во многих языках для описания таких ситуаций существуют особые *каузативные* формы глагола со значением ‘побудить кого-то что-то сделать’, именно такую форму и следует употребить здесь.

Кроме того, формы с очень близким значением могут пониматься по-разному в разных языках. Например, в 1 Петр 4:18 сказано: «праведник едва спасается». Греческая форма *sōzetai* может быть и пассивной, и медиальной, т. е. ‘бывает спасаем’ или ‘спасает сам себя’. В принципе, русская возвратная форма «спасается» тоже может подразумевать и то, и другое, но чаще все же она понимается как ‘спасает сам себя’ (особенно если учесть употребление слова «спасаться» в православной аскетической литературе), а это вряд ли то, что имеется в виду в оригинале. Потому перевод под редакцией М.П. Кулакова переводит эти слова как *праведник с трудом может быть спасен*.

Неудачный выбор может приводить к стилистическим ошибкам. Например, переводчик слепо копирует грамматические показатели оригинала лишь потому, что они есть в тексте оригинала, даже если на языке перевода это звучит неуклюже и тяжеловесно. Например, в Быт 46:7 мы читаем в Синодальном переводе: «Сынов своих и внуков своих с собою, дочерей своих и внучек своих и весь род свой привел он с собою в Египет» — и все это только потому, что в древнееврейском притяжательные суффиксы употребляются в таких случаях обязательно, равно как и форма *'itto* 'с собой'. Перевод Российского библейского общества (РБО) обходится без них: *сыновей, внуков, дочерей, внучек — весь свой род он привел в Египет.*

Подобное излишнее употребление притяжательных местоимений возникло и в тувинском, где притяжательность может быть выражена и местоименным суффиксом, и отдельным словом. В первых черновиках слишком часто употреблялись сразу оба способа: *мээң аалым* 'мой дом-мой', а в дальнейшем они заменялись на *аалым* там, где не было эмпазы (ср. франц. *ma maison à moi — ma maison*).

С другой стороны, может потребоваться добавление притяжательного суффикса даже там, где его нет в оригинале. Так, в Мф 28:18 приводится формула «во имя Отца и Сына и Святаго Духа», которая на тувинский была переведена как *Аданың, Оглунуң болгаш Ыдыктыг Сүлдениң ады-биле* 'Отца, Его Сына и Святаго Духа именем' исходя из того, что по-тувински возможно сказать только «Отец и Его Сын».

Указание на действующих лиц

Разговор о притяжательных местоимениях подводит нас к следующему вопросу: а как вообще идентифицируются действующие лица в тексте? В разных языках существует несколько способов указать на них с разной степенью эксплицитности:

- Назвать по имени или по уникальной характеристике: *Господь* или *Давид*.
- Назвать описательно: *Святой Израилев* или *помазанник Божий*.
- Использовать местоимение: *Он* или *сей*.
- Использовать грамматические формы, отсылающие к определенному лицу и числу: *восседает на херувимах* или *говорит*.
- Нулевой показатель, смысл восстанавливается по контексту.

При этом, естественно, разным языкам свойственно использовать эти возможности неодинаково: например, библейский иврит в повествовании сплошь и рядом обходится одними грамматическими формами, даже без местоимений, если действующие лица известны. При переводе на другие языки обычно приходится их указывать более явным способом.

К тому же набор грамматических показателей в разных языках разный: тюркские, к примеру, не различают родов, поэтому в диалоге между мужчиной и женщиной (например, Воозом и Руфью в Руф 3:9) оригинал однозначно показывает, кто что сказал, поскольку род различается даже в глагольных формах *wauu'omer* и *watto'mer* — А вот в переводе на большинство тюркских языков придется давать полные имена, даже местоимений будет недостаточно.

Впрочем, возможна и такая ситуация, когда действующие лица специально называются полными именами даже там, где в этом нет необходимости. В особенности это касается молитвы: к кому она обращена, понятно и так, но молящийся вновь и вновь обращается к Богу, и это обращение, собственно, и есть главная часть молитвы: «Услышь меня, Господи, услышь меня! Да познает народ сей, что Ты, Господи, Бог» (3 Цар 18:37). С точки зрения передачи информации нет никаких причин повторять обращение *Господи*, ведь оно уже прозвучало, и нет никаких сомнений, что пророк Илия обращается здесь с молитвой к Тому же Господу. Поэтому

некоторые современные переводы (например, Contemporary English Version) дают в этом стихе только одно обращение к Господу, сокращая ненужный, как им кажется, повтор — но всё же они в явном меньшинстве, ведь здесь не просто передача информации, но живое общение, в котором принцип экономии слов не главный фактор даже на бытовом уровне, а уж тем более во время молитвы.

Похожим образом могут обстоять дела и с формулами вежливости: «И ныне пусть выслушает господин мой, царь, слова раба своего: если Господь возбудил тебя против меня, то да будет это от тебя благовонною жертвою...» (1 Цар 26:19). В данном случае *ты* и *господин мой царь* указывают на одного и того же человека, так же как *я* и *раб твой*, и при буквальном переводе это не всегда ясно. Такая речевая формула встречается совсем не потому, что так текст выглядит яснее, а потому, что так торжественнее и смиреннее.

В любом случае важно проверять, как понимается референция, т.е. на кого указывают местоимения или их отсутствие, поскольку нулевой знак есть тоже знак. Так, рассмотрим Пс 47:15 (в еврейском тексте 48:15): *kî zeh 'ēlohîm 'ēlohênû 'olām wā'ed hû' uənahāgēnû 'al-mût*. В Синодальном переводе этот стих переведен так: «ибо сей Бог есть Бог наш на веки и веки: Он будет вождем нашим до самой смерти». Строго говоря, по-русски подобное выражение при отсутствии притяжательного местоимения означает ‘будет вождем до собственной смерти, пока не умрет’, что, конечно, неверно. Поэтому в тувинском переводе было добавлено притяжательное местоимение: *өлгүжевиске чедир* ‘до нашей смерти’. А перевод РБО вообще ушел от этой проблемы, приняв за основу другой текстуальный вариант: *во веки веков наш вождь* (*'olātowt* вместо *'al-mût*).

Важнейший вопрос, ответ на который нужно находить в каждом сложном случае, — сколько в этом отрывке действующих лиц и кто они. Нередко у читателей современных переводов возникает путаница. Вот яркий пример: «И вышли царь Содомский, царь Гоморрский, царь Адмы, царь

Севоимский и царь Белы, которая есть Сигор; и вступили в сражение с ними в долине Сиддим, с Кедорлаомером, царем Еламским, Фидалом, царем Гоимским, Амрафелом, царем Сеннаарским, Ариохом, царем Елласарским, — четыре царя против пяти» (Быт 14:8-9). Похоже, что даже первые читатели не сразу могли разобраться с этими царями, имена которых им ничего не говорили, потому и появилось добавление «четыре царя против пяти».

Иначе, к примеру, «Кедорлаомер, царь Еламский» могут быть поняты как два разных человека: некто Кедорлаомер и вместе с ним безымянный Еламский царь. В крымскотатарском переводе была выбрана форма представления, которая безусловно исключает такое понимание: *Элам падишасы олгъан Кедорлаомер* 'Элама царем бывший Кедорлаомер'. Попутно отметим, что выражение «царь Белы, которая есть Сигор» будет адекватно понято только в языке, где есть грамматический род, а в языках без него (например, тюркских) слово Сигор будет, скорее всего, понято как имя царя: «царь Белы, то есть Сигор». Поэтому в том же крымскотатарском переводе это передано так: *Беланынь, я да Цоарнынъ, падишасы* 'Белы или Цоара царь'.

Подобная путаница возможна даже в тех местах, которые выглядят совершенно ясными для искушенного читателя (Ис 49:7). В Синодальном переводе читаем: «Так говорит Господь, Искупитель Израиля, Святый Его, презираемому всеми, поносимому народом, рабу властелинов». При подобном буквальном переводе читателю менее знакомому с библейскими оборотами речи может быть неясно, что здесь два действующих лица: Господь и Израиль. Исправить это можно с помощью добавления местоимений, например, как в переводе РБО: *Так говорит Господь, Искупитель Израиля, Святой Бог его, тому, кто позором покрыт, кто в презрении у народов, рабу владык.*

В Деян 7:46 сказано о Давиде, что он «обрел благодать пред Богом и молил, чтобы найти жилище Богу Иакова». Однако читатель, не знакомый с ветхозаветной историей,

может понять это выражение совершенно неверно (особенно если при первом упоминании слово «Бог» переведено как «свой Бог»): якобы, существовало двое людей, Давид и Иаков, у каждого из которых был свой бог, и вот Давид по каким-то причинам решил позаботиться об уже существовавшем доме другого бога. На самом деле, конечно, ситуация выглядела иначе, и может потребоваться некоторая экспликация подразумеваемой информации: «он был угоден Богу и просил у Него позволения построить дом Ему, Богу потомков Иакова».

Еще одна особенность библейского иврита, которая иногда проявляется и в библейском греческом — свободный переход от одного грамматического лица к другому при том, что референт остается тем же самым: «Нет столь святого, как Господь; ибо нет другого, кроме Тебя; и нет твердыни, как Бог наш» (1 Цар 2:2) — здесь о Господе говорится то во втором, то в третьем лице. Поскольку многим языкам такое несвойственно, зачастую переводы «выравнивают» подобные отрывки по одному лицу, особенно если такой грамматический разнобой может стать причиной непонимания.

Например, 2 Кор 6:16-17 гласит: «Какая совместность храма Божия с идолами? Ибо вы храм Бога живаго, как сказал Бог: вселюсь в них и буду ходить в них; и буду их Богом, и они будут Моим народом. И потому выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому; и Я прииму вас». При переводе необходимо заменить местоимение: «поселюсь среди *вас*», иначе получится, что Он станет богом именно тех, от кого надо отделиться.

Отрицание

Во всех языках мира существуют отрицания: если можно сказать «А есть Б», то можно сказать и «А не есть Б». Но при этом отрицание по-разному выражается, и у него в каждом языке свой «радиус действия» и «степень действия».

Это можно заметить даже на русских примерах. Так, фраза *Он ее не любит* означает, что он испытывает к ней чувство,

противоположное любви. Но стоит нам добавить уточнение: *Он ее не любит, а уважает как ценного работника*, — и речь сразу зашла о другом, а именно, об отсутствии чувства любви. В первом случае отношение отрицательное, во втором — положительное, просто неверно было бы назвать его любовью.

Особенно много сложностей возникает при переводе сложных конструкций Нового Завета на языки с иным порядком слов — в известных мне примерах это были, прежде всего, тюркские. При буквальном переводе Рим 1:29 «обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве» на алтайский звучит так: *Олор чын эмес керектерле толо* 'необрезание по закону, написанному в сердце' из-за того, что отрицательная частица *эмес*, поставленная на грамматически правильное место, относилась исключительно к самому обрезанию. Для передачи смысла в Рим 2:29 фразу пришлось разбить на две части: *ол ич јаны андый болгоны, чын томдош јүректе эдилгени. Ол бичилген Јасакла эмес, је Тынла эдилген* 'Истинное обрезание сделано в сердце. Оно сделано не по писанному закону, а Духом'.

В Деян 18:13 Павла обвиняли в том, что «он учит людей чтить Бога не по закону». На многих языках легко сказать «он учит людей не чтить Бога по закону», но это совсем другое (ср. «призывает не ходить на разрешенный митинг» и «призывает выйти на митинг неразрешенный»). При переводе на тот же алтайский язык фраза давалась с трудом, потому что отрицание естественнее относить к глаголу («он не учит»). Фраза была в результате перестроена: *Бу кижии Кудайды Јасакла эмес байлаарына улусты јүредип јат* 'Этот человек Бога не по Закону почитать народ учит'.

2 Фес 3:2 утверждает: «не во всех вера». На некоторых тюркских языках это сказать довольно сложно, потому что в них отрицание наличия чего-то выражается не так, как в греческом. При буквальной передаче неизбежно получалось бы что-то вроде «во всех веры нет». Башкирский перевод перефразировал это выражение: *бөтөн кешеләр зә иманлы түгел*

бит 'все люди верующие нет ведь'. Крымскотатарский переводит это высказывание вообще в утвердительную форму: *иманы олмагъан адамлар бар* 'веру не имеющие люди есть'.

Еще один пример перевода отрицательного предложения в утвердительное в этом же переводе — 1 Кор 9:6, где «Или один я и Варнава не имеем власти не работать?» переведено тоже без отрицания: *Я да тек мен ве Барнаба ашымызны чалышып къазанмакъ керекмизми?* 'или только я и Варнава зарабатывать должны?' — поскольку двойное отрицание не свойственно тюркским языкам.

Литература

Десницкий А.С. Введение в библейскую экзегетику. Москва, 2011.

Десницкий А.С. Современный библейский перевод: теория и методология. Москва, 2015.

Nida Eugene. Toward a Science of Translating. Leiden, 1964.

Десницкий Андрей Сергеевич
Институт востоковедения РАН
ailoyros@gmail.com

Коми язык и его диалекты сегодня¹

Кузнецова А.И.

Существует столько же лингвистик,
сколько лингвистов.
А. Мейе

В статье делается обзор диалектов трех наречий коми языка: дается история изучения этих диалектов, приводятся данные по расселению их носителей, обсуждаются вопросы письменности, исследуются языковые контакты и сохранность идиомов.

Ключевые слова: коми диалекты, социолингвистика, языковые контакты

This article reviews the subdialects of the three Komi dialects. The discussion includes dialect studies, where speakers live, the literary language, language contacts.

Keywords: Komi dialects, sociolinguistics, language contact

Коми язык представлен тремя крупными наречиями: коми-пермяцким, коми-зырянским и коми-язьвинским, каждое из которых имеет свой литературный стандарт. Формирование коми-зырянского и коми-пермяцкого литературных языков началось после 1917 г., коми-язьвинское наречие имеет свою письменность с 2003 г.

Коми-язьвинское наречие

Первое описание коми-язьвинского наречия принадлежит Арвиду Генцу, который изучал его в 1889 г. В 1920–1930 гг. исследования продолжил С.А. Попов, в 1949–1953 гг. известный

¹ Исследование поддержано грантом РГНФ № 14-04-00476а.

финно-угровед В.И. Лыткин также занимался изучением этого наречия. В 1961 г. вышла его работа «Коми-язвинский диалект», в которой автор пишет, что коми-язвинцев можно было разделить (условно) на четыре группы:

1) коми, говорящие исключительно на русском языке, хотя по своему происхождению это частью русские, частью язьвинские коми;

2) население с преобладанием русского языка, однако по происхождению это в основе своей язьвинские коми, усвоившие русскую речь, а в меньшинстве — русские, живущие в среде язьвинских коми, усвоившие их речь как второй язык;

3) население с русским языком в семье, но взрослые — двуязычны, а большинство детей не говорит на коми-зырянском, хотя понимает этот язык;

4) коми население с коми-язвинским языком в семье. Взрослые в семье в подавляющем большинстве знают русский язык. Сюда входит 36 населенных пунктов (677 дворов с населением 3040 человек, что составляет 75 % всего населения куста).

В 1926 г. в пределах Чердынского уезда было указано 3163 пермяка (т. е. язьвинских коми по языку), таким образом, больших изменений в численности язьвинских коми (якобы) не произошло [Лыткин 1961: 6].

Однако следует отметить, что в книге самого В.И. Лыткина [1955] приводится совершенно иная картина, которую сам автор объясняет тем, что «коми-язвинские говоры мало чем отличаются один от другого, разница между ними сводится к отдельным мелким звуковым явлениям и отдельным словам. Население всех 54 деревень, где распространено это явление, представляет собой довольно компактную массу...» [Лыткин 1955: 22].

Как мы видим, мнение автора постепенно меняется.

В.И. Лыткин отмечает множество явлений в центральных говорах коми-язвинского наречия, ранее не замечавшихся, как, например, отсутствие гармонии гласных по палатальности и

велярности, хотя есть налицо парные гласные, и др. [Там же: 22, сноска 16]. По подсчетам В.И. Лыткина (его книга «Коми-зывинский диалект» вышла, как уже говорилось, в 1961 г.), прошло почти 40 лет со времени переписи.

Особо следует обратить внимание на лексику древнепермского языка, отличающуюся от современного коми языка своим словарным составом: его четвертая часть (слова древнепермских памятников, как указывается в [Лыткин 1952: 118]) непонятна современным народам коми. В.И. Лыткин высказывает предположение, что на территории вычегодского бассейна существовал диалект, близкий к современному коми-зывинскому говору. На нижней Вычегде (кроме коми) жили, судя по топонимике территории, также карело-вепсы.

Коми-зырянское наречие

По данным М.И. Исаева [1978], в низовьях рек Печоры и Оби, в некоторых местах Сибири, на Кольском полуострове и в Финляндии используется коми-зырянский язык, носителей которого насчитывалось на тот момент 321 894 чел. Из них родным языком считали коми-зырянский 266 335 чел.; 55 368 чел. считали родным языком русский, 191 чел. — другие языки [Исаев 1978: 168–170]. Соседние народы называли в древности коми-зырян и коми-пермяков словом «*пермь*», а с XVI–XVII вв. русские стали называть эти народы *сиряне*, *сиряне* (наименования, которые будут повторяться здесь ещё неоднократно) и *зыряне* (название *зыряне* сохранилось до сих пор).

Количество коми-зырян среди населения Архангельской обл. по статистическому бюллетеню 2005 г., однако, очень мало: в Мезенском районе всего 36 чел. (14 городское и 22 сельское население), а в Няндомском районе 16 чел. (13 городское и 3 сельское население). Коми-пермяков — всего 5 чел. (2 чел. городского и 3 сельского населения) (подробнее о коми-пермяках см. ниже).

Обращают на себя внимание бросающиеся в глаза существенные отличия друг от друга коми-зырянских говоров по сравнению с коми-пермяцкими и коми-язьвинскими, что можно объяснить большей (до какой-то степени) разобщенностью территорий коми-зырян, чем коми-пермяков и коми-язьвинцев. Причиной заметных различий коми-зырянских говоров с говорами коми-пермяков и коми-язьвинцев можно считать большую территориальную разобщённость коми-зырян, коми-пермяков и коми-язьвинцев.

Коми-зырянских говоров по словарю [Лыткин 1955] насчитывается всего десять. К коми-зырянским относятся следующие говоры: печорский, среднесыольский, верхнесыольский, нижневычегодский, верхневычегодский, присыктывкарский, удорский, ижемский, вымский и лузско-летский. К сожалению, в разных источниках встречаются разные написания названий говоров, например печорский и печерский, удорский и удерский.

Среди многих диалектов коми языка особое внимание обращает на себя печорский диалект, который с севера граничит с ижемским, с юго-запада — с верхневычегодским, а с юга — с говором северного наречия русского языка.

Территория этого диалекта заселялась коми из разных районов. Однако преобладали среди переселенцев выходцы из средней Сысолы; некоторое участие в формировании печорских коми принимали и русские.

Впервые несколько сот слов, бытующих в печорском диалекте, в 1901 и 1916 гг. записал в Усть-Сыольске Ю. Вихман, давший также парадигму склонения существительного и спряжения глаголов (см. [Сахарова и др. 1976]). В печорском диалекте, принадлежащем группе эловых диалектов коми языка, есть черты, свойственные среднесыольскому и верхневычегодскому диалектам, часто совмещающиеся. Печорский диалект изучался в 1961 и 1965 гг. В деревне Мамыль было смешанное коми-русское население. В нескольких селах (Покча, Дутово, Вытский Норыс) первыми переселенцами были

русские из Чердынского края. Самым древним в топонимии республики Коми считается прибалтийско-финский компонент. Топонимы прибалтийско-финского происхождения обнаружены в низовьях Вычегды и в бассейне Лузы, что свидетельствует о древних контактах в этом районе южных коми и прибалтийских финнов (на Нижней Вычегде и в Прилузье).

Коми-пермяцкое наречие

В языке коми-пермяков было три диалектных группы: северная, южная и зюздинская, из которых последнюю справедливо относят к переходному говору от коми-зырянского к коми-пермяцкому (см. [Федосеева 2005]). Она была распространена в верховьях Камы в Кировской обл.

Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов [Жилина и др. 1961] свидетельствует о том, что коми-пермяцкий и коми-зырянский языки были весьма близки между собой и что зырянские основы могли быть привнесены в Верхнее Прикамье, где в XVI–XVIII вв. проживали отдельные семьи коми-зырян, давшие основы ряду фамилий. Тем не менее, происхождение коми-пермяцко-удорских и коми-пермяцко-ижемских параллелей осталось невыясненным.

В 60–90-е гг. коми-пермяцкий язык стал изучаться в школах только как предмет, утратив, по мнению З. Тудвасевой, свои социальные функции [Тудвасева 2005: 154–155].

Письменность

Письменность, быстро забытую, на коми языке (с использованием греческого и славянского алфавитов) создал в XIV в. миссионер Степан Храп (Стефан Пермский), ставший впоследствии первым епископом у коми (1383–1395 гг.). В XVII в. на основе славяно-русской графики была создана новая письменность, встречающаяся в разных диалектах. Новые поселения коми-зырян в основном находились в верхнем течении р. Лузы в Объяческой и Ношульской волостях. По существу, развитие литературного языка (всплеск развития художественной

литературы XVIII–XIX вв. здесь не обсуждается) началось только после Октябрьской революции и тянулось с 1918 г. вплоть до конца 30-х гг., когда был восстановлен алфавит на русской графической основе (до этого времени он базировался на латинской графике).

Письменность у коми-пермяков была введена в 1921 г., причем пользовались ею зыряне на русской графической основе. За норму были взяты основные особенности кудымкарско-иньвенского диалекта. В 1930-е гг. алфавит был латинизирован, а в конце 30-х гг. снова восстановлен на русской основе.

В книге «Революция и письменность» (1932 г.) в разделе «Хроника» приводится список алфавитов, употреблявшихся на территории СССР того времени и нередко употребляемых сейчас. В приводимых национальных алфавитах, построенных на основе НА (нового алфавита), числятся вогульский (манси), коми и коми-пермяцкий, лопарский (саамский), остяко-самоедский, остяцкий, ненецкий; вепсский, ижорский, мордовский мокша и мордовский эрзя, удмуртский (вотяцкий). Приводятся миссионерские по происхождению алфавиты на русской основе (например, мари-горный, мари-луговой, удмуртский, русский и некоторые другие), а также алфавиты на неунифицированной латинской и арабской основе. Интересно отметить, что в этот список не включены древние, давно вышедшие из употребления алфавиты, в числе которых находятся енисейский и зырянский [Революция и письменность 1932: 194].

Об унификации алфавитов писал в том же 1932 г. Б. Гранде, который подчёркивал, что «латинизация письменности народов СССР необходимо должна быть связана с унификацией, а унификация возможна лишь на базе латинизации» [Гранде 1932: 160]. Б. Гранде доказывал, что «одна и та же фонема должна во всех языках обозначаться одной и той же буквой, причем фонема должна пониматься не физиологически, а со стороны её общественной значимости» [Там же: 162]. По словам автора, эта установка не была принята во внимание при выработке

карельского, коми и удмуртского алфавитов. Между тем, по мнению Б. Гранде, следовало провести унификацию алфавитов по определенным территориям [Там же: 163–164].

Расселение: история и современность

Трудно (если не сказать, невозможно) учесть разбросанные по России говоры коми языка, часто смешанные друг с другом. Основным населением в Республике Коми являются коми-зыряне и русские. Осенью 2009 г. мне удалось получить некоторые сведения от Н.А. Повод (Лискевич) о составе жителей в районе Самбурга, где по приблизительным подсчетам живет около 2000 человек (в том числе — кочующие): «Из них около 1,5 тыс. — ненцы, русские — около 10 %, коми — чуть меньше 10 %, среди прочих много мигрантов с Кавказа; манси нет. Ненцы представлены двумя группами — тундровой и лесной, тундровые там смешанных ненецко-коми семей, но почти во всех дети формально записаны как ненцы, хотя большинство позиционирует себя как коми».² И дальше был дан совет: «Если вы хотите поработать в районе активного взаимодействия коми, ненцев, манси, то лучше ехать в Саранпауль, это Березовский район Ханты-Мансийского автономного округа (далее ХМАО). В 2006 г. на территории Саранпаульского поселения там было коми 32 % (1023 чел.), манси — 27 % (840 чел.), русские — 23 % (740 чел.), ненцы — 11 % (334 чел.), прочие — 5 % (163 чел.), ханты — 2 % (61 чел.). Среди ненцев много европейских по происхождению. А еще там по рекам можно добраться до мансийских посёлков (Ясунт, Хурумпауль, Хошлог и пр.), либо до Сосьвы и Сартыньи. Сосьва тоже центральное поселение, входит в состав Саранпаульской сельской администрации, но выделяется отдельно». Дальше Н.А. Повод писала: «Ещё мне очень нравится Казым, это Белоярский район ХМАО, живут коми, ханты и лесные ненцы. Коми там появились так же, как и в Самбурге, после

² Данные из неопубликованного письма.

образования оленеводческого совхоза, хотя отдельные семьи кочевали с начала 20 века. И мечтаю поработать в Надымском и Приуральском районах ЯНАО, по литературе и архивам материалы о коми этих территорий пособираала, но пока не получается доехать».

Чуть позже пришло другое письмо, в котором сообщалось: «В августе я побывала еще и в Пуровском районе, в с. Самбург, коми там появились в 30-х гг. в связи с образованием оленеводческого совхоза, переезжали в основном семьи из Салехарда и Мужей. У них активно шли процессы метисации с ненцами, причем многие современные жители формально записаны как ненцы, но идентифицируют себя с коми, при этом, по их словам, знают и коми, и ненецкий языки».

Уже по приведенным выдержкам виден большой разброс коми по разным районам и даже республикам. Например, в Березове есть смешанные семьи: родители говорят друг с другом на мансийском языке, а с детьми — на коми; в хантыйских семьях нередко родители говорят дома на русском, а в школе — на хантыйском языке. В округе проживают (кроме ханты и манси) представители более 10 национальностей (русские — около 100 тыс. чел., украинцы, татары, коми, белорусы и др.).

В 1888 г. на Кольский полуостров пришли и сумели прочно обосноваться в Ловозерской тундре оленеводы-ижемцы. Ижемцы — зыряне (коми), выходцы из села Ижмы и его округи Печорского уезда. На территории Вороньинского сельского общества они построили просторные дома, амбары, бани и жили большими семьями. По Всероссийской переписи населения 1897 г. в Кольском уезде числилось 117 ижемцев, 25 самоедов (ненцев, работавших пастухами). В 1909 г. ижемцы имели уже около 30 тыс. оленей.

Получить сведения о местах проживания и процессах расселения коми можно из многих источников. Среди них особое место занимает книга Н.А. Повод (Лискевич) «Коми Северного Зауралья (XIX – первая четверть XX в.)» [2006],

в которой исследуются процессы социокультурной адаптации коми переселенцев при освоении территории Северного Зауралья в XIX–XX вв. Диаспора зауральских коми-ижемцев сформировалась в Березовском крае, основным центром которой были с. Мужы и Шурышкары (ЯНАО). Локальные группы появились в сёлах Саранпауль, Обдорск, в г. Берёзов (ХМАО).

В 1964 г. А.К. Матвеев опубликовал книгу «Заемствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала», в которой дал описание контактного региона, где исследуется более ста заимствований (относящихся практически ко всем сторонам жизни человека) из коми языка в другие группы населения. Так, в говорах Волго-Двинского междуречья описывается семь этимологических гнезд пермского происхождения. В говорах Верхнего Прикамья А.С. Кривощёкова-Гантман описывает более 70 гнёзд коми-пермяцкого зарождения, что, кстати, вызывает сомнение С.А. Мызникова о возможности происхождения слов широкого распространения только коми-пермяцкого характера [Мызников 2004: 323–324].

В 2010–2011 и следующих годах автору неоднократно удавалось общаться в селах Теги и Мужы с носителями коми языка, которых забросила сюда их судьба. Это были и зыряне-изъватас («народность наша *изъватас*», *изъватас шаньга пыжалам* «коми булочки испечём»), как любили они говорить при беседе с ними), и переселенцы 1920-х гг. из Березова, помнившие песню «В далекой Ижме из-за гор», которую с начала 1990-х гг. стали петь в Березове хор под руководством его организатора Н.И. Терентьева. Местные жители вспоминают и других переселенцев из-за гор более раннего периода.

А.-Р. Хаузеберг в своем словаре «Названия животных в коми языке» высказала предположение, что «лексические данные подтверждают рассеянное расселение коми племён и наличие у них предположительных контактов с родственными племенами. Анализ коми полеводческой лексики показывает,

что основная часть её попадала в коми язык из очень разных источников и на протяжении достаточно долгого времени — более двух тысячелетий» [Хаузенберг 1972]. Далее она пишет, что вариативность базовой лексики «подтверждает... медленное вторжение производительного образа жизни в их культуру» (последнее, впрочем, вызывает сомнение) [Там же: 159]. В этом же словаре встречается слово *кӧин* «волк» и *«лӧк зьвер»*, и делается предположение, что это явно табуистическое название волка, притом тоже на территории ижемского диалекта, в селе Гам. Представители младшего поколения воспринимали это словосочетание в прямом смысле, и только некоторые пожилые охотники с улыбкой отмечали, что так некогда называли *волка*. В ряде языков собирательное название «зверь» употреблялось для обозначения того или иного конкретного зверя (как правило, волка или медведя). Интересно, что в печорском диалекте коми языка *звер* обозначает *куницу*, в язьвинском — *лося*. Встречается гибрид *куницы* и *соболя* под названием *кидас*, первые сообщения о котором имеются в трудах Палласа! В номинациях крупных хищников важную роль играли запреты, и зверя переименовывали либо по внешним признакам, либо по характерным для него свойствам. Например, учитывалась окраска зверя (*сьӧд* «черный», *руд* «серый»), характерная для него пища (медведи травоядные и плотоядные). Встречаются признаки описательные (на шее *белое* или *светлое пятно*; или признак *«волосатый»*) и т. п. В статье В.И. Алатырева [1973] высказывается предположение, что древнее коми слово *кынь* «песец» с появлением в быту кошки стало обозначать и *кошку* (с. 59). По мнению В.И. Лыткина название кошки *кань* в коми языке связано со словом *кань-кань* «неслышно, бесшумно, незаметно», что получилось от слова, характеризующего движение кошки. Допускается также мысль, что «домашнее животное кошка (кань) проникло к коми от камских болгар». В коми языке *кынь* «песец» считается хантыйским заимствованием [Алатырев 1973: 68–70].

Языковые контакты

В районах компактного проживания финно-угорского населения нередко встречаются отдельные селения, в которых проживают коми, овладевшие за годы своего пребывания среди манси и хантов их языками и даже начавшие забывать родной коми язык. Вместе с тем, интересно наблюдать, как медленно в памяти носителей коми языка начинает оживать родной язык, делаются попытки вспоминать полуисчезнувшие из памяти слова, пробуждается интерес к языку, желание исправить допущенную ошибку.

Подобное оживание в памяти коми слов, их «пробуждение» удалось увидеть в речи коми Дарьи Георгиевны Гындышевой (1951 г.р.), живущей в селе Теги с 1974 г. Родилась Д.Г. Гындышева в с. Сартынья (ХМАО), где училась 7 лет; 8-ой класс кончала в Сосьве; училась в педучилище. В 1970 г. работала в ханты-мансийском педучилище. Муж — хант. Первое время (2011–2012 гг.), работая информантом с автором данной статьи, Д.Г. Гындышева с трудом вспоминала отдельные слова, которые я просила её перевести с русского на её родной коми язык. Постепенно ею вспоминались всё новые и новые слова, ушедшие из памяти, которые она и сама иногда записывала, чтобы не забыть их опять. В следующем 2012 г. ею было написано уже около 800 разных слов. Интересно, как долго память человека может упорно держать в подобной ситуации неиспользуемые, вытесняемые другим языком (которым владеют все жители в поселке) и быстро забываемые слова родного языка?

Подобно тому, как выискивался материал по коми языку (точнее сказать, «выскребался») у единичных носителей этого языка в селах с хантыйским, мансийским, мокшанским, эрзянским и др. языками, в сёлах Теги, Мужы, Восьхово, Шурышкары материал собирался и в пунктах проживания коми как основного места их проживания, например, в при- или зауральских пунктах. В 1921 г. появились переселенцы из Коми,

где (по словам местной жительницы) был «падёж скота, голод начался. Здесь живет четыре поколения. Тундровые ненцы говорят по-коми. Ханты — язычники, молятся деревьям. При коми наплыве ханты уехали по маленьким рыбацким поселкам. В домах не умели жить. Сейчас уже цивилизные» (устар. 'гражданский, штатский', лат. *civilis*) [запись сделана 28.06.2008 в селе Мужжи]. Коми, переселившиеся за Уральские горы, постепенно стали преобладающим населением в с. Мужжи хантыйского происхождения (*Мыжы* 'живая вода'). Сразу обращает на себя внимание увеличение коми-зырянских именованных даже не только у жителей села. Например, в печорском диалекте коми языка среди детских имён можно найти имя *Педул Терень Ольга* 'Ольга Федула Терентьевича'. Чаще встречаются имена-отчества взрослых людей, напр.: *Вань Ёдя* 'Евдокия Ивановна', *Иван Кõштя* 'Константин Иванович', *Терень Люся* 'Людмила Терентьевна'. Едва ли не ещё большее внимание обращают на себя часто используемые фразеологические обороты типа «ломать голову над чем-либо» *юр жугдыны* (к.-п.) = *юр-жуглыны* (к.-з.); «руки опускаются» *киõ нем оз пыр*; «руки опустились» *ки кок усис*; «язык чешется» *кыв лудõ* = к.-п. *кылыс лудõ* = удм. *кылыз лыдэ*; «дураком остаться» *йõйõн кольны* и др.

Преподавание коми языка, которое велось в младших классах в 1994–2008 гг., в последнее время в селе прекращено. Как и у коми, не употребляют в школе и языки хантыйский, мансийский, ненецкий. Ханты еще пользуются родным языком, но с коми говорят по-русски.

Если коми язык пестрит заимствованиями из русского языка, то сам русский язык (в свою очередь) немало заимствует слов из разных уральских языков [Кузнецова 2014: 134–144].

Подобно тому, каковы были трудности со списками алфавитов в прошлом веке, не меньшие трудности возникали в отношении ударения и позже в коми-зырянских диалектах, где ударение в значительной мере свободное, а говорящие обычно от изменения ударения не отмечают даже изменений

в значении слова. Ударения можно ставить на любом из трёх слогов слова: *кЭркаын* — *кэркАын* — *кэркаЫн* ‘в избе’. Наиболее архаичный тип ударения сохранился в коми-язьвинском диалекте (об особенностях ударения в коми-язьвинском диалекте, об изменениях в нём и о причинах происходящих изменений см., например, [Лыткин 1952: 101–102]).

В.И. Лыткин (как, впрочем, и многие другие лингвисты) обратил в своё время внимание на взаимодействие прибалтийско-финских языков с языками иносистемными, в частности с коми языком. Заволоцкая чудь (прибалтийские финны) и коми жили на одной территории, благодаря чему заволоцкая чудь оказала большое влияние и на язык коми, и на севернорусский говор, что позволило сохранить много десятков слов прибалтийско-финского происхождения. В результате в топонимике Вычегодского и Вашкомезенского районов наблюдаются двойные топонимы, напр.: р. *Ву* (по-коми) — р. *Вашка* (по-русски); р. *Емва* (по-коми) — р. *Вымь* (по-русски); приток Мезени *Мозын* (по-коми) — р. *Мезень* (по-русски); *Эжва* (по-коми) — *Вычегда* (по-русски) и т. д. [Лыткин 1971: 64]. На основе вымских диалектов выработался ижемский говор и говоры населения бассейна верхней Вычегды.

В своё время (более 200 лет назад, в 1837 г.) Н.И. Надеждин, интересуясь топонимами на территории мордовского края, говорил: «названия — язык земли, а земля есть книга, где история человечества записана в географической номенклатуре» [Инжеватов 1987: 5].

Литература

Алатырев В.И. Этимологические заметки // Вопросы удмуртского языкознания. Вып.2. Ижевск, 1973. С. 59–81.

Гранде Б. Ещё об унификации алфавитов (взамен письма в редакцию) // Революция и письменность. Москва, 1932. С. 160–164.

Жилина Т.И., Сахарова М.А., Сорвачева В.А. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.

Инжсватов И.К. Топонимический словарь Мордовской АССР. Саранск, 1987.

Исаев М.И. О языках народов СССР. Москва, 1978.

Кузнецова А.И. Изменение границ этноязыковых процессов в России за последние полтора столетия (от Лапландии до Енисея в Западной Сибири) // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности. Книга 1. Москва, 2014. С. 134–146.

Лыткин В.И. Древнепермский язык. Чтение текстов, грамматика, язык. Москва, 1952.

Лыткин В.И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам (с обзором диалектов и диалектологическим словарем). Ч. 1. Москва, 1955.

Лыткин В.И. Коми-язвинский диалект. Москва, 1961.

Лыткин В.И. Этимологические изыскания // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы взаимодействия прибалтийско-финских языков с инносистемными языками. Ленинград, 1971.

Матвеев А.К. Географические названия Тюменского Севера. Екатеринбург, 1997.

Мызников С.А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада. Этимологический и лингвогеографический анализ // Санкт-Петербург, 2004.

Повод Н.А. (=Лискевич Н.А.). Коми Северного Зауралья (XIX – первая четверть XX в.). Новосибирск, 2006.

Революция и письменность. №4–5 (14–15). Москва, 1932. Хроника. С. 192–194.

Сахарова М.А., Сельков Н.Н., Колегова Н.А. Печорский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976.

Тудвасева З. Этапы формирования коми-пермяцкого литературного языка // *Linguistica. Pars II. Summaria acroasium in sectionibus.* Joshkar-Ola, 2005. P. 154–155.

Федосеева Е. Некоторые пермяcko-зырянские лексические параллели // *Linguistica. Pars II.* Joshkar-Ola, 2005. P. 160–161.

Хаузенберг А-Р. Названия животных в коми языке. Таллин, 1972.

Кузнецова Ариадна Ивановна
Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, филологический факультет
aikuznec@yandex.ru

**Климов Г.А., Каджаиа О.М. Отв. ред. К.Т. Гадилия.
Мегрельско-русско-грузинский словарь. —
Москва: Говорун, 2013. — 456 с.**

Рецензируемый словарь является первым опытом в русскоязычной картвелистике детальной разработки лексики мегрельского языка со времен словаря И.А. Кипшидзе, служившего приложением к его Грамматике (*Кипшидзе И., Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматией и словарём.* СПб, 1914) и представляет собой издание материалов для мегрельского словаря, в течение долгих лет собиравшихся выдающимся советским кавказоведом Г.А. Климовым (1928–1997). Рассматриваемые лексикографические данные были дополнены и отредактированы автором монументального трехтомного мегрельско-грузинского словаря (2001–2002; дополнительный четвертый том издан в 2009 г.) О.М. Каджаиа, а также оцифрованы, снабжены транскрипцией и подготовлены к печати К.Т. Гадилия.

Издание включает в себя следующие разделы: предисловие (с. 4–9), главу «Особенности подачи материала» (с. 10–12), собственно текст словаря (с. 13–445), статью М.Е. Алексеева «Климов — картвелист» (с. 446–447), а также «Краткий очерк мегрельского языка» Г.А. Климова (с. 448–455).

Настоящая рецензия состоит из (1) краткого описания истории лексикографии мегрельского языка, (2) краткого очерка научного наследия Г.А. Климова (в котором также рассматриваются публикуемые в предлагаемом издании дополнительные материалы) и (3) анализа состава словаря.

1. История лексикографии мегрельского языка

Первые научно-ориентированные попытки составления словника мегрельского языка следует отнести ко второй

половине XVIII в., когда в составе «грузинского словаря» И.А. Гюльденштедта¹ было опубликовано 247 мегрельских соответствий грузинским словарным единицам.

Дальнейшая разработка лексикографии мегрельского языка привела к созданию обширного словаря И.А. Кипшидзе, прилагаемого, наряду с хрестоматией, к его «Грамматике» (1914), а также «Чанско-мегрельско-грузинского словаря» А.С. Чикобава (1938), «Мегрельско-грузинского словаря» Г.Э. Элиава (1997) и, наконец, вышеупомянутого словаря О.М. Каджаиа.

Рецензируемый словарь следует рассматривать как продолжение данной лексикографической традиции. Несмотря на очевидную заявку соавтора и ответственного редактора на представление многолетнего труда Г.А. Климова по сбору сведений о мегрельском языке, как это сейчас принято говорить, в виде «work in progress», данный словарь также имеет особую ценность в том, что он открывает русскоязычному научному сообществу доступ к богатой мегрельской лексике в сравнении с грузинской в удобном формате, так как каждая статья снабжена общепринятой в картвелистике транскрипцией на основе латиницы. Текст словаря хорошо структурирован и изобилует отсылочными пометами (*см., ср.* и *пр.*), органично увязывающими размещенные в разных частях списка лексические единицы. Научная значимость словаря, в первую очередь, обусловлена большим объемом новой лексики, впервые представленным в подобного рода издании (подробнее см. раздел 3 ниже), а также высокой степенью отражения вариативности произносительных конвенций, сложившихся в различных диалектах и говорах мегрельского языка.

¹ Речь идет о книге *Гильденштедт И.А.* Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из Путешествия г-на академика И.А. Гильденштедта чрез Россию и по Кавказским горам, в 1770, 71, 72 и 73 годах. СПб. : Имп. Акад. наук, 1809, которая была переиздана в 2002..

2. Научное наследие Г.А. Климова

Выдающийся советский кавказовед Г.А. Климов оставил значительный след в развитии советской, российской и мировой науки, занимаясь изучением самых разных уровней языковой структуры (в т. ч. исторической и синхронной фонологии, морфологии и синтаксиса, типологии и лексикологии). Особый вклад он внес в исследование картвельской этимологии в качестве автора первого фундаментального этимологического словаря (1964) картвельских языков, позднее подготовленного к печати учеником Г.А. Климова Я.Г. Тестельцом и переизданного В. Винтером в расширенном формате (1998), а также труда, посвященного выявлению древнейших индоевропейских заимствований в картвельских языках (1994). В рецензируемом издании впервые публикуется очерк М.Е. Алексеева, представителя плеяды учеников Г.А. Климова, о его научной деятельности как картвелиста, лексикографа, этимолога и типолога (с. 446–447).

Лексикографическая деятельность Г.А. Климова не ограничивалась интересом к картвельским языкам и к сопоставлению их материала с данными индоевропейских языков, но охватывала весь кавказский ареал. Результатом его работы и работы его ученика М.Ш. Халилова стал изданный под редакцией Я.Г. Тестельца «Словарь кавказских языков. Сопоставление основной лексики» (2003), представляющий собой справочное издание исключительной ценности для кавказоведов и специалистов по ареальному языкознанию. Во многом опираясь на данную работу, а также на материал своей монографии «Грузинско-дагестанские языковые контакты» (2004), равно как и на свои многочисленные труды по лексикологии дагестанских языков, М.Ш. Халилов в недавнем прошлом в соавторстве с британским лингвистом Б. Комри издал монументальный «Словарь языков и диалектов народов Северного Кавказа. Сопоставление основной лексики» (2010).

Рецензируемое издание также включает в себя «Краткий очерк мегрельского языка» Г.А. Климова (сс. 448–455), ранее публиковавшийся в сборнике «Языки мира. Кавказские языки» (2001), который призван дать читателю общее представление о структуре мегрельского языка, его диалектных формах и социолингвистических параметрах. Несмотря на наличие уже очевидно архаичных («звукотип ə», «[мегрельский язык] [н]е знает категорий рода и класса») и не вполне информативных формулировок («результативные III и IV, сослагательное IV и условное IV»), данный очерк в целом представляет собой по сути единственное приближенное к современному состоянию языкознания описание мегрельского языка на русском языке и органично вписывается в состав рецензируемого издания.

3. Анализ состава словаря

Для оценки содержательной стороны основной, собственно словарной части рецензируемого издания (предлагаемый словник включает в себя в общей сложности 11087 статей) автором данного текста было принято решение провести фронтальное сопоставление состава словника с составом наиболее объемного из уже имеющихся словарей мегрельского языка, при создании которого были также учтены данные из словарей, публиковавшихся ранее, — трехтомного «Мегрельско-грузинского словаря» О.М. Каджаиа, в котором приводится более 29 тысяч словарных статей (ввиду отсутствия электронной версии изданного в 2009 г. четвертого тома материал последнего не был нами учтен)².

Алгоритм наших действий заключался в отправке запросов, содержащих заглавные слова каждой статьи (или, при наличии

² Данный словарь был полностью оцифрован и представлен онлайн на интернет-ресурсе Франкфуртского университета им. И.В. Гете «TITUS» (рук. И. Гипперт) в рамках проекта «ARMAZI» (URL: <http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etca/cauc/megr/kajaia/kajai.htm>).

вариативности, отраженной при помощи символа «двойной/одинарный слэш», всех представленных вариантов заглавного слова) рецензируемого словаря³ на указанный ресурс и записи ответов-совпадений, в результате чего было выявлено, по крайней мере, 3992 запроса, на которые ресурс не возвратил ответа, в котором бы содержалась ожидаемая информация.⁴

Таким образом, даже поверхностное сопоставление позволило выявить почти четыре тысячи впервые зафиксированных и теперь публикующихся словарных статей, что следует признать очевидным лексикографическим успехом рецензируемого издания. (Данные цифры, однако, не следует рассматривать как окончательные, поскольку нельзя исключать ошибок совпадения и, тем самым, допускать наличия еще большего количества впервые внесенных в словник мегрельского языка словарных единиц.)

Анализ «новых» единиц позволил выявить наиболее часто и системно представленные в их числе группы слов:

(1) дейктики (ср. *eki* — вверх, *tešixolo* — также, и так);

(2) по крайней мере, 76 лексикализованных т. наз. «имен бывшего состояния» (ср. *naragadu* — сказанный, *naskiledi* — 1. оставленный, 2. рожавшая, *naxuna* — (по)сидевший в тюрьме; отсидевший);

(3) союзы (ср. *varti... varti...* — ни...ни);

(4) междометия (ср. *va-va!* — ой! ой! (сожаления, испуга), *vah-vah!* — ой! ой!);

(5) по крайней мере, 67 префиксальных глаголов и их дериватов, употребление которых характерно для гальского говора самурзакано-зугдидского диалекта мегрельского языка

³ В данном случае мы конвенционально использовали параметр допущения общепринятой при таких процедурах погрешности в написании, составляющий 75%.

⁴ В данной связи я хотел бы выразить особую благодарность моему другу, программисту О.Д. Булатовскому (Львов), за техническую реализацию исследования и терпеливое отношение к обсуждению вопросов обработки транскрипции картвельских языков.

(ср. *ala-iuna* — следовать (рядом), идти (рядом), *aša-sxar'ua* — прыгнуть (посреди чего-либо));

(6) по крайней мере, 37 префиксальных глаголов и их дериватов, употребление которых характерно для сенакско-го диалекта мегрельского языка (ср. *dino-gapa* — вложить (в ножны, футляр), *dino-xoxua* — вползть (во что-либо));

(7) префиксальные дериваты, не фиксировавшиеся ранее (ср. *gila-nžira* — прилечь, лежать (на чем-либо), *gila-rina* — простаивать, остановиться);

(8) деривационные кальки грузинских композитов и адвербиальных форм (ср. *deida-skua* — брат, сестра (двоюродная по материнской линии), *mapoba* — царствование, *zer'ir-o* — наизусть);

(9) прямые заимствования из грузинского языка (ср. *aseti* — и теперь, и ныне, *meangure* — каменщик, *tebaγe* — садовник);

(10) функциональные кальки грузинских форм «вежливости» (ср. *dozožit* — извольте сесть, садитесь!)

(11) топонимы (ср. *Abaša* — Абаша, *Xopa* — Хопа);

(12) прямые заимствования топонимов и этнонимов, а также их дериватов из грузинского языка (ср. *abašuri* — абашский, *arabuli* — арабский, *lazuri* — лазский);

(13) интернационализмы, заимствованные из грузинского языка (ср. *at'las* — атлас);

Приведенные данные, как представляется, свидетельствуют в пользу исключительной научной значимости рецензируемого издания для картвельского языкознания и заслуживают внимания научного сообщества как продолжение славной традиции отечественного кавказоведения.

Ростовцев-Попель А.А.

Ростовцев-Попель Александр Александрович
Майнцский Университет им. Гуттенберга
rostovts@uni-mainz.de

Всероссийский мастер-класс учителей родных, включая русский, языков

26–27 ноября 2013 г. в Федеральном институте развития образования проходил «Всероссийский мастер-класс учителей родных, включая русский, языков». Учредителями данного мероприятия являются Комитет Государственной Думы по делам национальностей, Министерство регионального развития Российской Федерации, Ассамблея народов России, издательства «Просвещение» и «Дрофа». Ежегодно в течение последних семи лет АНО «Институт национальных проблем образования» проводит на конкурсной основе Всероссийский мастер-класс при финансовой поддержке Минрегионразвития России. В 2013 г. в конкурсе участвовало 67 человек из 39 регионов. Для того чтобы попасть в финал Всероссийского мастер-класса, все заявленные учителя должны были быть победителями конкурсов на уровне субъекта Федерации или победителями национального проекта «Образование», а также должны были успешно пройти заочный отборочный тур. Конкурсантами были представлены методические разработки уроков и внеклассных мероприятий, направленных на реализацию диалога культур и изучения языка с опорой на знания, полученные на уроках русского языка. На заключительном очном этапе учителя выступали с визитными карточками: рассказывали о своей школе, о себе, о своём субъекте Федерации, демонстрировали свои национальные костюмы и рассказывали о них.

Основным заданием было представление фрагмента урока по родному языку с наиболее удачными методическими решениями. Все участники привезли выставки, где были представлены методические разработки по урокам родного языка и литературы, различные традиционные поделки учащихся

и авторские работы учителей — участников Всероссийского мастер-класса. Этот конкурс — встреча лучших учителей родных языков, в том числе и учителей русского языка, когда его преподают в статусе родного, обмен педагогическим опытом, обогащение методического арсенала учителя и познание богатейших традиций народов России, приобретение новых друзей из различных субъектов Российской Федерации.

Обладателем Гран-при «Серебряное перо»-2013 стала Иващенко Лариса Альфредовна — учитель русского языка и литературы муниципального казенного образовательного учреждения «Красноярская средняя общеобразовательная школа» Омского района Омской области.

Первое место разделили учитель лезгинского языка и литературы муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Герейхановская средняя общеобразовательная школа № 1» Сулейман-Стальского района Республики Дагестан Магамдаров Шамсудин Шихкеримович, Ганижева Мадина Аюповна, учитель русского языка и литературы государственного казенного общеобразовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа с.п. Али-Юрт» Назрановского района Республики Ингушетия и учитель марийского (государственного) языка муниципального образовательного учреждения «Сернурская средняя (полная) общеобразовательная школа № 2 имени Н.А. Заболоцкого» Республики Марий Эл Москвина Майя Ивановна.

Второе место заняли Гагиева Ляна Аршаковна, учитель осетинского языка и литературы муниципального бюджетного образовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа № 27 имени Ю.С. Кучиева» г. Владикавказа Республики Северная Осетия-Алания, Диарова Ирина Алексеевна, учитель чувашского языка и литературы муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа № 33 имени Героя России сержанта Н.В. Смирнова» г. Чебоксары Чувашской Республики, Баязгулова Зульфия Абуталиповна, учитель башкирского

языка и литературы муниципального автономного общеобразовательного учреждения «Гимназия № 3 им. Дж. Киекбаева» городского округа г. Стерлитамака Республики Башкортостан и учитель тувинского языка и литературы муниципального бюджетного образовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа № 12 имени Воинов-интернационалистов» г. Кызыла Республики Тыва Лопсан Солангы Эресовна.

Третье место разделили учитель хакасского языка и литературы муниципального бюджетного образовательного учреждения «Усть-Камыштинская средняя общеобразовательная школа» Аскизского района Республики Хакасия Албычаков Игорь Никитич, учитель татарского языка и литературы муниципального автономного общеобразовательного учреждения «Гимназия № 61» г. Набережные Челны Республики Татарстан Зарипова Лилия Галимзяновна, учитель мордовского (эрзянского) языка и литературы муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Кочкуровская средняя общеобразовательная школа» Дубенского муниципального района Республики Мордовия Наумкина Галина Ивановна и учитель удмуртского языка и литературы муниципального общеобразовательного учреждения «Ключевская средняя общеобразовательная школа» д. Удмуртские Ключи Глазовского района Удмуртской Республики Семёнова Ольга Витальевна.

Специальный приз Государственной Думы получили учитель башкирского языка и литературы муниципального автономного общеобразовательного учреждения «Гимназия № 3 им. Джалиля Киекбаева» городского округа г. Стерлитамака Республики Башкортостан Баязгулова Зульфия Абуталиповна, учитель тувинского языка и литературы муниципального бюджетного образовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа № 12 имени Воинов-интернационалистов» г. Кызыла Республики Тыва Лопсан Солангы Эресовна и Учитель марийского (государственного) языка муниципального образовательного учреждения «Сернурская средняя (полная) общеобразовательная школа

№ 2 имени Н. А. Заболоцкого» Республики Марий Эл Москвина Майя Ивановна.

Подведение итогов конкурса и награждение проходило 28 ноября в торжественной обстановке в Государственной Думе Российской Федерации. Затем там же в рамках мероприятия был проведен круглый стол «Государственная языковая политика Российской Федерации: состояние и перспективы», на котором обсуждались следующие вопросы:

- языковое и культурное многообразие, как фактор сохранения единства России;
- эффективность использования инновационных технологий в обучении родным языкам народов России;
- мотивация изучения языков народов России в статусе «родного».

*Андреева И.В.,
Агранат Т.Б.*

Андреева Ирина Викторовна
Центр этнокультурной стратегии образования Федерального института развития образования Минобрнауки РФ
ipro_rus@mail.ru

Агранат Татьяна Борисовна
Институт языкознания РАН
tagranat@yandex.ru

**Международная конференция
«Лингвистическая экология: проблематика
исчезающих языков и культур в истории
и современности»**

С 19 по 22 сентября в поселке Новокумском Левокумского района Ставропольского края в рамках форума «Некрасовский

карагод — 2014», посвященного Году культуры на Ставрополье, при поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Министерства культуры Ставропольского края прошла Международная конференция «Лингвистическая экология: проблематика исчезающих языков и культур в истории и современности».

Место проведения мероприятия было выбрано неслучайно: в поселке Новокумском проживает особая социально-конфессиональная группа — казаки-некрасовцы. Этнокультурное своеобразие казаков-некрасовцев состоит в том, что в течение двух с половиной веков проживания в Турции, в условиях инокультурного окружения, они сохранили русский язык, культуру, обычаи, иначе — систему этнических констант, которая и является той призмой, сквозь которую человек смотрит на мир и которая определяет этничность сознания человека. Казаки-некрасовцы — народ, который под предводительством атамана Игната Некрасова был уведен от гнева Петра Первого в Турцию после Булавинского восстания в 1708 г., в сентябре 2014 г. отпраздновал 52-летие возвращения на историческую родину, в Россию, в села Левокумского района.

Целью форума было привлечение внимания к проблеме сохранения духовной культуры и культурно-исторических традиций малых этнографических групп. Решению этой проблемы и были посвящены заседания секций и круглых столов конференции.

В конференции приняли участие сотрудники Института лингвистических исследований РАН, Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Института языкознания РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова, Сыктывкарского государственного университета, Амурского государственного университета, Пятигорского государственного лингвистического университета, Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Чеченского государственного университета, Оренбургского государственного

университета, Томского государственного университета, а также иностранные ученые (география была довольно обширной: Армения, Таджикистан, Азербайджан, Эстония, Белоруссия, Австралия). Среди участников Международной конференции 18 профессоров, докторов филологических наук, 11 доцентов, кандидатов филологических наук, 4 аспиранта.

«Лингвистическая экология, — как заметила проф. В.М. Грязнова на пленарном заседании, — очень важное и актуальное направление в языкознании, хотя сам термин введен относительно недавно. Забота о сохранении национальной культуры прежде всего связана с сохранением и изучением всех социальных факторов и функциональных особенностей употребления языка. Не в последнюю очередь это относится и к исследованию диалектов». На конференции неоднократно подчеркивалось, что особенно актуальной проблема сохранения речевой среды становится для многоязычных регионов Северо-Кавказского федерального округа. На территории Ставропольского края, где проводилась конференция, проживает более 60 этносов и этнических групп со своими этническими языками и культурой. Глобализация экономической и социальной жизни, характерная для XX и XXI вв., влечет за собой и унификацию жизни. В то же время одним из парадоксов, который сопровождает процессы экономической и социальной глобализации, является тот факт, что культурные различия становятся более выраженными, чем прежде. Отход от массовой культуры выражается в обращении к историческим, этническим корням.

Научная значимость проведенной Международной лингвистической конференции «Лингвистическая экология: проблематика исчезающих языков и культур в истории и современности» в том, что её работа будет способствовать сохранению филологического и культурного наследия Юга России, повышению уровня научных исследований в области лингвоэкологии, диалектологии, лингвокультурологии русского языка, а ее результаты найдут отражение в практической

работе по русскому языку вузовских преподавателей и учителей со студентами и школьниками. Немаловажным является и тот факт, что студенты филологического факультета Гуманитарного института СКФУ послушали доклады профессоров из многих российских городов, а также ученых из Австралии, Эстонии, Армении, Таджикистана и многих других, а также участвовали в работе круглых столов конференции.

Много докладов было посвящено русским диалектам, были и выступления, касающиеся проблем сохранения исчезающих языков и диалектов России и постсоветского пространства.

Помимо исследовательской лингвистической работы гостей и участников форума ждала насыщенная культурная программа – фестиваль «Некрасовские сказки», участие в представлении традиций чаепития в молоканской общине, посещение Новокумского старообрядческого храма, знакомство с кулинарной культурой, народным костюмом, устройством быта казаков-некрасовцев. Каждый день был интересен новыми событиями. Казаки-некрасовцы представили гостям свою оригинальную кухню, традицию чаепития, особенности национального костюма, разрешили посетить уникальную в своем роде старообрядческую церковную службу. Этномузей и этнодеревня поселка Новокумского ярко продемонстрировали быт и настроение некрасовской жизни.

*Саламанова А.,
Семиногина Е.,
Шейко Д.*

Саламанова Арзу (магистр филологии)
Семиногина Екатерина (3 курс)
Шейко Дарья (апирант)
Северокавказский федеральный университет
violetta-sgy@mail.ru

**Открытое заседание отдела кавказских
языков Института языкознания РАН,
посвященное теме «М.Е. Алексеев и
перспективы дагестанского языкознания»**

23 октября 2014 г. в Москве состоялось открытое заседание отдела кавказских языков Института языкознания РАН, посвященное теме «М. Е. Алексеев и перспективы дагестанского языкознания». Заседание прошло накануне 65-летия Михаила Егоровича Алексеева, заведовавшего отделом на протяжении многих лет и скончавшегося в мае этого года. С докладами выступили коллеги и друзья ученого как из его института, так и из других учреждений Москвы, где занимаются изучением кавказских языков.

Открывая заседание, директор ИЯз РАН, чл.-корр. В.М. Алпатов, отметил, что М.Е. Алексеев был человеком, у которого выбор профессии и выбор специализации произошел очень быстро. В старшей школе он дважды (в 1966 и 1967 гг.) становился призером олимпиад по языковедению и математике, проводимых в МГУ им. М.В. Ломоносова отделением структурной и прикладной лингвистики, и после окончания школы поступил на это отделение. Уже в студенческие годы, заинтересовавшись во время летних лингвистических экспедиций ОСиПЛа дагестанскими языками, он выбрал именно их в качестве основного объекта исследования и оставался верен своему выбору все последующие годы. Окончив аспирантуру Института языкознания, он был принят в штат отдела кавказских языков, пройдя затем все ступени должностной лестницы от младшего научного сотрудника до заведующего отделом (и одновременно заместителя директора института по научной работе). М.Е. Алексеева с полным правом можно было назвать лидером отечественного кавказоведения, при этом его отличал широкий круг интересов: ему принадлежат

исследования и по компаративистике, и по типологии кавказских языков, и работы чисто описательного характера, посвященные конкретным языкам Дагестана. «Что касается его личных качеств, — сказал, завершая свое выступление, В.М. Алпатов, — я скажу только одно: он был добрым человеком. Не так много людей я знал столь добрых, как он».

В докладе «М.Е. Алексеев и сравнительно-историческое изучение дагестанских языков» заведующий отделом кавказских языков, д.ф.н. Я.Г. Тестелец также подчеркнул, что М.Е. Алексеев относился к редкому типу лингвистов, которые одинаково легко чувствуют себя и в описательной лингвистике, и в типологии, и в сравнительно-историческом языкознании, причем успешно работают во всех трех областях. В области сравнительно-исторического исследования морфологии и синтаксиса нахско-дагестанских языков М.Е. Алексеев фактически достиг максимальных результатов, возможных на нашем нынешнем уровне знаний, так что дальнейший прогресс в этой области может быть связан с либо с углубленной реконструкцией на уровне мелких языковых групп, либо с принципиально новыми методами реконструкции грамматических структур, если такие методы будут обнаружены. Свои взгляды на методологию компаративистических исследований М.Е. Алексеев наиболее полно изложил в статье 1986 г.¹, и в дальнейшем он сам полностью выполнил сформулированную им программу — сначала на уровне таких крупных дагестанских ветвей, как лезгинская и аваро-андо-цезская², а затем и на общевосточнокавказском уровне в обобщающей монографии 2003 г. по морфологии

¹ Алексеев М.Е. О методике сравнительно-исторических исследований (на материале дагестанских языков) // Актуальные проблемы дагестанско-нахского языкознания. Махачкала, 1986. С. 114–143.

² Сравнительно-историческая грамматика лезгинских языков: Морфология. Синтаксис. Москва, 1985; Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков. Москва, 1988.

имени³. Выдающимися можно считать и его достижения в области этимологии в рамках их совместной с С.А. Старостиным работы по реконструкции пралезгинского словаря. Заслугой М.Е. Алексеева, в частности, является то, что он показал возможность продуктивного этимологического анализа идеофонической лексики, которая нередко исключается из процедуры реконструкции.

Доклад старшего научного сотрудника отдела кавказских языков, к.ф.н. Д.С. Ганенкова «Эволюция падежного маркирования субъекта экспериенциальных предикатов в нахско-дагестанских языках» также касался диахронической проблематики. Как известно, для языков нахско-дагестанской семьи характерно наличие, наряду с обширными классами непереходных и переходных глаголов, небольшой группы глаголов, субъект которых (экспериенцер) оформлен дативом или одним из локативных падежей (в этом случае нередко говорят о «неканоническом» маркировании субъекта). Как правило, к таким предикатам относятся 'видеть', 'слышать', 'знать', 'находить', 'забывать', 'любить', 'хотеть' и нек. др. Класс экспериенциальных глаголов, по-видимому, следует реконструировать и для правахско-дагестанского языка, хотя в нескольких языках произошла полная утрата особого экспериенциального кодирования. В докладе было показано, как данные современных языков позволяют выявить пути морфосинтаксического развития глаголов экспериенциального класса. Так, в удинском языке за последние несколько веков дативное падежное кодирование экспериенцера полностью утратилось всеми глаголами во всех диалектах, однако в варташенском диалекте оно сохранилось в системе личного субъектного согласования (особая серия личных клитик): это говорит о том, что неканоническое согласование диахронически более стабильно, чем неканоническое падежное маркирование. Сравнение же нескольких

³ Сравнительно-историческая морфология нахско-дагестанских языков. Категории имени. Москва, 2003.

языков даргинской группы (говоры сс. Чираг, Худуц, Танты, Губден и др.) позволяет предположить, в какой последовательности утрачивают экспериенциальное маркирование конкретные глагольные лексемы. Так, если глагол 'хотеть' сохраняет дативный субъект во всех исследованных идиомах, а глаголы 'знать' и 'понять' — в большинстве из них, то глагол 'находить' имеет обязательно дативное кодирование субъекта только в чирагском, еще в ряде языков отмечается вариативность дативного и эргативного оформления, а в двух идиомах при этом глаголе допустим уже только субъект в эргативе. Различные глаголы экспериенциального класса, тем самым, образуют своего рода иерархию с точки зрения диахронической стабильности неканонического оформления субъекта.

В докладе к.ф.н. М.А. Даниэля (НИУ ВШЭ / ОТиПЛ МГУ) «Еще раз о лице: арчинские и даргинские данные (с некоторыми параллелями)» речь шла о неожиданной модели классного согласования личных местоимений. В арчинском языке номинативный аргумент в единственном числе контролирует согласование по одному из четырех именных классов, двум личным («мужскому» и «женскому») и двум неличным; во множественном числе противопоставляются только два класса, личный и неличный. При этом местоимения множественного числа 'мы' и 'вы' контролируют согласование не по личному классу (как можно было бы предположить, поскольку именно к нему относятся референты, обозначающие людей), а по неличному, что ставит вопрос о мотивации подобного выбора и о его теоретическом осмыслении. Аналогичная модель согласования отмечается и в некоторых других языках — в чеченском и ингушском (нахская группа) и в ряде даргинских. Особенностью такого «локутивного» согласования в арчинском и даргинских языках является то, что контролером согласования может быть не только личное местоимение множественного числа, но и именная группа с аналогичной референцией (например, в позиции обращения), что указывает на дискурсивно-прагматическую, а не

лексическую (как ожидалось бы для классного согласования) природу данного механизма.

Доклад главного научного сотрудника отдела кавказских языков, д.ф.н. Р.О. Муталова «Детализация пространства в ицаринском даргинском: наречия места и превербы» был посвящен семантике языковых единиц, указывающих на направление движения или местоположение объекта в пространстве. В ицаринском языке даргинской группы выделяется 15 пространственных наречий, причем они дифференцируют расположение объекта как по горизонтальной или вертикальной плоскости, так и по сторонам света, а также по положению относительно говорящего или адресата. Базовое значение в этих наречиях передается начальным согласным: $ч/л$ = 'вверх / в северную сторону', $гь$ = 'вниз / в южную сторону', $т$ = 'в восточную/западную стороны', $ж$ = 'к говорящему', $л$ = 'к собеседнику'. Семантику же направления в зависимости от положения по горизонтали или вертикали несут последующие гласные: $=u$ = 'вверх', $=e$ = 'в сторону', $=y$ = 'вниз'. Для большей конкретизации направления пространственные наречия могут функционировать и в сочетаниях друг с другом; первый компонент такого сочетания обычно стоит в аблативе (обозначая исходную точку), второй — в лативе или аллативе (указывает на конечную точку). В целом, использование данных наречий в сочетании с глаголами, которые в свою очередь также содержат пространственные показатели (превербы), позволяет достигнуть высокой степени детализации при описании местоположения и направления перемещения объекта в пространстве.

Последний из представленных на заседании докладов был также посвящен даргинским языкам, однако совершенно другому аспекту их грамматического строя. В своем выступлении «Структура простых предложений с непереходным глаголом в тантынском диалекте даргинского языка» д.ф.н. Н.Р. Сумбатова (Институт лингвистики РГГУ) рассмотрела согласование в предложениях со связкой $=sa-j$ ($=sa-b$, $=sa-r$, $=sa-d$), последний согласный которой представляет собой показатель именного класса. Согласование связки по именному классу не вполне

тривиально: так, в независимых предложениях с аналитическими формами переходного глагола его по умолчанию контролирует эргативная (агентивная) именная группа, однако допустимо согласование по топикальной абсолютивной ИГ (паиенсу). Это заставляет предположить, что в обоих случаях предложение структурно представляет собой непереходную клаузу с вершиной-связкой, согласование которой контролирует «нулевая» абсолютивная группа; собственно глагольная клауза является уже зависимой от связки, ср. схему автора [NP_{ABS} [predication]=COP]. Анализ ряда других синтаксических контекстов — это, в частности, согласование причастия связки в позиции вершины относительного придаточного предложения, а также контроль простого рефлексива — показывает, что абсолютивная ИГ непереходного глагола, судя по всему, находится в структуре составляющих выше, чем любые другие ИГ, непосредственно подчиняющиеся глаголу. Это подтверждается и такими фактами, как утрата противопоставления по переходности в речи носителей младшего поколения (запрещающих непереходные предложения несовершенного вида с синтетическими глагольными формами без связки), а также устройство конструкции с внешним посессором, напоминающую в тантынском известную по многим нахско-дагестанским языками «биабсолютивную» конструкцию.

В целом, как показали прозвучавшие на заседании доклады, исследования по дагестанским языкам проводятся московскими лингвистами вполне активно — причем как в направлениях, непосредственно связанных с научным вкладом М.Е. Алексеева, так и в новых областях, в том числе ориентированных на формальное описание синтаксических структур.

Майсак Т.А.

Майсак Тимур Анатольевич
Институт языкознания РАН
maisak@iling-ran.ru

РОДНОЙ ЯЗЫК
Лингвистический журнал

Институт перевода Библии
101000 Россия, Москва, Главпочтамт, а/я 360
www.ibt.org.ru; ibt_inform@ibt.org.ru

Подписано в печать 15.12.2014
Формат 84×108 ¹/32. Усл.-печ. л. 9,45
Бумага офсетная. Гарнитура «Times»
Тираж 200 экз. Заказ 844

Отпечатано в ООО «ИПП «КУНА»